

26.8г

К 12

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСКУССТВОВАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
ОСНОВАНО В 1805г.

Н.Е.КАБАНОВ

В.К.АРСЕНЬЕВ

ПУТЕШЕСТВЕННИК

И

НАТУРАЛИСТ

1872 ~ 1930

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ
МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ

(Печатаются и поступают в продажу)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

- Белкин, Р. И.—И. И. Мечников. 8 л. Цена 6 руб.
Гайсинович, А. Е.—И. Д. Чистяков. 5 л. Цена 4 руб.
Дементьев, Г. П.—Н. А. Северцов. 4 л. Цена 3 руб.
Жуковский, П. М.—А. Н. Краснов. 6 л. Цена 4 руб.
Мирек, В. Ф.—В. В. Лункевич. 6 л. Цена 4 руб.
Мейер, К. И.—И. Н. Горожанкин. 4,5 л. Цена 3 руб.
Орбели, Л. А.—Иван Петрович Павлов. 10 л. Цена 8 руб.
Павлов, Н. В.—Г. С. Карелин. 3,5 л. Цена 3 руб.
Петров, З. С.—К. Ф. Рулье. 5 л. Цена 4 руб.
Соболь, С. Л.—Первые шаги борьбы за дарвинизм в России. 5 л. Цена 5 руб.

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

- Антропологический сборник. 22 л. Цена 20 руб.
Винберг, Г. Г.—Биотический баланс вещества и энергии озер. 15 л. Цена 13 руб.
Гладков, Н. А.—Биологические основы полета птиц. 20 л. Цена 18 руб.
Иоффе, И. Г., Тифлов, В. Е. и др.—Фауна и экология Aphaniptera и значение их в хранении и рассеивании инфекций, т. II. 10 л. Цена 10 руб.
Капланов, Л. Г.—Тигр, изюбрь, лось. 12 л. Цена 10 руб.
Кафтановский, Ю. М.—Чистяковые птицы восточной Атлантики. 10 л. Цена 10 руб.
Кузнецов, Б. А.—Млекопитающие Казахстана. 14 л. Цена 13 руб.
Кузнецов, Б. А.—Звери Киргизии. 14 л. Цена 13 руб.
Перелешин, С. Д.—Биологические основания плавовой эксплуатации запасов охотничьих животных. 5 л. Цена 4 руб. 50 коп.
Попов, В. Н.—Формативные индукции эмбрионального типа во взрослом состоянии. 3 л. Цена 3 руб.
Сборник.—Рыбы Баренцова и Карского морей. 18 л. Цена 15 руб.
Сборник.—Рыбы Каспийского моря. 20 л. Цена 18 руб.
Сборник.—Материалы по фауне и экологии грызунов, т. III. 16 л. Цена 14 руб.

(См. продолжение на 3 полосе обложки).

И. Е. КАБАНОВ

ВЛАДИМИР КЛАВДИЕВИЧ АРСЕНЬЕВ
ПУТЕШЕСТВЕННИК И НАТУРАЛИСТ

1872—1930

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
МОСКВА

1948

294407

Областная
Библиотека им.
Ч. Валиханова
г. Джамбул

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

№ 29

Напечатано по постановлению Совета
Московского общества испытателей природы

Президент—акад. *Н. Д. Зелинский*
Ученый секретарь — *С. Ю. Литвин*

В Арени

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди немногих исследователей Дальнего Востока и особенно его южной части—Приморья, называвшегося ранее Уссурийским краем, мы встречаем имя Владимира Клавдиевича Арсеньева. Свыше тридцати лет своей жизни отдал В. К. Арсеньев изучению природы и населения этой далекой окраины, оставив нам ряд научных трудов и замечательных литературно-художественных произведений («По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала» и др.).

Собрав значительные научные материалы, В. К. Арсеньев успел, однако, обработать и опубликовать далеко не все. Немалая часть их, к сожалению, не в полном виде, сохранилась в архиве Приморского филиала Географического общества Союза ССР во Владивостоке и сейчас изучается.

Общезвестны отзывы А. М. Горького, М. М. Пришвина, акад. В. Л. Комарова, Л. Я. Штернберга, Фритиофа Нансена и других о трудах В. К. Арсеньева. Нам хотелось бы здесь отметить, что спустя пятнадцать лет со дня его смерти (4.IX.1930), в 1945 году, по инициативе научных организаций Приморского и Хабаровского краев было решено отметить замечательную и поучительную жизнь путешественника-натуралиста В. К. Арсеньева, горячо любившего Дальний Восток, и на примере его жизни и работ показать, что богатства природы Дальнего Востока ждут и будут еще ждать новых людей для их освоения. Это и побудило автора написать книгу о жизни и деятельности В. К. Арсеньева.

Биографические сведения о В. К. Арсеньеве, к сожалению, скудны и отрывочны.

Проф. Ф. Ф. Аристов имел счастливую возможность еще при жизни В. К. Арсеньева получить от него самого рукопись «Воспоминания» (ныне, видимо, утраченную и не числящуюся даже в архиве Географического общества во Владивостоке) и вскоре после смерти Арсеньева опубликовать довольно обстоятельную статью «Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский)»¹.

Но до сих пор все же многие стороны биографии В. К. Арсеньева остаются неосвещенными и мало выясненными. Беря на себя труд дать биографию и описание деятельности В. К. Арсеньева, мы по возможности использовали все материалы, рассказы и воспоминания лиц, соприкасавшихся с В. К. Арсеньевым, и, наконец, свои личные с ним встречи в период с 1927 по 1930 год.

Книги и люди, говорят, имеют свою судьбу. Часть книг Арсеньева стала библиографической редкостью, другие, особенно после его смерти,

¹ Журнал «Землеведение», 1930, т. XXXII, вып. 3—4, стр. 208—243.

переиздавались без всякого соблюдения тождества с оригиналом. Самоя В. К. Арсеньева было одно время почти предано забвению и не числилось обязательным ни на книжных полках, ни в воспоминаниях о прошлом Дальнего Востока.

Теперь же, когда отгремели на западе и на востоке последние выстрелы победоносной Великой Отечественной войны, когда мы восстанавливаем разрушенное хозяйство и приступили к выполнению нового сталинского пятилетнего плана, труды В. К. Арсеньева приобретают иное, особое значение и смысл. В новом свете выглядит жизнь и деятельность самого В. К. Арсеньева—исследователя советского Дальнего Востока, патриотом которого он был до самых последних дней своей жизни.

Предлагаемая читателю книга является одним из первых опытов биографии и описания деятельности В. К. Арсеньева, и если она в какой-либо степени пробудит интерес и любовь к Дальнему Востоку и призовет туда новые кадры работников, автор будет считать свою задачу выполненной.

При составлении настоящей книги мне оказали помощь предоставлением ряда архивных материалов Приморский филиал Географического общества Союза ССР во Владивостоке в лице его ученого секретаря И. А. Навиндовского, ныне покойный проф. А. А. Емельянов, доктор биологических наук А. И. Куренцов и некоторые другие. Всем им приношу глубокую благодарность.

Н. Е. Кабанов

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Владимир Клавдиевич Арсеньев родился от брака Клавдия Федоровича Арсеньева с Руфиной Егоровной Кашлачевой 29 августа (ст. стиля) 1872 года в Петербурге, на 2-й улице Песков (близ Смольного).

О предках Арсеньева сохранились весьма скудные сведения. Отец матери В. К. Арсеньева—Егор Кашлачев жил в Костромской губернии и был связан с работой в лесничестве. Он увлекался занятиями по химии. В его семье были сын Иоиль и дочь Руфина, которая и была матерью В. К. Арсеньева. Об отце Клавдия Федоровича Арсеньева сведений не сохранилось.

К. Ф. Арсеньев—отец В. К. Арсеньева—служил на Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороге в должности кассира. Семья Арсеньева жила сравнительно бедно, на жалованье в 75 рублей в месяц. К. Ф. Арсеньев дома бывал мало, так как работал обычно с раннего утра до позднего вечера.

В. К. Арсеньев, вспоминая своего отца, говорил, что он был энергичным и даровитым человеком. Много занимаясь самообразованием, К. Ф. Арсеньев на свои личные сбережения и подарки друзей имел хорошую библиотеку, сыгравшую в развитии его детей не малую роль. Кроме чтения книг, К. Ф. Арсеньев много занимался со своими сыновьями по русскому языку, арифметике и географии по атласу Ильина. «Он,—как говорит В. К. Арсеньев,—стремился у всех нас детей выработать красивый почерк, умение решать задачи и хорошо знать наизусть государства земного шара, их главные города и пр.»

Семья К. Ф. Арсеньева была большой и состояла из жены—Руфины Егоровны, двух бабушек и шести детей: сыновей Анатолия, Владимира и Клавдия и дочерей Руфины, Веры и Ольги. Кроме этого в семье К. Ф. Арсеньева была еще одна девочка-сирота, родственница, рано потерявшая своих родителей. Отношение к ней как родителей, так и всех детей было самым теплым и родственным.

Когда Володе Арсеньеву было шесть лет, он слышал о происходившей тогда русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Сообщения об этой войне и все те ужасы, которым подвергался народ, производили на всех детей и Володю Арсеньева большое впечатление. Рассматривая при этом географический атлас, он хорошо запомнил названия Кавказа, Арарата, Карса, которые, по признанию его самого, имели для него даже таинственное значение.

Семи-восьми лет Арсеньева отдали в немецкий пансион Целау, где он находился на воспитании двух старых дев-немок. В пансионе Володя

Арсеньев отличался большой шаловливостью, за что часто подвергался наказаниям как от своих воспитательниц, так и от родителей. Успеваемость Володи по предметам, преподававшимся в пансионе, по его собственному признанию, была не высокой.

В семье К. Ф. Арсеньева находились две бабушки—Аграфена Филипповна и Александра Семеновна; обе они рассказывали детям страшные сказки о жизни в глухих лесах, где было много волков и пр.

У бабушек были свои любимцы. Так, Аграфена Филипповна оказывала покровительство Клавдию и Руфине, а вторая—Александра Семеновна—любила Володю и Веру.

В. К. Арсеньев вспоминает, что первая из бабушек, имея ключи от кладовой, где хранились всякие яства, баловала только своих любимцев. Все остальные дети, в том числе и Володя, пользовались у этой бабушки вниманием более платоническим и в моменты одаривания своих любимцев-детей подарками были всегда обиженными. Во всех предприятиях за добычей «запретных плодов»—сладких яств—организатором всегда был Володя, и когда дети почему-либо попадались, то весь гнев и наказания Аграфены Филипповны падали на долю молодого Арсеньева.

В. К. Арсеньев, вспоминая свои детские годы, не один раз говорил, что на него произвела большое впечатление Петербургская кунсткамера (теперь Музей Академии наук СССР). Однажды при посещении кунсткамеры В. К. Арсеньев отстал от взрослых и чуть было не заблудился среди многочисленных коллекций. Когда его нашли, он просил родных задержаться в музее еще и вторично осмотреть коллекции. Они показались ему другим миром, наполненным странными и неизвестными существами. Зоологический сад произвел на юного Арсеньева еще большее впечатление. Всевозможные живые звери поразили его своим разнообразием. Негры из Африки, которые по вечерам играли на сцене феерию «Вокруг Света» по Жюль Верну, вызвали у него желание, как только он станет взрослым, побывать самому в неизвестных чужих странах.

Достигнув отроческого возраста, Арсеньев стал много читать. По романам Жюль Верна он узнал географию земного шара, узнал, где и как погиб Франклин, где прошел путь путешественника Магеллана и многое другое. Он прочел книги Пржевальского и по картам с увлечением следил за его маршрутами. Известно, что Володя прочел в это время Майн-Рида, Луи Жаколио, Луи Буссенара, Густава Эмара, Габриэля Ферри и многих других авторов приключенческих романов.

Мало-помалу Арсеньев стал интересоваться историей и природоведением, тогда как остальные науки, по собственному его признанию, усваивались им плохо.

Клавдий Федорович в свободные вечера читал своим сыновьям отрывки из сочинений Толстого, Тургенева, Гоголя, Некрасова, Майкова и Никитина. Рассматривая журнал «Нива», где обычно помещалось много исторических и жанровых картин и снимков, дети получали от своего отца пояснения.

Во время отсутствия родителей Володя с братьями и сестрами строил импровизированный лесной бивуак из всевозможных домашних вещей, утвари, подушек, одеял и с увлечением играл, пока возвращавшиеся родители не разрушали его «строения» и не приводили в порядок всю квартиру. И тогда он, обычно с плачем, каждый раз умолял не разрушать созданные им постройки, хотя бы до следующего дня.

Когда Арсеньеву исполнилось десять лет, ему запомнилась одна поездка с отцом и младшим братом Клавдием в грязелечебницу в небольшом городке Арнсбург на о. Эзель. У брата Клавдия обнаружилось гние-

ние берцовой кости и во время лечения в грязелечебнице они часто посещали его и проходили мимо полуразрушенного замка с валами, рвами, подъемным мостом и бойницами. При осмотре этого замка Арсеньев запомнил рассказы отца о тевтонских рыцарях, о феодалах, о борьбе их с новгородцами, о ледовом побоище на озере Пейпус и пр.

В часы досуга, под впечатлением виденного и прочитанного, Володя Арсеньев много рисовал. Нарисовав то двух человечков, то трех и больше, Володя воображал себе их путь, плавание по морю или по рекам, проникновению в пещеры, встречу с лесными зверями, переходы по подземельям на другие острова и т. п. Спустя много времени Арсеньев говорил, что он очень сожалел, что эти незамысловатые рисунки детства не сохранились, хотя он временами готов был возобновить их,—так глубоко они врезались ему в память.

О школьных годах Арсеньева известно немного. Так, например, до сих пор неизвестно, где и в каком городе учился Арсеньев. По одному источнику (М е л ь ч и н) можно понять, что Арсеньев начал обучаться в реальном училище. Наибольшее влияние на него оказывал преподаватель геометрии Василий Петрович Карнаков, который, обладая способностью заинтересовать детей своим предметом и прекрасно зная всю глубину детской психологии, увлекал их своими рассказами. Нет сомнения в том, что любовь Арсеньева к графике, рисованию, геометрии и т. п. не мало содействовали подготовке его ко всякого рода чертежным и картографическим работам, без которых он не обходился позднее всю свою жизнь.

С 1880 года отец Арсеньева, получив повышение по службе, был назначен на должность начальника конторы отправления товарной станции Николаевской железной дороги. Семья его стала каждое лето жить на даче в районе селения и реки Тосно.

Встреча молодого Арсеньева в Тосно с братом матери Иоилем Егоровичем Кашлачевым явилась поворотным моментом в дальнейшем развитии и исполнении отроческих замыслов Володи.

Будучи большим любителем природы, И. Е. Кашлачев брал обычно с собой на прогулки своего племянника. Занимаясь дневным и ночным ловом рыбы, наблюдая различные ландшафты, красивые цветы, он обращал на это внимание последнего и увлекательными рассказами раскрывал перед ним шаг за шагом богатую жизнь природы.

Обычно по субботам И. Е. Кашлачев на лодке, вместе со своими двумя сыновьями и Володей Арсеньевым, отправлялся по р. Тосно на рыбную ловлю с блесной. Ночуя у костра, разведенного где-нибудь на берегу реки, И. Е. Кашлачев много рассказывал детям о природе, обычаях и приметах охотников и рыболовов, о жизни и повадках птиц и зверей, а иногда пел старинные русские песни, рассказывая когда и почему эти песни сложились. По признанию Арсеньева, слова и мелодии этих старинных русских песен запомнились ему надолго. Автору этих строк уже много лет спустя приходилось слышать, как В. К. Арсеньев напевал то одну, то другую старинную песенку, когда он думал о чем-то, отрываясь от записей в дневнике, или шел, неторопясь, по горной тропинке. К компании их иногда присоединялся мальчик Эдуард Пельц (сын Л. К. Пельца, сослуживца и приятеля К. Ф. Арсеньева) и когда дети подросли (им было уже по 13—14 лет), они приобрели лодку, оборудовали ее и начали совершать длинные путешествия по р. Тосно, сначала однодневные, потом двухдневные, недельные и еще более длительные.

Такие экскурсии развивали находчивость, смелость и упорство в достижении намеченных целей, и все это в дальнейшем как нельзя более пригодилось Арсеньеву.

От И. Е. Кашлачева Арсеңьев скоро узнал названия деревьев, кустарников, травянистых растений, грибов, птиц и прочих животных. Последних он научился различать по следам, а птиц даже и по полету.

Старший брат Арсеңьева—Анатолий (ставший впоследствии известным капитаном дальнего плавания на пароходах «Декабрист», «Трансбалт» и других, совершавших рейсы Одесса—Владивосток), хотя и принимал участие в играх младших братьев, но держался чаще в кругу товарищей старшего возраста. Но он приносил много книг, которые от корки до корки жадно прочитывались В. Арсеңьевым (например «Саморазвитие» Смайльса, «История цивилизации» Бокля и др.).

Отец хотел, чтобы Владимир стал корабельным инженером и вел с ним на эту тему частые беседы, пророча ему большую будущность. Но молодого Арсеңьева увлекали просторы лесов и гор.

К этому времени отец получил новое повышение по службе и был назначен начальником Петербургской товарной станции Николаевской железной дороги. Братья Владимир и Клавдий получили теперь в семье отдельную комнату, которую они стремились как можно лучше обставить мебелью и приобретали у букинистов редкие и интересные книги. Старший брат Анатолий, обучавшийся тогда в Мореходном училище, ушел вскоре в дальнее плавание между Одессой и Владивостоком и с этих пор надолго потерял личную связь с В. К. Арсеңьевым. Только спустя 36 лет, в 1928 году на борту парохода «Трансбалт», только что пришедшего из Одессы, произошла знаменательная встреча двух «волков»—морского и лесного.

Между ними произошел такой разговор:

— Вы Арсеңьев?

— Да!

— Ваше имя Анатолий, отчество Клавдиевич?

— Да!

— Вы мой брат!—заклучил В. К. Арсеңьев.

Тот в свою очередь, узнав сильно измененного годами жизни и скитаний по тайге Приморья В. К. Арсеңьева, почти точь в точь повторил:

— Ваше имя Владимир, отчество Клавдиевич?

— Да!—последовал ответ.

— Вы мой брат!

Рукопожатия и объятия со слезами радости столкнули двух братьев, что и было быстро запечатлено на пленку проходившим кинорепортером. Братья вспоминали свое детство и начало самостоятельной жизни, а когда на уютной квартирке В. К. во Владивостоке, на Бестужевской улице, автору этих строк пришлось их встретить, беседы заходили далеко за полночь и, казалось, им не будет конца.

Возвратимся назад. Находясь вместе с братом Клавдием, Владимир получил возможность усиленно заниматься чтением многих книг, причем и он сам обращал особое внимание на основные науки, которые в детские годы им были упущены. Занятия превратились в серьезную школу, и отец, желая облегчить Владимиру подготовку, пригласил двух репетиторов: студента института гражданских инженеров Астафьева и студента-юриста Усова. Они занимались с ним по алгебре, геометрии, тригонометрии, теории словесности и истории литературы. Впоследствии В. К. с благодарностью вспоминал их, особенно Астафьева, давшего ему твердые знания математики, что имело большое применение в практической деятельности.

В доме у Арсеңьевых в это время часто собиралась молодежь. Читали литературно-художественные и научные книги, которые тут же обсужда-

лись. По многим из них были горячие споры. В. К. Арсеньев в этот период читал много научных и натурфилософских книг. Он с увлечением прочел Э. Реклю, описание путешествия Ч. Дарвина на корабле «Бигль», описания путешествий Потанина, Пржевальского, Роборовского и Певцова.

Годы шли, и Владимиру исполнилось восемнадцать лет. Однажды отец сообщил ему, что через три года придется отбывать воинскую повинность. Как-то раз у К. Ф. Арсеньева состоялся разговор с генералом Левашевым, бывшим в ту пору, кажется, начальником главного штаба. По его совету в конце 1891 года В. К. сдал экстерном экзамены за среднее учебное заведение, а в 1892 году был зачислен вольноопределяющимся в 145-й Новочеркасский полк и командирован в Петербургское пехотное юнкерское училище, чтобы, обучаясь за свой счет, иметь возможность по окончании сразу выбыть в запас армии.

Юнкерское пехотное училище в жизни В. К. Арсеньева сыграло значительную роль. Оно привило ему дисциплину, порядок и быстрое и аккуратное исполнение поручений и заданий.

В среде преподавателей В. К. Арсеньев встретил ряд интересных людей. Так, он столкнулся с известным исследователем Средней Азии—географом М. Е. Грумм-Гржимайло. Он обратил внимание на В. К. Арсеньева и давал ему для чтения много книг по географии Сибири, Алтая, Туркестана, Памира и многих других. В. К. читал обычно вечерами и ночами, когда все училище погружалось в сон. Наибольшее внимание его привлекли книги по Восточной Сибири, о которой тогда не было каких-либо исчерпывающих сведений. Желание посвятить себя изучению Восточной Сибири, особенно побережья Тихого океана, все время крепло у В. К., и он пользовался всякой возможностью узнать что-нибудь новое об этом крае.

У матери Арсеньева была хорошая знакомая М. М. Хлопонина, прожившая некоторое время в Сибири. Встречая ее на квартире у матери, куда В. К. приходил из военного училища по воскресеньям, он с огромным любопытством расспрашивал о природе Сибири и ее обитателях.

Приближалось время окончания юнкерского училища, и В. К. надеялся, что он скоро выйдет в запас и займется выполнением заветной мечты—посвятить себя изучению далекой Восточной Сибири. Однако военный министр отдал приказ, по которому все «своекопитные» переводились в «казеннокоштные» и были обязаны прослужить в армии 1½ года за каждый год пребывания в училище.

Так несколько отдалилась мечта В. К. Арсеньева—сразу же окунуться в географическое изучение далеких окраин. В. К. окончил в 1896 году военное училище и из-за отсутствия в Сибири вакансий ему пришлось отбывать военную службу в Польше, в г. Ломже. Жизнь и служба в Ломже позволяла В. К. Арсеньеву усиленно работать над собой. Он стал много читать и готовить себя к будущим исследованиям. В. К. увлекался чтением «Сборников географических, топографических и статистических материалов по Азии», Д. Леббока—«Начало цивилизации и первобытная культура», А. Н. Пыпина—«История русской этнографии», Шнейдера—«Наш Дальний Восток». Он устроил у себя террариум, где держал рептилий и земноводных, наблюдая за жизнью животных. Слава об этом террариуме распространилась по всему городу, и дети знакомых приходили смотреть разные «гадости» (так они называли гадов).

В 1897 году Арсеньева командируют в 15-й Саперный батальон, находившийся в предместьях Варшавы. Там он с помощью некоторых лиц занимается изучением паукообразных (арахнологией) и др. Посещая окрестности р. Вислы, Арсеньев наблюдал природу и жизнь леса. Тогда же

ему пришлось прочитать «Якутов» Сергеевского и «Антропологию» Кржижицкого.

Мечта перебраться в Сибирь все время не оставляла Арсеньева, и он вскоре добивается перевода в 8-й Восточно-Сибирский линейный батальон. Удобным местом службы на западе, в крупных городах, где перед ним открывалась легкая служебная карьера, Арсеньев предпочел далекую и полную неизвестности Сибирь, куда он так неудержимо стремился.

Много лет спустя Арсеньев писал: «С юных лет я заинтересовался Уссурийским краем и тогда уже перечитал всю имевшуюся об этой стране литературу. Когда мечта моя сбылась и я выехал на Дальний Восток, сердце мое замирало от радости в груди. Среди моих попутчиков оказались люди уже бывавшие на берегах Великого океана. Я расспрашивал их о тайге и об ее четвероногих обитателях. Больше всего меня интересовал тигр. Он казался мне каким-то особенным существом, и я начинал его почти также боготворить, как и амурские туземцы».

В 1899 году Великий Сибирский путь только что строился и железнодорожная линия дошла лишь до озера Байкала. Дальше Арсеньеву нужно было ехать на лошадях. Передвижение в то время было крайне медленным, и, например, следуя за полком, Арсеньев в Красноярске узнал, что полк уже давно ушел и что его нужно догонять и догонять. Только у Имана, уже в самом Приморье, пишет Арсеньев, «я с удивлением увидел на погонах солдат шифр 28. Оказалось, что 8-й Западно-Сибирский полк в пути был переименован. Получив приказ идти на Дальний Восток, полк вышел пешком и шел так до места своего назначения. Это продолжалось три года. За это время переменялось название, успел смениться почти весь состав полка, а полк все шел и шел».

Как-то вспоминая свой длинный путь, Арсеньев рассказывал, что однажды в Забайкалье шел балластный рабочий поезд, на котором по запискам какого-то инженера можно было проехать вперед. Протянув из толпы рабочих китайцев руку, В. К. Арсеньев получил записку-билет, но вскоре был удивлен требованием инженера возвратить записку обратно. Выразив свое удивление, что китайцам ехать можно, а ему нет, В. К. получил от инженера ответ:

«Если произойдет крушение, то за китайцев отвечать не придется, а вот за вас—переписки потом не оберешься».

Однако Арсеньеву удалось проехать на таком балластном поезде 68 км и вскоре добраться до р. Амура, откуда он спустился до Хабаровска. Уссурийская железная дорога на участке Владивосток—Хабаровск была уже построена, и в конце 1899 года Арсеньев приехал во Владивосток, повидав на пути своем тайгу с своеобразными представителями из мира растений и животных и первых местных жителей—китайцев, орочей, тазов и др.

Исполнилась заветная мечта Арсеньева попасть в Уссурийский край, о котором было столько слухов и преданий, а образы его, описанные Пржевальским, так живо вставали перед глазами В. К.

Владивосток только что отстраивался. В районе Гинлого угла, где теперь находится ипподром, было большое болото и лес. Охотники здесь били оленей и диких козюль. На Первой речке в лесах еще водились стада кабанов и изредка заходил тигр. Кстати сказать, Тигровая улица во Владивостоке была названа так потому, что в воинское подразделение, расположенное на этой улице, как-то проник тигр и унес отсюда солдата.

На Русском острове шумела первобытная тайга. В ней водилось много диких козюль, пятнистых оленей и даже одичалых лошадей и быков.

Жизнь во Владивостоке из-за удаленности от центра не отличалась спокойствием: вино и картежная игра процветали как среди военного, так и гражданского населения. Журналов, газет, культурных обществ и прочего не было.

Арсеньев быстро освоился с обстановкой и начал знакомиться с окрестностями города; так, он часто посещал Тихую бухту в Уссурийском заливе, Русский остров и другие места, обошел все горные вершины вокруг Владивостока, которые в то время были покрыты густыми лесами и кустарниками. Встреча с аборигенами тайги и китайцами, жившими в разбросанных повсюду фанзах, и наблюдения за их жизнью и хозяйственным укладом давали массу впечатлений и материалов, которые впоследствии В. К. Арсеньев изложил в своих научных работах.

Командир полка Орлов, где служил Арсеньев, пошел навстречу желанию последнего и назначил его начальником охотничьей команды. Одновременно ему была поручена подготовка разведчиков, выносивших в таежной обстановке, и сбор различных военно-географических и военно-топографических сведений. Перед В. К. Арсеньевым начал открываться тот Уссурийский край, о котором он грезил и мечтал столько лет.

Об этом периоде Арсеньев писал: «К нам приезжали разные туземцы Дальнего Востока собирать раковины, мидии, крабов, трепангов, «каменную кожу»—лишайники. Кругом водились дикие звери. А я был петербургский молодой человек и захлебывался впечатлениями. Я как бы на другую планету попал. Я попросил разрешения организовать охотничью команду и целые дни и недели проводил со своими охотниками в тайге».

Постоянным спутником Арсеньева был Поликарп Олентьев, с которым он часто бывал в Уссурийском заливе, на хребте «Богатая грива», что проходит вдоль полуострова Муравьева-Амурского.

Встреча с Николаем Александровичем Пальчевским—лесничим Уссурийского казачьего войска, ботаником и краеведом—имела для В. К. Арсеньева большую положительную роль. Пальчевский был одним из первых научных наставителей Арсеньева, снабжал его научными книгами, много помогал в сборе и обработке материалов. Пальчевский познакомил Арсеньева с синологами М. Г. Шевелевым и Михайловским, с краеведами В. П. Маргаритовым и Н. В. Слюниным, затем привлек его к работам Общества изучения Амурского края (ныне Приморский филиал Географического общества Союза ССР).

Связь с этими людьми немало способствовала успехам Арсеньева в изучении Уссурийского края. М. Г. Шевелев сообщил много сведений по истории и археологии края, снабдил Арсеньева ценнейшими картами Маньчжурии и Уссурийского края, где были показаны развалины древних городищ и поселений, относящихся к VII и VIII столетиям нашей эры. Пальчевский вместе с В. К. Арсеньевым excursionировал в леса, делился своими знаниями о местном крае. Арсеньев заслуженно считает Пальчевского своим первым наставителем и руководителем.

Наряду со сбором различных материалов по Уссурийскому краю, Арсеньев зачастую выполнял служебные поручения (борьба с хунхузами, ловля одичавших лошадей, отстрел озверевших домашних быков и пр.). Однажды, находясь в горах «Богатой гривы», Арсеньев был ранен хунхузом в грудь и остался жив по счастливой случайности: пуля оказалась из мелкокалиберной винтовки и повредила только плевру.

В 1900—1904 годах круг знакомых В. К. Арсеньева увеличился. Он встречался с врачом и этнографом Н. В. Кирилловым, педагогом В. Е. Глуздовским, геологами Э. Э. Анертом и П. И. Полевым и председателем Общества изучения Амурского края Н. М. Соловьевым, с полити-

ческим ссыльным на о. Сахалине и впоследствии этнографом Музея антропологии Академии наук Л. Я. Штернбергом.

Все названные лица были известны научными трудами и много помогли Арсеньеву в изучении края, а Л. Я. Штернберг и Н. В. Кириллов, можно сказать, явились идейными руководителями Арсеньева в этнографических занятиях. Арсеньев решил посвятить себя изучению народности удэхе, считавшейся ранее, да и теперь, мало известной.

Л. Я. Штернберг живо следил за работами Арсеньева, посылая ему письма и книги. Так, например, он выслал ему «Инородцы Амурского края» Шренка, «Коренные обитатели Сибири» Миндендорфа, «Путешествие в долину р. Усури» Маака, «Первобытная культура» Тейлора и другие редкие ныне книги.

Продолжая отдельные экскурсии, а иногда маленькие экспедиции, В. К. Арсеньев все дальше и дальше углублялся в изучение местных племен, населявших в прошлом Уссурийский край. Так, он начал изучать удэхойцев и тазов (окитаившиеся гольды и удэхойцы).

В 1902 году в истоках р. Лефу произошла встреча В. К. Арсеньева с гольдом Дерсу Узала, сыгравшая исключительно крупную роль в осуществлении почти всех последующих экспедиций Арсеньева. Дерсу Узала раскрывал Арсеньеву все тайны Уссурийской тайги, быт и нравы животных и птиц, обычай и верования орочей, гольдов, тазов, удэхойцев и, наконец, не один раз спасал его от смертельной опасности (на оз. Ханка, на р. Санхобе и других местах).

Об экспедициях, совершенных Арсеньевым в этот период, мы расскажем более подробно в следующей главе.

Состоя с 1901 года членом Владивостокского общества любителей охоты, Арсеньев познакомился с С. И. Конрадом, проживавшим на мысе Песчаном (западный берег Амурского залива) и сообщившим ему много сведений об охоте, устройстве западней и ловушек на барсов и других зверей. Известно, что за 1905 год Арсеньев составил отчет о деятельности упомянутого общества, причем отчет содержал массу интересных сведений и переходил из рук в руки, обойдя не только членов общества—охотников, но и учителей, даже школьников. Об этом отчете тогда довольно много говорилось, а отдельные выдержки из него помещались на страницах местной печати.

Помимо гольда Дерсу Узала у Арсеньева в разное время были следующие спутники-проводники: гольд Око с р. Даубихе, убитый в 1902 году во время охоты за пятнистым оленем, гольд Канка из района с. Алучино, также убитый в 1902 году с целью ограбления, и Н. Машанов, родом бурят, преждевременно умерший в 1903 году от скоротечной чахотки. А в 1908—1909 годах в экспедиции Арсеньева находился начальник китайской дружины Чжан-бао, который преследовал хунхузов. Позднее Чжан-бао зверски был убит хунхузами уже на своей родине.

В один из маршрутов В. К. Арсеньев, между рр. Цимухе и Ганьгао-цзы, в горах обнаружил большое старинное укрепление Да-Шаньмоу, которое и было тщательно исследовано и описано. Описание городища и укрепления через Н. А. Пальчевского было направлено в Хабаровск к председателю Приамурского отдела Русского географического общества, среди членов которого состояло несколько военных офицеров Генерального штаба. Они исхлопотали для Арсеньева замену предоставленного ему отпуска командировкой с выплатой суточных по 5 рублей в день. Все это укрепляло веру Арсеньева в полезность своей деятельности и позволило ему еще лучше и полнее развернуть свои дарования по углубленному изучению природы и населения Уссурийского края. Продолжая

Дерсу Узала—один из первых проводников и друзей В. К. Арсеньева.

сборы различных материалов, преимущественно военно-географического характера, В. К. Арсеньев еще больше ознакомился с природой и бытом местного населения, начал интересоваться древней историей Уссурийского края, памятниками старицы и прочими археологическими находками.

Вскоре после окончания русско-японской войны (1905—06 годы) Арсеньев по долгу службы, как начальник военноохотничьей команды, обслуживал гарнизон Владивостока и был откомандирован в штаб Приамурского военного округа в Хабаровск. Там он встретился с П. К. Рутковским (начальник штаба), С. Н. Ванковым (председатель Приамурского отдела Русского географического общества), А. П. Сильницким (редактор газеты «Приамурье»), М. К. Азадовским (ныне профессор, известный историк литературы), Н. А. Дзюлем (краевед-охотовед), П. В. Шкуркиным (ориенталист), А. А. Емельяновым (зоолог-герпетолог) и многими другими исследователями Дальнего Востока.

В эту пору у руководителей Приамурского края созрела мысль об экспедиционном обследовании горной области Сихотэ-Алиня, считавшейся до этого terra incognita. Исполнителем задуманной идеи и явился В. К. Арсеньев, к этому временинискавший своими трудами всеобщее уважение и признание. Так Арсеньев получил возможность выполнить мечту своей жизни—приступить к планомерному изучению далекой восточной окраины России, каковой являлся Сихотэ-Алинь, или Уссурийский край.

Арсеньеву было выделено от 8 до 12 человек сибирских стрелков и уссурийских казаков, которые разделили с ним все тяготы таежных скитаний по Приморью. Наконец, он был обеспечен всем необходимым: лошадьми, вьючным инвентарем, лагерным снаряжением и оборудованием и прочими предметами, которые немало содействовали успеху работ этой и последующих экспедиций Арсеньева.

Экспедиции Арсеньева поддерживались и финансировались как Русским географическим обществом, так и местными организациями. В частности, упоминавшийся С. Н. Ванков—председатель Хабаровского отделения Русского географического общества—много помогал в осуществлении задуманного плана экспедиций средствами, материалами и защитой всех проектов перед центральными и местными организациями.

Эти экспедиции весьма подробно и ярко описаны Арсеньевым в книгах «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня» и др.

Собранные в экспедициях материалы были переданы Арсеньевым для научной обработки их; так, например, Л. С. Берг (ныне президент Географического общества Союза ССР) обработал рыб, С. А. Бутурлин—птиц, И. В. Палибин—растения, Я. С. Эдельштейн—петрографические сборы, Л. Я. Штернберг давал указания по обработке этнографических материалов.

Зимой 1910—11 года Арсеньев приезжал в Москву и Петербург, где выступал с интересными докладами в Русском географическом обществе, Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии. Блестящие по форме и содержанию доклады его вызвали огромный интерес к Дальнему Востоку.

Здесь он встретился с известными деятелями и учеными: В. В. Радловым, Д. А. Клеменцем, П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, Ю. М. Шокальским, С. Ф. Ольденбургом, Д. Н. Анучиным, В. В. Богдановым, А. Н. Максимовым и П. К. Козловым, только что возвратившимся из своего путешествия по Центральной Азии.

Встречи с названными лицами способствовали успеху научной обработки собранных Арсеньевым материалов. Особенно отрадными были встреча и знакомство В. К. Арсеньева с известным путешественником П. К. Козло-

195/101

вым, богатейший экспедиционный опыт которого был им использован. Не без основания в одном из автобиографических документов В. К. Арсеньев пишет, что его научное credo почти точно соответствовало credo П. К. Козлова.

Пребывание в Пехэрбурге показало, что В. К. выдвинулся в разряд наиболее заслуженных и подготовленных исследователей Приморья. За богатые научные коллекции, переданные в Музей антропологии и этнографии Академии наук и Этнографический отдел Русского музея, последние присудили ему малую и большую настоящие медали, что, заметим, было первым признанием научных заслуг Владимира Клавдиевича.

Повидавшись в Петербурге и Москве со своими родными и отцом, получившим к этому времени должность начальника Московской окружной железной дороги, В. К. Арсеньев, уже привязанный к новому краю, поспешил вернуться скорее назад в Хабаровск, унося надолго воспоминания о радушном приеме в центре и теплой оценке его научных трудов и исследований.

Приамурский отдел Русского географического общества в Хабаровске тогда же избрал В. К. Арсеньева директором Хабаровского краевого музея, в должности которого он пробыл вплоть до 1918 года. В музее до этого было большое количество коллекций, разложенных и экспонированных без какого-либо плана и научного значения. Имея своим помощником В. В. Домбровского, он провел исключительно большую черновую работу с коллекциями и добился правильного экспонирования их и научной систематизации.

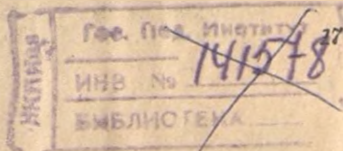
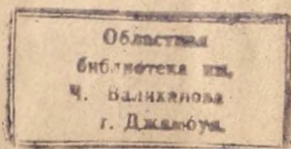
Позднее, в 1913 году в Хабаровске проездом остановился известный петлярный исследователь Фритиоф Нансен. Арсеньев встречал его на вокзале. Нансен посетил музей, ознакомился с его коллекциями, воздав должное внимание неутомимому работнику и собирателю их—В. К. Арсеньеву. С ним же Нансен совершил ряд кратковременных поездок по р. Амуру и Уссурийскому краю. В книге «В страну будущего», которая вышла в свет в 1915 году на английском, немецком и русском языках, Ф. Нансен уделил место работам Арсеньева и отметил их ценность для изучения Дальнего Востока.

В музее Арсеньев организовал небольшой научный кружок, где собирались И. П. Сафонов (химик), К. А. Гомоюнов (гидролог), И. А. Лопатин (этнограф), М. К. Азадовский (этнограф-лингвист) и А. Н. Свириц (знаток древнего русского зодчества). Читая новейшие книги по различным вопросам, члены кружка обсуждали их и делились своими мыслями.

В. К. Арсеньев, наряду с работой в музее, продолжал изучение Приморья. Особым приказом 25 апреля 1914 года он освобождается от военной службы в штабах и полках. По договоренности В. К. Арсеньев был передан из военного ведомства в Министерство земледелия и государственных имуществ для производства обследований таежных районов в географическом, естественно-историческом и колонизационном отношениях. Необходимо заметить, что если Н. М. Гродеков и П. Ф. Унтербергер, бывшие губернаторами Приамурского края, в какой-то степени содействовали снаряжению экспедиции Арсеньева в горную область Сихотэ-Алинь, то сменивший их Гондатти, хотя и освободил Владимира Клавдиевича от военной службы, но весьма ревниво относился к его начинаниям.

Так, в письме к А. А. Емельянову Арсеньев писал: «...Гондатти „ломается“. Он хочет всячески показать, что разрешение (на экспедицию.—Н. К.) зависит только от одного его. Захочу, мол, пушу, захочу—не пушу!

294407

Мне он говорят одно, а телеграфирует в Петроград другое... Мне кажется, что подкладка тут еще хуже, а именно: я думаю, что Гондатти ревнует меня к краю. Он хочет, чтобы одно его имя только и было в истории исследований. Как это глупо!? Погоня за дешевой рекламой. Разве ученый и серьезный человек будет гнаться за этим. Меня лично интересует этот неизведанный край в этнографическом отношении, ибо я знаю, что найду там весьма много нового и интересного. Если бы я хотел карьеру делать, то я остался бы в Петрограде, где было мне предложено хорошее место!

Я возвратился в край не ради карьеры, а ради того, что я люблю его и уже твердо решил покончить здесь и счеты с жизнью. Теперь я достаю средства, есть силы, здоровье, кое-какие знания и уверенность в работе.

От Гондатти требуется только капля чернил—и он ломается! Поживем—увидим! Пока это вопрос открытый¹.

В другом письме А. А. Емельянову Арсеньев писал:

«... на словах Гондатти обещал устроить мне командировку в Амгунский район, но резолюции еще не наложил. У него есть какая-то задняя мысль. Я в нем изверился и не верю ... В экспедицию я помаленьку собираюсь, но боюсь, что Гондатти выдумает еще что-нибудь, чтобы меня задержать»².

Переписка Арсеньева об организации экспедиции на север Приморья была, видимо, очень длинной, так как он обращался решительно всюду и даже в Петроград ко всем влиятельным лицам.

В связи с этим небезынтересно привести письмо акад. В. Л. Комарова В. К. Арсеньеву, которое заключает в себе следующие строки:

«... Относительно Вашего письма о Н. Л. Гондатти и прочем жму Вашу руку и мысленно переношу все неприятности, которые Вы переживаете. Ужасно трудно работать при таких условиях, легче голодать в пути по тайге, чем терпеть все эти городские „джунгли“...»³.

Мы привели эти выписки из писем для характеристики той обстановки, которая создалась у Арсеньева в Хабаровске и которая не благоприятствовала нормальному ходу экспедиций и обработке материалов. Наконец, эти же немногие письма характеризуют отношения между Арсеньевым и Гондатти.

Познакомившись с Н. А. Дзюлем (охотником), жившим на ст. Корфовской (в 36 км от Хабаровска), В. К. Арсеньев пригласил его в свою экспедицию 1908—1909 года. Позднее, уже живя у Н. А. Дзюля на станции Корфовской, В. К. вблизи могилы своего спутника и друга Дерсу Узала (убитого на Хехцире в 1907 году) написал свои книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Арсеньев всегда вспоминал длинные зимние вечера, проведенные у Дзюля, когда писались книги и обдумывались все пройденные и пережитые с Дерсу Узала и остальными спутниками дни своих путешествий.

В 1911 году В. К. Арсеньев навестил И. Е. Кашлачева—своего первого наставителя. Рассказывая ему о своих новых путешествиях на Дальнем Востоке, Арсеньев с удовлетворением вспоминал юношеские дни совместных с ним походов по р. Тосно, когда он впервые приобщался к тайнам природы.

В период 1912—1916 годов Арсеньев развернул весьма интенсивную литературную и научно-исследовательскую деятельность.

¹ Письмо от 2.VI.1915, № 239.

² Письмо от 24.VI.1915, № 272.

³ Письмо от 2.XII.1915.

В. К. Аосенъев в удегейском костюме среди коллекций Хабаровского краевого музея.

Он выпустил в свет первое военно-географическое описание Уссурийского края, собрал значительные материалы по древним памятникам старины, природы и жизни туземцев. Напечатал одну из крупных своих работ по истории и этнографии края— «Китайцы в Уссурийском крае» и др.

В 1913 году на сельскохозяйственной выставке в Хабаровске, где были выставлены его работы по изучению горной области Сихота-Алиня, В. К. по решению жюри Главного комитета выставки получил большую золотую медаль Амурского общества сельского хозяйства.

В первую мировую войну В. К. Арсеньев в 1915 году выехал в 13-й запасный стрелковый полк, и уже далеко на пути, возле Ачинска, он получил телеграмму, что по ходатайству Академии наук и Русского географического общества ему разрешено возвратиться назад и продолжать свои перванные научно-исследовательские работы.

В 1916 году Арсеньев посетил Маньчжурию. Там, в Харбине, по приглашению Русского общества ориенталистов он выступал с рядом докладов о своих исследованиях. Там же он познакомился с синологом П. В. Шкуркинским—одним из лучших знатоков истории и этнографии Китая, с врачом Модзалевским—знатоком буддизма и ламаизма и Г. Шульце—знатоком китайской нумизматики. С их помощью Владимир Клавдиевич познакомился с богатой литературой и музейными образцами. По своей коллекции монет, найденных при археологических раскопках, установил периоды владычества того или иного императора и время появления монет в Маньчжурии и Уссурийском крае.

Общество русских ориенталистов 13 июня 1916 года за научные заслуги в деле изучения Дальнего Востока избрало В. К. Арсеньева своим почетным членом.

В период февральской и Великой Октябрьской социалистической революции, помимо работы в качестве директора Хабаровского музея, Арсеньев получил назначение на должность комиссара по делам малых народностей на Дальнем Востоке, но по возвращении в Хабаровск из путешествия в горную область Ян-де-Янге сложил с себя эти новые обязанности.

В 1918 году Арсеньев направляется от Приморского переселенческого управления на обследование долины р. Камчатки в колонизационном отношении. На Камчатке Арсеньев совершил довольно интересный маршрут (см. главу 2) и собрал массу научных материалов, обработать которые смог однако только частично. Там же ему удалось найти следы бывшей резиденции Влад. Атласова, сделать археологические находки и т. п. Там же он встретил А. И. Рублева—спутника Н. М. Пржевальского по экспедиции в Центральную Азию. Рублев был охотником и знатоком птиц и сообщил Арсеньеву много любопытных сведений.

Закончив работы на Камчатке, Арсеньев поступил на службу в Дальневосточное управление рыболовства и охоты на должность заведующего морскими звериными промыслами, делая тайную мечту детства, помимо прямой задачи по долгу службы, ознакомиться о бытом и укладом гилаков (нивхов), коряков, чукчей и эскимосов.

В этот же период Арсеньев начал заниматься педагогикой. Сначала он преподавал русский язык, а затем в 1917—1918 годах в Хабаровском народном университете и в 1919 году во Владивостокском народном университете читает лекции по краеведению и со своими слушателями проводит ряд экскурсий (на хребет Хехцир, окрестности Владивостока и др.). Среди слушателей он встретил Т. М. Борисова (известного писателя, ныне покойного), Н. П. Чикова и В. Н. Спиридонова, которые с Арсеньевым совершали иногда отдельные экскурсии и даже производили археологические изыскания, например на мысе Песчаном на берегу Амурского

залива против Владивостока. В 1919 году Арсеньев читает лекции по первобытной культуре во Владивостокском учительском институте, сообщая слушателям много своих новых данных. Лекции пользовались большим успехом и многие приходили со стороны слушать их.

С преобразованием института в Дальневосточный государственный педагогический институт имени Ушинского, Арсеньев продолжал читать лекции по тому же курсу, введя на третьем году раздел первобытной культуры народов Европейской России, Сибири и Дальнего Востока. Там же в 1920 году он читал и курсы антропологии.

Арсеньев развивает одновременно большую лекторскую работу, популяризируя свои исследования и природные богатства Дальнего Востока. Так, в 1920 году мы видим его постоянным лектором у рабочих «Первая речка» (под Владивостоком), где в «Доме знания и свободы» он читал краеведческие лекции.

21 июля 1921 года Педагогический институт¹ избрал В. К. Арсеньева профессором по кафедре краеведения и этнографии.

В 1919—1922 годах Арсеньев те же курсы читает в Дальневосточном государственном университете.

Небезынтересно отметить, что в период белогвардейского разгула в Приморье, в тяжелые памятные дни 4—5 апреля 1920 года, когда отряды красных партизан принуждены были временно отходить в тайгу, Арсеньев снабдил их командование картами и планами районов пребывания отрядов партизан и войск противника (японцев).

В 1921 году Арсеньев начал работать в Музее общества изучения Амурского края (ныне Краевой музей) в отделе этнографии, являясь его заведующим.

В 1922 году в Никольске-Уссурийском (ныне Ворошилов-Уссурийский) был созван 1-й съезд по изучению Уссурийского края, где В. К. Арсеньев сделал доклад о классификации памятников старины и о необходимости изучения древностей Уссурийского края.

В том же году Арсеньев направился в северо-восточную часть Охотского моря в Гижигинскую бухту и обследовал ее. О трудностях и отдельных эпизодах этого путешествия мы даем сведения в следующей главе.

С начала советизации края и вхождения Дальневосточной республики в состав Союза ССР Арсеньев широко развернул научно-исследовательскую и организационную работу и педагогическую деятельность. Он снова возвращается в Хабаровский краевой музей и, с октября 1924 по 1 января 1926 года, являясь его директором, одновременно работает ученым секретарем Кабинета народного хозяйства при Далькрайплане. В этот период значительно оживляется деятельность научных обществ, ставятся научные доклады и сообщения, и Арсеньев является одним из самых деятельных и руководящих работников, подымая на должную высоту дело краеведения. При его активном участии в Хабаровском музее происходит Дальневосточное краевое совещание музейных работников и местных отделов и отделений Русского географического общества. На этом совещании Арсеньев выступает с докладами (см. список работ) и делится своим опытом по организации музейного дела и проведения краеведческих экспедиций. В течение 1924—25 учебного года Арсеньев преподает краеведение в Хабаровском педагогическом техникуме, где увлекательно рассказывает слушателям о своих многолетних путешествиях.

После этого Арсеньев переезжает во Владивосток и начинает разностороннюю работу в ряде исследовательских учреждений, различных орга-

¹ Ежегодник института им. Ушинского. Владивосток, 1922.

низациях, много пишет в журналах и печатает несколько книг и брошюр.

В 1924 году, как лучший знаток природных ресурсов Дальнего Востока, Арсеньев был вызван ВСНХ, сначала в Читу, затем в Москву, к Л. Б. Красину, где принял участие в обсуждении вопросов об организации рыбного промысла и Акционерного Камчатского общества («АКО»).

В 1925 году Арсеньев командирован в Ленинград от дальневосточных краевых, советских, общественных и научных организаций для участия в торжественных заседаниях Академии наук СССР по случаю 200-летнего юбилея.

В 1926—1927 годах, работая в Дальневосточном переселенческом управлении, Арсеньев проводит экспедиции в низовья р. Аюя (1926 год — рр. Мухень, Пихца, Немпту и др.; 1927 год по маршруту Советская Гавань—Хабаровск с пересечением хребта Сихотэ-Алинь).

Деля время научно-исследовательской работы с общественной, Арсеньев в 1923 и 1927 годах во Владивостоке ведет занятия в Техникуме водного транспорта по краеведению.

Тогда же, являясь председателем Бюро по созыву Краевой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока, Арсеньев проводит большую организационную работу и делает на конференции в Хабаровске в 1926 году ряд докладов и сообщений.

Вскоре по возвращении из экспедиции Советская Гавань—Хабаровск в октябре—ноябре 1927 года Арсеньев в числе руководителей и представителей научных учреждений принял участие в экскурсии в Японию, где ознакомился с хозяйственной и культурной деятельностью страны. К сожалению, каких-либо записей и воспоминаний его о поездке в Японию не сохранилось.

В это время в свет выходят новые издания его книг, обратившие на себя большое внимание. В 1926 году эти книги попали к А. М. Горькому, который дал им блестящую оценку. Следует отметить, что Арсеньева «открыли» не у нас на Дальнем Востоке, а в центре, когда там стали известны его книги, получившие восторженные отзывы Фритиофа Нансена и некоторых других. Все это выдвинуло Арсеньева в разряд уже известных деятелей и знатоков природы и населения Дальнего Востока.

Работы Арсеньева переиздаются отдельными издательствами, выходят новые статьи его и очерки о жизни и природе Дальнего Востока. Имя В. К. Арсеньева становится столь популярным, что к нему обращаются решительно все—кто за справкой, советом, а кто и с предложением своих услуг для участия в экспедициях по изучению Дальнего Востока.

В бесхитростных письмах к Арсеньеву можно найти, например, такие строки:

«Многоуважаемый В. К. Арсеньев, прочитавши о Вас очерк о Ваших дальних таежных путешествиях по Дальнему Востоку, я не мог оторваться от мысли, чтобы не написать Вам это непрошенное Вами письмо, которым Вы, конечно, должны располагать так, как потребуют этого Ваши текущие обстоятельства.

Вы сейчас готовитесь в дальнейшее опасное путешествие, сроком на 3 года, для которого нужно иметь неограниченную силу воли, большой запас энергии, чтобы проложить тропу в еще так мало исследованную местность, идя навстречу разным лишениям и опасностям...

... И как бы я был счастлив, если бы мог разделить Вашу участь, являясь Вашим помощником-рабочим, чтобы только взять немного от Вас того драгоценного опыта, которым Вы обильно одарены, испытать на своих плечах все трудности...

... Вы можете вполне надеяться на меня, па мою выносливость и любовь к делу...

... Я Вас искренно прошу взять с собой в экспедицию. Все дорожные расходы ложатся на меня и беспокоиться об этом Вам нечего, за Вами лишь одно слово ...»

(Из письма А. Ю. Леонова, рабочего Дело ст. Мерв Средне-Азиатской ж.-д., 9 апреля 1930 года)

Вот другое письмо:

«Дорогой Владимир Клавдиевич!

... Я обращаюсь к Вам с не совсем обычной просьбой. В успехе проспемого и даже на ответ я очень мало (почти совсем) не надеюсь.

Из печати я узнал, что Вы собираетесь в новую экспедицию и, сказать Вам прямо, я хотел просить Вас, если можно, взять меня. Это не есть минутное впечатление прочитанного о Вас, — я еще с детства мечтал о подобных исследовательских работах.

... Возможно, что подобных писем у Вас много, но все же постарайтесь урвать минутку времени и черкните на прилагаемой открытке одно слово „нет“...»

(Из письма А. И. Ивановского, г. Чернь, Тульского округа, РКК, 13 марта 1930 года)

Зачитавшись книгами Арсеньева, к нему обращались с предложением услуг даже учащиеся. Вот, например, такое письмо:

«Уважаемый Владимир Клавдиевич, я ученик II группы Волчанской профессиональной технической школы, Лев Петров, прочитав, что Вы готовитесь к своей новой экспедиции, обращаюсь к Вам с большой просьбой принять меня в состав экспедиции...

... Мысль об исследовании Дальнего Востока возникла у меня уже лет пять тому назад, и я Вам буду очень благодарен, если Вы дадите мне возможность осуществить ее сейчас...»

(Из письма Льва Петрова, г. Волчанск, Харьковского округа, 18 марта 1930 года)

«Глубокоуважаемый Владимир Клавдиевич!

... В свой последний приезд в гор. Смоленск Петр Кузьмич Козлов как-то в разговоре с большим восхищением отозвался о Вашей книге «В дебрях Уссурийского края». Встреча и беседы с Петром Кузьмичем оставили неизгладимый след в моей душе. Мне неудержимо хочется побывать и побродить в диких малоизвестных краях...

... Затаенная мечта участвовать в какой-нибудь экспедиции по Дальневосточному краю или Азии не покидает меня, и я решил хорошенько ознакомиться с краеведческой литературой об этих краях...

... Не откажите сообщить, где можно достать эту книгу («В дебрях Уссурийского края». — Н. К.) и ее цену и какие есть еще Ваши труды по краеведению Дальнего Востока...

... Я не теряю надежды на выполнение моей мечты, хотя бы в качестве самого последнего рабочего...

Искренно уважающий Вас А. Киселев».

(Из письма А. А. Киселева, г. Грозный, 3 апреля 1930 года)

Но не только с предложениями своих услуг или просьбами взять в какую-нибудь экспедицию обращались к Арсеньеву. Имеется ряд писем, где некоторые просили Арсеньева что-нибудь сделать, достать или узнать.

Вот, например:

«... В. К., извините меня, что я к Вам обращаюсь, но мне ничего не остается делать. Я в этом году оканчиваю ФЗУ и поэтому прошу написать

мне, чем мне заняться, и напишите, можно ли во Владивостоке наняться на какой-нибудь корабль.

Прошу не отказать в моей просьбе, так как я только на Вас и имею надежду.

Жду с нетерпением Вашего ответа.

В. А. Максимец».

(Из письма В. А. Максимец, из г. Днепропетровска)

«Многоуважаемый Владимир Клавдиевич!

Вы мне так понравились своими путешествиями, что я решил написать Вам письмо. К письму прилагаю 2 фотографии Днепровских порогов, что мы снимали во время поездки из г. Киева в Херсон.

... Пришлите пожалуйста свою фотографию и письмо, — это будет для меня большой радостью. Пишите. Жду ответа.

Ваш С. Спяк».

(Из письма С. С. Спяка, г. Харьков, 4 апреля 1930 года)

Приведем еще одно такое письмо:

«У меня есть одна просьба к Вам, Владимир Клавдиевич. Если есть у Вас Ваша личная карточка того времени, когда Вы были в экспедиции, и настоящего времени, то прошу Вас отправить ее мне. И если есть еще снимки, тоже, если можно, отправьте и укажите им цену, я Вам уплачу...

... Ну, пока, уважаемый Владимир Клавдиевич, жму Вам крепко руку...

С приветом Вася Пакулов».

(Письмо от В. Пакулова, ученика семилетней школы в с. Сергеевке, Амурского района Амурской области, 28 апреля 1930 года)

Эти немногие выдержки, взятые из эпистолярного наследия, лучшим образом показывают нам, какую популярность имел Арсеньев среди различных слоев населения, которые или слышали его когда-нибудь на лекциях и докладах, или, зачитавшись описаниями природы и жизни людей по его книгам, стали его почитателями и горячими сторонниками его мыслей и идей.

Деятельность Арсеньева непрестанно расширялась: он участвовал в ряде краевых совещаний, конференций, консультировал многочисленные учреждения и организации, отдельные экспедиции и их участников, делился с ними своими ценными знаниями.

21 февраля 1927 года Владивостокский отдел Русского географического общества на общем собрании избрал Арсеньева своим почетным членом, отметив его крупные заслуги в деле географического изучения края.

Арсеньев оказал Владивостокскому отделению «Культфильм» Совкино существенную помощь в съемке первых краеведческих фильмов, вместе с кинорежиссерами и кинооператорами был не только их руководителем, но и соавтором сценария и либретто.

Так появились на экране и демонстрировались с большим успехом фильмы: «В дебрях Уссурийского края», «Лесные люди удэхейцы», «Тумгу».

Работая в Дальневосточном научно-исследовательском институте во Владивостоке Арсеньев разрабатывал краеведческие материалы, преимущественно по экономике и быту малых народностей, консультировал статистическую перепись в дальневосточных районах Крайнего Севера и т. п.

В 1930 году мы видим Арсеньева на работе в Бюро экономических изысканий Уссурийской железной дороги в качестве его начальника.

Тогда же он возглавил руководство четырьмя экспедициями по обследованию мест в районах предполагаемого железнодорожного строительства в северной части Приморья. Намечалась новая заманчивая перспектива, и Арсеньев с головой ушел в эту работу, будучи окрыленным прекрасным напутствием А. М. Горького: «... Итак, Вы будете руководителем четырех экспедиций. Это меня восхищает, ибо я уверен, что Вы напишете еще одну прекрасную книгу. И, думаю, даже уверен, что это очень хорошо отразится на сборнике по Дальнему Востоку...»¹

Летом 1930 года Арсеньев выехал в низовья р. Амура (г. Николаевск на Амуре) для инспектирования экспедиций, и это было его последним путешествием.

Простудившись в тайге, Арсеньев заболевает и возвращается во Владивосток тяжело больным. В больнице у Арсеньева признали крупозное воспаление легких и, несмотря на все принятые меры, надломленный годами скитаний организм начал сдавать, и 4 сентября 1930 года в 15 час. 15 мин. дня Арсеньева не стало.

Так, на пятьдесят восьмом году жизни прервалась замечательная жизнь исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева, отдавшего изучению края тридцать лет, полных риска, настойчивости и любви к природе и местному аборигенному населению.

В местной печати появились извещения о тяжелой утрате В. К. Арсеньева, как выдающегося исследователя Дальнего Востока. Так откликнулись: Владивостокский окрисполком, Владивостокский горсовет, Областной музей, Владивостокский отдел Государственного географического общества, Владивостокский политехнический институт, Владивостокский педагогический институт, Дальневосточный краевой научно-исследовательский институт, Владивостокское отделение Общества пролетарского туризма, Научно-педагогическое общество, редакция газеты «Красное знамя», Секция научных работников, Городской отдел союза «Рабпрос», Бюро экономических изысканий Уссурийской железной дороги, Курсы по подготовке банковских работников, Владивостокское агентство и фабрика «Культурфильм» «Союзкино», дирекция Уссурийской железной дороги.

Небольшие некрологи и отдельные статьи памяти В. К. Арсеньева были составлены: Далькрайисполкомом, Далькрайпланом, Дальневосточным краевым научно-исследовательским институтом, Владивостокским отделом Государственного географического общества, проф. Половинкиным и др. Смерть Арсеньева не осталась без внимания самой широкой общественности и за пределами края и даже за границей. Жена известного полярного исследователя Ф. Нансена телеграфом из Осло выразила глубокое соболезнование семье В. К. Арсеньева, подчеркнув, что В. К. Арсеньев был большим другом Ф. Нансена.

Максим Горький прислал из Сорренто телеграмму следующего содержания: «Владивосток, Исследовательский институт. Глубоко поражен преждевременной кончиной Владимира Клавдиевича Арсеньева—талантливого человека, неутомимого исследователя Уссурийского края. Сердечно сочувствую его друзьям и сотрудникам по работе, разделяю с ними их печаль. Горький».

В центральной печати и, особенно, научных журналах того же периода были помещены некрологи и обзоры жизни и деятельности В. К. Арсеньева, которые подчеркивали, как велика утрата его для географии и краеведения.

¹ Из письма А. М. Горького 19.II.1930 из Сорренто.

Похороны В. К. Арсеньева состоялись вечером в субботу 6 сентября 1930 года. На последней квартире покойного в д. № 7, по улице ныне названной именем Арсеньева гроб с телом В. К. Арсеньева был усыпан цветами, окружен венками с траурными лентами. У гроба стоял почетный караул. Здесь побывали студенты, профессора, представители общественных организаций и многие другие. Похоронную процессию сопровождал духовой оркестр. Гроб с телом В. К. Арсеньева везли на автомашине.

На Вокзальной площади состоялся траурный митинг, на котором выступали представители Окрисполкома, Академии наук СССР, Владивостокского университета и ряда других советских и общественных организаций, в теплых словах отметивших значение и роль В. К. Арсеньева в краеведении, науке и литературе.

Под звуки похоронного марша гроб был опущен в могилу и на небольшом холмике, усыпанном цветами, появился белый обелиск с железной дощечкой:

Действительный член Дальневосточного краевого научно-исследовательского института Владимир Клавдиевич Арсеньев. Родился 29 августа 1872 года, умер 4 сентября 1930 года.

Позднее на могиле был установлен скромный гранитный обелиск с краткой надписью:

В. К. Арсеньев

29. VIII. 1872

4. IX. 1930

Постепенно, как это нередко бывает, имя Арсеньева стало забываться. Работы его начали исчезать с книжных полок и становиться почти библиографической редкостью. Так прошло шестнадцать лет со дня его смерти.

Великая Отечественная война с фашистской Германией на западе и империалистической Японией на востоке окончилась триумфальной победой Советского Союза. На пороге широких восстановительных работ и бурного подъема производительных сил нашей страны трудящиеся Дальнего Востока, вспоминая славные дела своих лучших представителей, отмечают и память В. К. Арсеньева, как прекрасного человека, неутомимого исследователя-краеведа, патриота и пропагандиста своего Приморья и Дальнего Востока в целом.

В 1945 году на страницах печати Хабаровского и Приморского краев появились статьи, осветившие жизнь и деятельность В. К. Арсеньева. Приморский филиал Географического общества Союза ССР приступил к научной разработке архива В. К. Арсеньева и подготовке к печати полного собрания его сочинений.

Приморский крайисполком в ознаменование пятидесятилетия со дня смерти В. К. Арсеньева вынес следующие решения:

1. Переименовать ул. Производственную во Владивостоке, на которой жил и работал В. К. Арсеньев, в улицу Арсеньева.

2. Присвоить Краеведческому музею, в котором работал и экспонировал материалы своих экспедиций В. К. Арсеньев, имя Арсеньева В. К.

3. Установить на здании по ул. Арсеньева, д. № 7, в котором жил и работал В. К. Арсеньев, мемориальную доску.

4. Удовлетворить пожелание В. К. Арсеньева, высказанное в его завещании¹, перенести его останки в тайгу.

5. Обязать Краевой комитет по делам архитектуры объявить конкурс на составление проекта памятника В. К. Арсеньеву во Владивостоке».

Наш биографический очерк был бы неполным, если бы мы не попытались еще обрисовать внешность В. К. Арсеньева.

Это был человек выше среднего роста, сухощавый, прекрасно сложенный, с отличной военной выправкой. Черты лица были резкими, очерченными двумя глубокими характерными складками, но приятными. Глаза голубые, глубокие, над которыми возвышался ровный лоб. Светлые волосы были всегда зачесаны вверх, на висках и затылке они были поседевшими. Подбородок несколько выступал и вместе со складками на лице подчеркивал волю, энергию и настойчивость. Движения Арсеньева были резкими и энергичными, походка также быстрая, почти прямолинейная.

Головной убор Арсеньев носил всегда один и тот же—шляпу серую или темносерую, со слегка поднятыми полями. Костюм Арсеньев предпочитал синего цвета.

В период экспедиционных работ В. К. Арсеньев любил одевать плотную шляпу с широкими полями, куртку в виде френча, а вместо сапог ороцские улы (унты), в которых ноги хорошо укрывались мягкой травой—осокой, специально засушиваемой для этих целей орочами и удахейцами. Ноги Арсеньев всегда укрывал обычными обмотками.

В обращении Арсеньев был весьма вежлив и предусмотрителен. В тоне его рассказов и обращений собеседник никогда не чувствовал какого-либо давления, но всегда невольно поддавался его эрудиции и обаянию.

Лекции и доклады Арсеньева отличались большой живостью и всегда были жалеко расставаться как с самым лектором, так и с теми безымянными героями—лесными людьми, проводниками, охотниками, которые были соучастниками путешествий Арсеньева. Все это влияло на аудиторию и читателя его произведений и невольно влекло вновь послушать или прочесть Арсеньева.

К детям Арсеньев относился с любовью, их он окружал вниманием, заботой и лаской, часто с ними играл.

Где бы Арсеньев ни находился—в купе вагона, кают-компании парохода, в гостях, на собрании, он легко заводил разговор и незаметно для окружающих его лиц переходил с обычного разговора на воспоминания о далеком прошлом, о природе и богатствах Приморского края и этим всех увлекал, иногда на несколько часов и того больше. Известны случаи, когда Арсеньева приглашали в тесный кружок молодежи, на чашку чаю, и там за рассказами, среди почти безмолвной и восторженной аудитории, забывая о часах, он просиживал до утра.

В общении Арсеньев также был весьма простым, хотя иногда и давал понять собеседнику, что в исследовательской работе он не новичок, имеет достаточный жизненный опыт и знания, и что не следует злоупотреблять его временем. Опозданий Арсеньев решительно не терпел, он всегда приходил во-время и всегда говорил вслух, что времени у него мало и что нужно не задерживаться.

Портфеля или какой-либо папки Арсеньев с собою не носил. Руки его обычно всегда были свободны, а если он что-нибудь и брал, то это книгу,

¹ Указывают, что в бумагах В. К. Арсеньева находилось следующее его завещание: «Прошу похоронить меня в Уссурийской тайге. В. Арсеньев».

Где и когда было написано это небольшое завещание установить сейчас не удалось, и сам этот крайне важный автобиографический документ ныне считается утраченным.—Н. К.

одну или две, которые послы в левой руке, в них можно было видеть нередко и закладки, конспекты выступлений и т. п.

Зрение Арсеньева было отличным, хотя уже в последние годы он во время чтения или письма надевал очки, которые, по правде сказать, только мешали ему.

Памятью Арсеньев обладал прекрасной. Вспомнить какой-нибудь разговор, цитату из произведения, стихи, песню или воскресить в памяти давние маршруты, название реки, фамилии людей, назвать их по имени и отчеству,—все это легко ему удавалось.

Как-то раз в 1927 году в районе Советской Гавани автору этих строк пришлось быть свидетелем двух следующих случаев.

В бухте Японской, где расположился поселок, мы остановились у старого спутника Арсеньева по экспедициям 1906—1910 годов К. И. Копотева. Как только наступал вечер и когда все домашние оканчивали свои дела, между нами шла задушевная беседа, причем Арсеньев совершенно легко восстанавливал отдельные эпизоды, бивуаки и как бы подзадоривал своего собеседника силой своей памяти, а живостью рассказа заставляя верить в давно прошедшие времена, как будто бы это было вчера, позавчера или вообще не так давно.

Другой случай произошел вблизи устья р. Хади. Наша экспедиция вышла в маршрут, и мы гуськом следовали друг за другом. Я находился недалеко от Арсеньева и беседовал с ним. Вскоре мы поравнялись с одинокой фанзой огородника, а затем увидели и владельца ее—уже сторбившего седого китаецца. Он стал осматривать нас, проходящих по тропе, но вдруг Арсеньев радостно воскликнул: «А, старик, здравствуй, помнишь, как я пришел к тебе в зверовую фанзу на р. Нахтоху? Помнишь ли ты меня?» Старик китаец, услышав знакомый голос и вспомнив черты лица, также быстро ответил: «Здравствуй, капитана Арсеньев, моя хорошо тебя помнит, когда тебе ходи мою фанзу, далеко, далеко, Нахтоху!» Накрапывал дождь, но Арсеньев остановился, подошел к китаеццу, сказал несколько теплых слов, пожелал ему доброго здоровья и, довольный такой встречей, быстро пошел вперед догонять удалившиеся вверх по р. Хади лодки.

Работал Арсеньев аккуратно, систематично. Смотря по ходу маршрута, он останавливался там, где ему было нужно, делал, скажем, засечку буссолью Шмалькальдера, тотчас же в записной книжке записывал отсчет и тут же, не торопясь, заносил кроки ситуации местности. Или он останавливал лодку, выходил из нее и подолгу осматривал местность, если она представляла для него интерес. На таборе, или, как он говорил и писал, бивуаке, когда разбивались палатки, заготавливались на ночь дрова и прочее, он принимал участие в общих работах, не считаясь с их трудностью или размером последних. Затем, когда костер горел хорошо и все люди были заняты другими делами, Арсеньев подсаживался к огню, обычно сидя на какой-нибудь коряге, банке, ящике и, извлекая из сумки большую пленчатую тетрадь, записывал все, что наблюдал за день. Время от времени он быстро потирал руки, смотрел на мигающие языки пламени и снова записывал, изредка перебрасываясь со своими спутниками отдельными фразами или замечаниями. Нередко бывало, что после тяжелого перехода, окончив свои дела, все уходило в палатки на ночлег. Арсеньев же продолжал сидеть, подбрасывая дрова в костер, и, всматриваясь вдаль, думал, записывал, рисовал, чертил до тех пор, пока не оканчивал задуманного. Приходилось наблюдать и такие случаи, когда Арсеньев, сидя с кем-нибудь из проводников-орочей или удэгейцев у костра, расспрашивал о местности, реках, зверях, названиях или подолгу слушал их незатей-

ливые рассказы и, прося повторить неясные места, записывал в свою тетрадь—сокровищницу научных фактов и наблюдений.

При расспросах местных жителей и особенно орочей и удахейцев Арсеньев никогда не изумлялся чем-нибудь, каким бы ни был рассказ—правдоподобным или неправдоподобным. Все выслушивалось им благоговейно, спокойно и вполне серьезно, с тем, чтобы, обдумав потом, внести в тетрадь только самое необходимое. Орочи и удахейцы ценили эту черту характера Арсеньева, легко веряли ему свои тайны, сомнения или просто—напросто вели душевные беседы, отлично сознавая, что все это ему нужно и что он их не подведет.

В кабинетной обстановке Арсеньев также работал систематически и усидчиво. Рабочий кабинет на последней его квартире во Владивостоке не отличался чем-нибудь особенным.

В большой комнате, между двумя окнами, к стене был придвинут письменный стол. Перед ним стоял вертящийся стул.

По обе стороны от стола, на небольших подставках, в белых с синими росписями фарфоровых вазах росли крупные комнатные цветы. На подоконниках также стояли вазы с цветами, часть из них были вьющимися. В комнате была еще большая пальма. В левом углу стола находилась невысокая керосиновая лампа, с красивой отделкой металлического резервуара и белым полусферическим колпаком, заканчивающимся гофрированной розеткой. За большим чернильным прибором на одной подставке находились в овальной рамке два портрета близких родных и знакомых. Другие портреты в рамках под граненым стеклом стояли в стороне. На столе лежали обычно книги, но их было немного, лишь те, что нужны были для работы. Тут же лежали бумаги, требовавшие срочного ответа или какой-нибудь работы над ними.

В простенке между окнами над столом висела картина с изображением в красках полевых и садовых цветов. Чуть повыше ее находился красиво украшенный отрывной календарь. Влево от него располагалась репродукция картины, а вправо—две фотографии ландшафтов далекой горной Камчатки. Тут же на стене висели разные письма, материалы, справки, официальные правительственные телеграммы и т. п.

Надо всем, чуть наклоненно, висела большая рама с вышитыми на черном бархате белыми лилиями. Картина была прекрасной художественной отделки и принадлежала, безусловно, к большим редкостям.

Книжные шкафы и стойки стояли вдоль стен несколько поодаль и они были заполнены массой книг самого различного содержания, притом историко-этнографические и краеведческие заметно преобладали.

Среди предметов на столе всегда можно было найти цветные карандаши, главным образом красный и синий, а также клей, с помощью которых Арсеньев делал редакторские правки, замечания, вставки, обводя их кружками, и обязательно вклеенными на отдельных листочках в те места текста книги или рукописи, как это ему требовалось.

Переписку Арсеньев вел большую, и на все письма он считал себя обязанным ответить, разузнать и сделать все, что только его просили. На письмах, которые он получал, стояли либо номер ответа, либо краткая надпись «отвечено» и подпись—«В. Арсеньев».

В. К. Арсеньев был женат дважды: от первого брака у него был сын Владимир, ставший позднее лесоводом-лесоустроителем и работающий ныне на Алтае, от второго дочь—Наталья.

Вот, пожалуй, в немногих, несовершенных штрихах основные черты Владимира Клавдиевича Арсеньева, каким он запомнился автору этих строк.

Глава 2.

ЭКСПЕДИЦИИ И ЭКСКУРСИИ В. К. АРСЕНЬЕВА

За тридцать лет работы в крае (1899—1930 годы) В. К. Арсеньев провел исключительно энергичные географические исследования, вкладывая в них всю свою страсть и любовь к Дальнему Востоку и в особенности к его южной части—Приморью¹, называемому всюду им, да и многими другими, Уссурийским краем.

По многим местам и районам В. К. Арсеньев прошел первым, проложив путь географа-краеведа и натуралиста. В его основных книгах—«По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала»—даны образные описания природы и быта малых народностей, а также указаны пути продвижения его экспедиций. Однако не безынтересно кратко осветить отдельные этапы научно-исследовательской деятельности В. К. Арсеньева, что будет иметь немалое значение для учета исследованности Приморья и истории науки вообще.

Вскоре после прибытия на Дальний Восток, куда так неудержимо стремился Арсеньев, он начал в 1900 году сначала один или с одним-двумя стрелками небольшие экскурсии-походы в окрестностях Владивостока и ближайших к нему районах вокруг залива Петра Великого (от Шкота до Новокиевска—ныне Краскино).

В 1902—1903 годах Арсеньев, состоя начальником охотничьих команд, уже предпринимал более отдаленные экскурсии для географического и военно-статистического изучения отдельных районов Южного Приморья. За эти годы он посетил по нескольку раз долину р. Сучана, р. Судзухе, р. Сляхе, р. Лефу и другие, а также и район залива Ольги. Появившийся у администрации Приморской области интерес к результатам небольших, порой отрывочных наблюдений над природой южного Приморья, позволил Арсеньеву приступить к осуществлению в 1906 году большой экспедиции, снаряженной в горную область Сихотэ-Алинь для проведения широких естественно-исторических исследований.

Эта экспедиция охватила район так называемого Зауссурийского края, границами которого являются на севере—залив Ольги, на западе—водораздел рек Усури, Лифудзина, Ното и Имана, на юге и востоке—побережье Японского моря.

Выступив в половине мая от станции Шмаковка Уссурийской железной дороги, экспедиция Арсеньева прошла вверх по р. Усури до места слияния составляющих ее рек Даубихе и Улахе, откуда по последней

¹ Под Уссурийским краем В. К. Арсеньев понимал территорию не одного только бассейна р. Усури, а все Приморье, от южной границы до устья р. Амура. Мы здесь пользуемся термином «Приморье» именно в этом смысле.

Схематическая карта маршрутов экспедиций В. К. Арсеньева.

она поднялась до перевала через хребет Сихотэ-Алинь. Выйдя затем на восточный склон Сихотэ-Алиня, экспедиция спустилась к устью р. Фудзиня и вышла к деревне Кокшаровке, расположенной в долине р. Улахе; отсюда она по р. Фудзин дошла до слияния с р. Лифудзин и вышла на перевал через Сихотэ-Алинь по известной тропе путешественников-исследователей Дальнего Востока акад. К. Н. Максимовича и А. Ф. Будищева, затем по р. Вай-Фудзин (Аввакумовка) спустилась к заливу Ольги и селению того же наименования.

После залива Ольги экспедиция Арсеньева направилась по берегу моря на север, вверх по р. Арзамасовке, реками Тапоузе и Хулуай, которые впадают в залив Владимира. Далее, поднявшись по р. Лисягоу, она вышла на р. Тадушю и по ней достигла Сихотэ-Алиня. Поднявшись вскоре по р. Вангоу, она перевалила через Сихотэ-Алинь и спустилась в бассейн р. Ното. Возвратившись назад, к югу, экспедиция пошла вновь по рекам Тадушю, Лифудзин и дальше по р. Тютихе и вышла к берегу моря.

Снарядившись снова, экспедиция Арсеньева посетила реки Аохоба, Мугухэ и Санхобэ и остановилась у бухты Джигит, где по р. Иодзыхэ поднялась на хребет Сихотэ-Алинь и спустилась в верхние притоки р. Имана, берущие свое начало в западных отрогах хребта. Оттуда по р. Лутангоу путешественники совершили подъем на гору Хунтами и спустились опять к Санхобэ. Продолжая путь по берегу моря на юг до бухты Терней, экспедиция по р. Туиче вышла на хребет Сихотэ-Алинь и попала в бассейн Кулумбэ. По ней она дошла до населенного пункта Сидатун и вскоре вышла на железную дорогу, где 15 ноября закончила свою работу. Продолжительность этой экспедиции составляла 190 дней, хребет Сихотэ-Алинь был пересечен девять раз.

В следующем, 1907 году Арсеньев снова снарядил экспедицию и продолжал исследования горной области Сихотэ-Алинь, начав последние с побережья Японского моря. Высадившись в первых числах июля в бухте Джигит, экспедиция Арсеньева обследовала реки Иодзыхэ, Синанда и Дунгоу и вышла к бухте Терней. По р. Беллимбэ она поднялась на Сихотэ-Алинь, спустилась в истоки р. Бейчи (бассейн р. Имана), затем вернулась назад в район р. Беллимбэ, обследовав р. Такему и мыс Белкина. Отсюда экспедиция вновь пошла на Сихотэ-Алинь и, перевалив его, захватила истоки р. Арму (бассейн р. Имана) и, спустя некоторое время, вышла опять к морю через р. Беллимбэ. Пройдя по берегу моря до р. Амагу, она поднялась на Амгунские гольцы (б. гора Царская), что находятся на самом хребте Сихотэ-Алинь, и отсюда направилась назад к р. Кулумбэ. Возвратившись назад к морю, Арсеньев посетил р. Найну, мыс Сосунова и по р. Холонку начал подъем до Сихотэ-Алиня с выходом на истоки р. Бикина, уже на западных склонах хребта. Затем он снова вернулся на р. Кусун и по ее притоку—р. Уленгоу—опять поднялся на Сихотэ-Алинь и вышел на р. Бикин, где и встретил другой отряд экспедиции, возглавляемый А. И. Мерзляковым, который шел навстречу Арсеньеву с запасом теплой одежды и продовольствия. В январе 1908 года у сел. Сигоу на р. Бикине экспедиция закончила свою работу. Она продолжалась 210 дней, и на этот раз Сихотэ-Алинь был пересечен четыре раза.

В 1908 году в ознаменование 50-летия со дня присоединения Приморского края к России, Арсеньев, по поручению Русского географического общества, начал свою третью крупную экспедицию в северную часть Приморья. Район деятельности экспедиции был большим, его ограничивали: на юге—линия рек Самарги и Хор, на севере—побережье Татарского пролива до озера Кизи и низовьев р. Амура, на западе—правобережье Уссури и Амура, а на востоке—побережье Японского моря.

В. К. Арсеньев выехал в июне с членами экспедиции из Хабаровска, достиг устья Анюя и на лодках начал подниматься по нему, далее по его притоку р. Гобилли и по ней дошел до Сихотэ-Алиня, перевалил его и вышел на р. Буту (приток р. Хуту). Здесь, в силу непредвиденных обстоятельств, экспедиция оказалась в крайне тяжелом положении (состав ее голодал 21 сутки), пока ее не встретил на р. Буту отряд Николаева (помощника Арсеньева), вышедший из Императорской (ныне Советской) Гавани на помощь.

После отдыха и восстановления сил, экспедиция выступила из Советской Гавани на юг по берегу моря и, пройдя мыс Туманный, достигла р. Самарги. Поднявшись по ней на Сихотэ-Алинь и перевалив его, она вышла на р. Чунн и другие реки бассейна р. Хор. Продолжая свой путь через реки Мухень и Садомабиранн, экспедиция подошла к озеру Синда возле Амура и по р. Пихце начала снова подъем вверх и по рекам Тормасунь, Гобилли, Дынни (истоки Анюя) подошла к Сихотэ-Алиню, перейдя на восточные склоны его. Далее, следуя по рекам Иггу и Копи, уже ранней весной, экспедиция Арсеньева подошла к Советской Гавани и берегом моря достигла бухты Мосолова, мыса Сюркума, залива ДеКастри и по р. Хоюль вновь пересекла хребет Сихотэ-Алинь, выйдя к с. Маринскому на Амуре. Начав обратный путь, экспедиция Арсеньева вышла на р. Тумнин и прибыла вновь в Советскую Гавань, обследовав реки Хади, Тутто, Май, Уй, Чжуанка и др. Осенью экспедиция направилась на север и, вступив в бассейн р. Тумнина, по ее одному притоку достигла перевала через Сихотэ-Алинь и уже глубокой зимой на лыжах с большим трудом спустилась в долину с. Хунтари, где и закончила свою работу, продолжавшуюся девятнадцать месяцев. Эта экспедиция была начата в 1908 и закончена в 1910 году. В этот раз Сихотэ-Алинь был пересечен семь раз.

Разработав часть своих материалов, особенно по древней истории и археологии, В. К. Арсеньев заинтересовался памятниками старины, которые разбросаны по всему Приморью и были учтены далеко не полностью.

Сунпай Геока—последний проводник экспедиции В. К. Арсеньева в 1927 году.

В 1911 году он предпринял небольшую экспедиционную поездку, совершив следующий маршрут: от озера Ханка на восток с выходом на р. Даубихе, затем по ней вверх и оттуда снова на восток к истокам р. Улаха, где перевалил через Сихотэ-Алинь и вышел к бухте Ольги. Из бухты Ольги путь его лежал на север по берегу моря к бухте Джигит, откуда морем на пароходе Арсеньев возвратился во Владивосток.

В следующем, 1912 году, осенью, В. К. Арсеньев совершил опять небольшую экспедицию. На этот раз Арсеньев на пароходе из Владивостока поехал на север до Нахтоху, затем берегом моря прошел до р. Такемы и уже в позднюю осеннюю пору, перевалив Сихотэ-Алинь, он вышел на р. Арму, по последней спустился до р. Имана и уже по нему достиг линии железной дороги.

Наряду с изучением таежных промыслов китайцев, орочей и удахейцев, В. К. Арсеньев в эти два года своих путешествий много собирал материалов по географии памятников старины (развалины древних городищ и укреплений, пограничные валы, старинные дороги, плотины и пр.), которые относились к VII—VIII векам нашей эры. Арсеньев производил описание этих памятников старины, топографические съемки, измерения отдельных предметов и т. п.

После ряда лет камеральной обработки собранных материалов, в 1917 году, когда на Дальнем Востоке развернулись крупнейшие политические события, Арсеньеву удалось организовать новую экспедицию в горную область Ян-де-Янге. Сведения об этой экспедиции дошли до нас в весьма отрывочной форме и, за отсутствием обработанных материалов, остались до сих пор неясными. Из двух небольших статей¹, вошедших в книгу «В дебрях Приморья», общий ход их маршрута в горную область Ян-де-Янге ориентировочно может быть принят следующий.

Из Хабаровска вместе с Н. П. Делле Арсеньев направился по р. Урми и достиг ее верховьев, выйдя к водораздельному хребту Быгин-Быгину и последнему нанайскому селению Колдок. Отсюда они направились через истоки р. Улике, вновь поднялись до водораздела и в январе 1918 года, подойдя к р. Олтон, достигли якутского поселка Талакана. Здесь вместе с амгунскими тунгусами-оленоводами они продолжали свой путь на восток к горным хребтам Ян-де-Янге, что лежат несколько западнее истоков р. Амгуни. Здесь через шесть дней пути на лыжах и оленях они вышли в долину р. Уркана и к озеру Болонь-Оджал и возвратились в Хабаровск.

Экспедиция была вызвана целью помочь местным малым народностям в организации новой жизни. В. К. Арсеньев к этому времени исполнял обязанности комиссара по делам туземцев на Дальнем Востоке, но, как показала ему эта поездка, практически сделать он ничего не мог и, не желая числиться только шефом, отказался от этой трудной, хотя и почетной обязанности.

В 1918 году, по поручению Приморского переселенческого управления, Арсеньев совершил поездку на полуостров Камчатку для колонизационного обследования долины р. Камчатки.

На Камчатку Арсеньев выехал на пароходе «Сишан». По пути он был в Японии (порт Хакодате), где имел случай осмотреть палеонтологические коллекции с южной оконечности острова Хоккайдо (Мацмай). Пройдя Сангарским проливом, пароход шел вдоль Курильской гряды, что оставило у Арсеньева массу впечатлений.

¹ «Быгин-Быгину» и «В тундре»—расказы. «В дебрях Приморья». М.—Л. 1934, стр. 11—16, 17—32.

Из Петропавловска на Камчатке Арсеньев морем добрался до устья р. Камчатки и на моторном катере поднялся по ней до сел. Мильково. В то время это было большим событием, так как до него катеры сюда не подымались.

Встреча экспедиции В. К. Арсеньева с железнодорожной экспедицией на хребет Сихота-Алинь в 1927 году (В. К. Арсеньев — второй слева)

Из сел. Милькова Арсеньев, снарядив вьючный караван лошадей, направился через сел. Верхне-Камчатское и Шеромское к Ганальскому перевалу. Возле сел. Камани были осмотрены места древних камчадалских поселений, описанных еще в 1728—29 годах С. Крашенинниковым. Собранные там и в окрестностях сел. Верхне-Камчатского старинные предметы (русские монеты, куски железа, медные пряжки и прочее), относив-

пешся к резиденции острога Владимира Атласова, Арсеньев передал впоследствии в Хабаровский музей.

С Ганальского перевала Арсеньев спустился по р. Белой, затем перешел через Начихинский перевал и по р. Аваче вышел в Авачинскую бухту и в Петропавловске сел на один из последних пароходов, идущих во Владивосток.

Путешествие по Камчатке позволило Арсеньеву собрать много материалов по географии полуострова, деятельности вулканов (особенно Авачинского), по остаткам вымерших животных (посорога и мамонта) и по древним обитателям. Позднее часть этих материалов была обработана и опубликована в печати (см. список работ В. К. Арсеньева).

В 1922 году, работая в Дальневосточном управлении рыболовства и охоты в качестве заведующего отделом морского зверя, Арсеньев отправился в северо-восточную часть Охотского моря для статистико-экономического и промыслового обследования Гижигинского района.

На пароходе «Кишинев» Арсеньев в конце июля 1922 года дошел до Ямской губы. Здесь Арсеньев пересел на шхуну «Пенжина», которая шла с разными заходами по побережью, и это дало ему возможность производить осмотр устьев рек и населенных пунктов.

Вследствие контрреволюционных выступлений белогвардейцев (атамана Бочкарева и других), рейс шхуны «Пенжина» был очень сложным, трудным и опасным (опасались угона ее для побега атамана Бочкарева в Америку, расстрела всех пассажиров и т. п.). Капитан шхуны «Пенжина» А. М. Менгель, желая спасти груз и людей от белогвардейца Бочкарева, незаметно вышел в море, но вскоре попал в сильный шторм. Невероятных усилий стоило спасти шхуну от водной стихии. Ориентировка была потеряна. По определении места нахождения Менгель вывел шхуну на южную оконечность Сахалина (у мыса Анива) и в конце сентября шхуна с изорванными парусами добралась до г. Хакодате. Здесь В. К. Арсеньев застал пароход «Кишинев», на котором в начале октября и вернулся во Владивосток.

В 1923 году Арсеньев совершил поездку на Командорские острова, где собирал краеведческие материалы. При возвращении он посетил Петропавловск на Камчатке и ему удалось совершить там восхождение на близлежащий Авачинский вулкан.

Все эти последние поездки носили служебный, прикладной характер, но Арсеньеву удалось все же на основании попутно собранных материалов дать ряд статей на краеведческие темы.

В 1926 году Арсеньев принимал активное участие в организации и проведении в Хабаровске Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока.

Летом 1926 года Арсеньев возглавил экспедицию Наркомзема СССР по изысканию колонизационных фондов. Кроме него в ней участвовали: геоботаник О. М. Неймарк (Полетико), почвовед А. Амосов и лесовод П. Д. Филатов.

Маршрут был таким: Хабаровск, с. Вятское, с. Сарапульское и озеро Сянда, откуда экспедиция, разбившись на две группы, обследовала р. Немту (Арсеньев и Амосов) и р. Мухень до среднего течения (Неймарк и Филатов). Возвратившись назад к озеру Гаси, они начали подниматься по р. Пихце, затем по Амуру до сел. Троицкого и Найхина в устье р. Анюя. Далее экспедиция поднялась на лодках по р. Анюю, сделав боковой маршрут по р. Монома (правый приток р. Анюя). По Анюю экспедиция достигла устья р. Тормасунь, где, помимо колонизационных исследований, Арсеньев провел подробное статистическое обследование

туземного населения. Вскоре Арсеньев заболел и вся экспедиция, спустившись по р. Анюю на Амур, пароходом возвратилась в Хабаровск.

По материалам экспедиции были составлены ботанический (Неймарк), почвенный (Амосовым), лесоводственный (Филатовым) и общий (Арсеньевым) отчеты. Ботанический отчет редактировал акад. В. Л. Комаров.

Широкие промышленно-хозяйственные перспективы развития Дальнего Востока вызвали огромный интерес к северным районам Приморья, и в 1927 году, по поручению Переселенческого управления, Арсеньев возглавил и провел одну из своих последних крупных экспедиций по маршруту Советская Гавань—Хабаровск. В трудных полевых условиях экспедиция прошла огромный 1873-километровый путь на лодках по горным рекам, с котомками за плечами, через ряд горных перевалов и самый хребет Сихотэ-Алинь. Маршрут экспедиции начался из Советской Гавани, куда вместе с В. К. Арсеньевым из Владивостока прибыли А. И. Кардаков (зоолог) и Н. Е. Кабанов (геоботаник).

Снарядив три лодки и получив шесть проводников—орочей, экспедиция 10 июня начала подъем по р. Хади, затем по ее левому притоку р. Тутто вверх, пока было возможно. Оставив лодки, сотрудники экспедиции с котомками на плечах вышли в истоки р. Тутто, перешли через перевал Утомительный и спустились в истоки р. Иоли (бассейн р. Копи). Затем, когда была выдолблена лодка, экспедиция спустилась к устью р. Иоли и вышла на р. Копи. После краткого отдыха экспедиция пошла на лодках вверх по р. Копи и по левому ее притоку р. Иггу начала подыматься к Сихотэ-Алиню.

На перевале Сихотэ-Алиня В. К. Арсеньев и А. И. Кардаков вместе с четырьмя проводниками и рабочими орочами начали дальнейший путь—в истоки рек Дынми, Гобилли (бассейн р. Анюя), затем вышли на реки Пихцу, Мухень и Немшту и к 1 октября прибыли в Хабаровск.

Н. Е. Кабанов с другими проводниками и рабочими орочами с хребта Сихотэ-Алинь на лодке спустился по р. Копи к морю, отсюда катером пришел в Советскую Гавань и, по окончании исследований, пароходом возвратился во Владивосток.

В последующие годы Арсеньев участвовал в работе местных исследовательских учреждений, консультируя почти все новые экспедиции.

В 1930 году Арсеньев, будучи начальником Бюро экономических исследований новых железнодорожных магистралей, взял на себя руководство четырьмя крупными экспедициями по краю. Находясь в таежных условиях, Арсеньев сильно подорвал свое здоровье и, заболев в экспедиции крупозным воспалением легких, в тяжелом состоянии возвратился во Владивосток, где 4 сентября и скончался.

Глава 3.

ВКЛАД В. К. АРСЕНЬЕВА В НАУКУ И ЛИТЕРАТУРУ

Знакомясь с результатами экспедиций, совершенных В. К. Арсеньевым за тридцатилетний период, нельзя не признать его исключительных заслуг по изучению естественно-исторических условий Дальнего Востока, причем, как можно судить по оставшимся после него работам, интересы В. К. Арсеньева были очень разнообразны и не замыкались рамками какой-либо одной научной дисциплины.

Перу В. К. Арсеньева принадлежит 53 работы (см. аннотированный список работ), из которых часть переиздавались по несколько раз или выходили в сильно измененном и даже в сокращенном, по решениям отдельных издательств, виде.

Из опубликованного литературного наследия В. К. Арсеньева видно, что одни работы, притом большая часть, имеют общегеографический и краеведческий, другие—чисто специальный и трети—литературно-художественный интерес и значение.

Арсеньевым опубликованы далеко не все собранные материалы, часть их осталась в рукописях, другие ждут еще обработки. Приморский филиал Географического общества СССР во Владивостоке принимает меры к опубликованию оставшегося рукописного наследия Арсеньева. Мы остановимся в основном на разборе только тех работ Арсеньева, которые имеют научное значение, стремясь одновременно раскрыть их содержание и научные выводы, к которым пришел их автор.

Считая себя в основном географом-краеведом, в широком смысле этого слова, Арсеньев собрал и обработал исключительно ценные материалы по физической географии и топографии, этнографии малых народностей края, археологии и истории края, по охотоведению, а также по морским животным, по использованию и освоению растительных ресурсов, по ботанической географии и, наконец, по общеэкономическим вопросам и проблемам заселения и освоения, перспективам дальнейшего развития края и его отдельных районов.

Кроме того, Арсеньев оставил ряд литературно-художественных произведений, из которых такие, как «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», переиздавались много раз и получили широкую известность. Несмотря на то, что в них местами встречаются не совсем точные и правильные трактовки и объяснения фактов, они и теперь пользуются большим успехом у советских читателей, как яркие и образные произведения о богатой и девственной природе Дальнего Востока и ее обитателях.

Еще в начале своей исследовательской деятельности Арсеньев заявил, что одни материалы он обрабатывает лично сам, другие с помощью

специалистов и третьи он передает в распоряжение ученых в дополнение к имеющемуся у них такому же материалу. Составленный нами список работ и материалов наглядно вскрывает, что этому принципу он в жизни следовал довольно твердо.

Мы находим у него такие группы работ:

1. Оригинальные научные статьи.
2. Научно-популярные работы.
3. Ведомственные отчеты и докладные записки.
4. Научные материалы.
5. Литературно-художественные произведения.

Ниже мы дадим общую оценку деятельности Арсеньева, преимущественно в области географических исследований Дальнего Востока, которым он и интересовался всю свою жизнь и который очень любил. По мере возможности мы отметим и значение работ Арсеньева для науки и литературы в целом.

Для наглядности рассмотрим работы Арсеньева по тем разделам, какими он обычно занимался и интересовался.

Краеведение

К началу 1900-х годов сведения о Дальнем Востоке и особенно его южной части—Приморье—не выходили за круг отрывочных, порой спорных и даже гипотетических. Научная общественность получала вполне достоверные сведения лишь от тех немногих путешественников-ученых [Р. К. Маак, К. И. Максимович, А. Ф. Будищев, Н. М. Пржевальский (1868—69 годы)], которые публиковали результаты своих исследований. Все эти сведения были известны только узкому кругу специалистов (ботаникам, зоологам и немногим другим натуралистам), а местным дальневосточным работникам были почти совершенно недоступны.

Блестящие исследования и описания природы юга Приморья, составленные Н. М. Пржевальским¹, были по сути дела единственными руководящими вехами в познании сказочно богатого и вместе с тем полного загадками и неожиданностями края. Сколько-нибудь удовлетворительных описаний и исследований внутренних районов Приморья и его горной области Сихотэ-Алиня не было. Отдельные маршруты геологов Д. В. Иванова (1894—95 годы) и Я. С. Эдельштейна (1898 год), хотя и прошли по наиболее интересным местам Приморья, с пересечением Сихотэ-Алиня, и давали много новых специальных и географических сведений, но все же не были исчерпывающими в общегеографическом отношении.

По образному выражению Арсеньева, горная область Сихотэ-Алиня долго оставалась «лесной пустыней», где почти никто не бывал и постоянно не проживал. Имелись лишь одиночные фанзы китайцев-соборевщиков и пскателей жень-шеня, да истинных аборигенов тайги—лесных людей орочей, удэхейцев и немногих других народностей. Они жили разбросанно вдали друг от друга и от пришедших туда сравнительно недавно русских, ведя свою полную лишений и опасностей окитальческую охотничью жизнь.

Арсеньев, попав в далекое Приморье, будучи знакомым с ним лишь понаслышке и по скудным литературным данным, столкнулся с девственной нетронутой тайгой и вскоре стал одним из самых энергичных и неутомимых ее исследователей. В горной области Сихотэ-Алиня он был одним из первых географов-исследователей. Заметим одновременно, что предпринимавшиеся в 1890—1895 годы отдельными лицами попытки проникнуть

¹ Пржевальский Н. М., Путешествие в Уссурийском крае, 1869.

на Сихотэ-Алинь с запада, по рекам, не имели успеха, экспедиции возвращались, не достигнув цели, а в некоторых случаях оканчивались трагически с человеческими жертвами.

В. К. Арсеньев первый дал более или менее подробное описание рельефа горных частей Сихотэ-Алиня по маршрутам, проделанным им за тридцать лет своей деятельности.

Однако описания рельефа, разбросанные почти во всех его трудах, не систематизированы, если не считать одной специальной работы¹, где Арсеньев на основании своих экспедиций 1900—03, 1906—07 и 1908—1910 годов дал общий очерк рельефа всего Приморья.

Наряду с общим описанием отдельных хребтов и вершин, некоторым он дал свои названия. Таковы: гора Шайтан (1860 м) в истоках р. Такемы; в горном узле, где берут начало реки Хор, Анюй, Копи и Самарги, — Пик Муравьева-Амурского (1300 м); на побережье моря, в истоках р. Сяо-Кемы, — гора Дромадер (1200 м); в истоках р. Сицы — Пик 17 октября; затем немного дальше — гора Верблюд и многие другие. Из перевалов через Сихотэ-Алинь Арсеньев назвал следующие: Максимовича, Венюкова, Забытый, Скалистый, Рудный, Терпения, Русского географического общества, Утомительный и другие.

Он восстанавливал и существующие китайские, ороцкие, удэхейские или русские названия, и с его маршрутных карт они вошли в обиход. Это важно подчеркнуть, так как сам Арсеньев по этому поводу говорит следующее:

«Все сведения о Сихотэ-Алине и о побережье Японского моря и Татарского пролива заключались согласно карты, изданной Военно-топографическим отделом Штаба Приамурского военного округа в 1905 году в полосе взморья шириною в пять верст, снятой партией топографов под начальством полковника Большева в 1874 году и офицерами шхуны «Восток» под начальством подполковника корпуса штурманов Бабкина в 1860 году»².

Собрав туземные названия хребтов и возвышенностей, Арсеньев один из первых сообщил, что они значат. Так, «Дун-да-шань» в переводе означает «Восточные большие горы», т. е. вся система горных хребтов Сихотэ-Алиня. Сихотэ-Алинь (правильнее «Сихэта-Алинь») — «Западных больших рек хребет» и многие другие, на которых мы здесь не останавливаемся. Наконец, едва ли кому известно, что первые русские жители из района залива Ольги называли Сихотэ-Алинь «Проходным рубцом» и т. п.

Арсеньев, изучая хребет Сихотэ-Алинь, вслед за утверждениями геологов М. М. и Д. В. Ивановых и Я. С. Эдельштейна, дал схематическую карту распределения параллельных горных хребтов по всему Приморью³. Особое внимание он уделил изучению условий перехода и описанию перевалов через Сихотэ-Алинь. Всего им было установлено 22 перевала, которым он дал свои названия. Помимо общей характеристики, топографических условий и указаний на проходимость в летнее и зимнее время Арсеньев приводит абсолютные высоты, которые определял путем барометрического нивелирования. Значительная часть перевалов определена была и астрономически. Все это увеличивало общую ценность добытых Арсеньевым материалов.

Ввиду редкости упомянутого издания⁴, мы сочли полезным все прой-

¹ Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901—1911 гг. Хабаровск, 1912.

² Там же, стр. 3-я.

³ Там же, см. «Приложение», карта № 4.

⁴ Там же, текст стр. 102—104, карта № 5.

денные Арсеньевым через хребет Сихотэ-Алинь перевалы дать в виде следующей таблички (с юга на север).

№ п/п.	Название перевалов	Район и место перевала	Высота над уровнем моря (в м)
1	Максимовича	С р. Лифудзина на р. Аввакумовку (Вай-Фудзин)	980
2	Рутковского	С р. Лифудзина на р. Аввакумовку	745
3	Будищева	С р. Лифудзина на р. Тадушу	480
4	Лесистый	С р. Ното через верховья р. Лифудзина на р. Тадушу	564
5	Забывтый	С р. Даманца (приток р. Ното) на р. Тадушу	785
6	Скалистый	С р. Ното на р. Тютихе	1300
7	Рудный	С р. Имана на р. Тютихе	1200
8	Горелый	С верховьев р. Имана на р. Синанца, впадающей в р. Подзыхе	1000
9	Терпения	С р. Кулумба на р. Санхобэ	910
10	Амгинский (б. Царский)	С р. Арму на р. Сицу-Сланцевую (приток р. Такемы)	1000
11	Маака	С р. Мыне (приток р. Бикина) на р. Уленгоу (приток Кусуна)	860
12	Миддендорфа	С р. Бикина на р. Тахобэ	680
13	Назарова	С р. Бикина на р. Нахтоху	890
14	Эдельштейна	С р. Сукная (Хор) на р. Кукчи (Самарги)	850
15	Муравьева-Амурского	С р. Чуина в верховья р. Самарги	990
16	Размытый	С р. Дынми на р. Иггу (Копи)	1020
17	Иванова	С р. Гобилли на р. Бугу	1200
18	Опасный	С р. Туки (Хунгари) на р. Акур (Тумнин)	1020
19	Грумм-Гржимайло	С р. Удоми (Хунгари) на р. Мули (Тумнин)	300
20	Прянишникова	С р. Бешеной на исток р. Тумнин	360
21	Русского географического общества	С р. Хоюль на г. Ясемаль (Тумнин)	569
22	Кизи	С оз. Кизи на залив Де-Кастри	310

В том же труде Арсеньев дал подробное описание всех снятых им рек п главных их притоков в отношении протяженности, направления, ширины, глубины и иногда скорости течения, отметив в качестве особенности приморских рек то, что почти все они в верхнем течении текут вдоль горных хребтов или их складок. Только приняв в себя другую реку, они резко меняют направление и режут почти перпендикулярно горные складки.

Изучая реки, Арсеньев подметил много их своеобразных черт: быстрые подъемы воды, частые наводнения, образование после наводнений новых русел, завалов и т. п. Для такой реки, как Анюй (правый приток р. Амура), он приводит случай, когда она, разливаясь, затапливает близлежащие леса, превращая их в настоящие «Сильвасы». Местные жители орочи и удэ-хейцы при этом принуждены спасаться на лодках среди леса, искать там удобные места для отдыха, ночлега и т. п. Он приводит случаи, когда ему самому остановиться на ночлег в лесу было негде и его людям пришлось ночевать прямо в лодках.

Арсеньев, будучи весьма наблюдательным, отметил, что быстрота подъема уровня рек, повышенные скорости течения и чрезвычайно низкая температура воды (от $+9^{\circ}$ в устье и до $+1,0$, $+1,5^{\circ}$ в истоках) заметно ограничивают распространение рыб и даже ряда водных растений и мхов, какие обычны для рек в других районах и областях.

Вследствие того, что в далеком прошлом на территории Приморья и Приамурья существовали разные народности и племена, горные хребты и реки сохранили ряд сходных и сбивчивых названий. Поэтому Арсеньев, пользуясь встречами со многими аборигенами — китайцами, тазами, орочами, удайцами, русскими, составил сводную табличку различных названий рек.

Приведем некоторые из них:

Орочское	Китайское	Русское
Фуди	Вай-Фудинь	Вай-Фудзин
—	Подзыхе	Владимировка
Бини	Бинлангбе	Белимбе
Има	Има-хе	Иман
Бики	Дзиньхе	Бикин
Пор	Маньихе	Хор
Нактана	Нахтоху	Лебедянка
Хади	Импе-Лава	Императорская (ныне Советская гавань)
Дата	Умитагоу	Самарги
Апюй	Найхин	Дондон
Ямурь	Шунхоцзян	Амур

Одновременно с помощью специалистов-ориенталистов Арсеньев старался правильно транскрибировать старые китайские и прочие туземные названия, стремился дать им наилучший русский перевод, при написании строго придерживался их истинного произношения (например р. Коли, а не р. Коппи, как это зачастую делаем мы, р. Ното, а не р. Нотто, р. Самарги, а не р. Самарга, р. Хади, а не р. Хадя, р. Дата, а не р. Датта и т. п.).

Прибрежная полоса Японского моря и Татарского пролива в описаниях Арсеньева получила подробную физико-географическую и топографическую характеристику; были описаны также некоторые заливы и бухты¹ и многочисленные тогда маяки.

Большое внимание уделял В. К. Арсеньев характеристике и описанию дорог, летних и зимних троп, по которым сообщалось небольшое тогда в крае население. Особое внимание он обращал на пути туземцев, где они вели охоту и другие промыслы, а также на зимние пути китайцев, по которым они пробирались решительно во все уголки Приморья для меновой торговли. Характеристика путей сообщения дана Арсеньевым настолько подробно, что являлась прекрасным путеводителем для всех других лиц, пользовавшихся ими. Схематические и полунструментальные съемки их запечатлены на картах.

Давая общегеографическую характеристику побережья Японского моря, Арсеньев неизменно отмечал те отдельные участки берега, где встречаются почти непроходимые или трудно проходимые зыбучие пески, опасные для людей и лошадей. Места, где он и его спутники испытывали затруднения и подвергались опасности, отмечались им особо, например район между реками Амгу и Кусуном и др.

¹ Арсеньев описал четырнадцать бухт [Ольга, Владимир (Хулуай), Опричьяк, Пластун (Джигит), Терней, Гроссевича, Андреева (Копи), Советская Гавань, Ванина, Силайтиева, Старна, Крестовая, Мосолова и Де-Кастри] и три маяка (Аскольдский, Поворотный и Низменный).

Арсеньев учел и описал известные в Приморье горячие и минеральные источники: Судзухе, Соена, Кусуи, Ботчи, Тумини и др. Впоследствии некоторые из них стали эксплуатироваться для лечебных целей.

Не будучи сам геологом или геоморфологом, Арсеньев однако собирал материал и по этим разделам науки. Образцы горных пород он направлял для обработки специалистам. Известно, например, что собранные им 430 образцов горных пород были доставлены в Главный геологический комитет в Ленинграде, где и обрабатывались.

Некоторые определения горных пород Арсеньев использовал в своих книгах «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», другие, видимо, остались в архивах Геологического комитета, как материал. В архиве Арсеньева в Приморском филиале Географического общества Союза ССР эти определения хранятся и могли бы быть использованы. Краткие характеристики строения поверхности районов, посещенных Арсеньевым, не носят характера строго научных описаний, но краеведческое их значение бесспорно, оно не потеряно и до настоящего времени.

Наконец, надо отметить, что в период своих первых экспедиций Арсеньев вел также общие метеорологические наблюдения. Климатической характеристики Приморья тогда еще не было. Метеорологические станции только начинали свои наблюдения и накапливали материалы, а в центральной горной области Сихотэ-Алиня тогда их не было совсем.

На основе своих наблюдений Арсеньев предложил расчленить Приморье на следующие резко отличающиеся друг от друга климатические районы¹:

1. Прибрежный—морской, который был разделен им еще на три части:

- 1) южную—от Посыета до мыса Туманного, находящуюся под влиянием Японского моря,
- 2) от мыса Туманного до Советской Гавани и
- 3) северную—от Советской Гавани до устья Амура, где сказывается влияние Удского залива, Татарского пролива и о. Сахалина.

II. Западный (бассейн р. Усури и правых нижних притоков Амура)—более континентальный, который дополнительно был подразделен им на районы:

- 1) верховья рек Даубихе, Улахе, Ното и Фудзин,
- 2) бассейна рек Имана, Бикина и Хора и
- 3) нижнего течения Амура (реки Пихца, Мухень, Хунгари, Саласу).

Каждому из этих районов Арсеньев дал полную для его времени климатическую характеристику, с добавлением хозяйственных наблюдений и соображений, отдельных примет погоды, указаний для возделывания сельскохозяйственных растений, для охотничьих и рыболовных целей и т. п.

Наблюдения Арсеньева о разности прохождения отдельных биогеологических фаз, о развитии животных и растений подмечены им столь правильно, что, несмотря на свою простоту (не подкрепленные приборами), служат определенным краеведческим вкладом и не потеряли своего практического значения до сих пор.

Краеведческие сведения Арсеньева являются оригинальными, имеют несомненно большое научное значение и намного облегчают работу всем исследователям Приморья. Разносторонность физико-географических описаний Арсеньева касается не только Приморья, но целиком относится и к другим посещенным им районам Дальнего Востока: Гижигинскому району, полуострову Камчатке, Командорским островам и т. д.

¹ Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901—1911 гг., Хабаровск, 1912, стр. 145—152.

Топография

Арсеньев в совершенстве владел техникой и приемами маршрутной съемки. Еще на первых порах своей деятельности он столкнулся с крайней бедностью достоверных картографических и плановых данных по тем районам тайги, где ему приходилось бывать. Задания военного ведомства, где служил Арсеньев, помимо получения общих естественно-исторических описаний, требовали составления хотя бы схематических карт местностей, имеющих военно-географический интерес.

Буссоль Шмалькальдера, планшетная сумка, шагомер, круг Пистора и надежный хронометр—вот непеременимые спутники всех экспедиций и походов Арсеньева.

Все путевые описания Арсеньева изобилуют данными о расположении хребтов и отдельных их высот, о направлении и течении рек и их притоков, наконец, расстояниями, определенными либо шагомером, либо глазомерно. Оканчивались они обычно приложениями листов полуинструментальной съемки маршрутов с общей ситуацией.

Сам Арсеньев говорит, что ему удалось узнать о Приморье очень немного по части съемок подполковника Бабкина в 1860 году и полковника Большева в 1874 году, данные которых были показаны на карте, изданной в 1905 году, но ему же удалось позднее убедиться в крайней скудости и неточности этих сведений. Самые же центральные горные области Сихотэ-Алиня до его работ оставались вовсе «белыми пятнами».

С опубликованием и передачей Арсеньевым своего съемочного материала общая картография края сделала заметный шаг вперед. Лицо карты края изменилось: появились новые хребты, реки, правильные направления их и прочие отличительные признаки местности. Кроме того, они были подкреплены высотными и астрономическими определениями. Часть новых названий вошла в литературу и на планово-картографическую основу. В дальнейшем, когда отдельные районы Приморья стали изучаться более подробно, полуинструментальные съемки и определения Арсеньева использовались, как обязательный материал для общей ориентировки.

Современные методы и размах картографических съемок ушли далеко вперед, край стал значительно более обжитым, освоенным и более доступным, но полуинструментальные съемки Арсеньева до сих пор не потеряли своего значения.

Н. М. Соловьев, оценивая в своей работе¹ роль отдельных лиц в изучении Дальнего Востока, говорит об Арсеньеве следующее: «... Следует принять меры к тому, чтобы картографические результаты экспедиций Арсеньева увидели свет в самом непродолжительном времени, благо автор еще не покинул края и его неизданные маршруты по Заамурью еще не затерялись».

В известной доле опасения Соловьева имели основания. Первые картографические материалы Арсеньева были изданы отдельным приложением к его труду «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края», только в 1912 году и лишь позднее, уже только в наше время, когда стали издавать отдельные планшеты карт Дальнего Востока, в частности Приморья, в них были использованы материалы Арсеньева.

¹ Соловьев Н. М. Карты русского Дальнего Востока. Производительные силы Дальнего Востока, вып. 2. Поверхность и недра. Хабаровск—Владивосток, 1927, стр. 3—22.

Этнография

Сведения о народностях Восточной Сибири и Дальнего Востока до работ Арсеньева были известны узкому кругу специалистов антропологов-этнографов и, будучи оосредоточенными в специальной литературе, не совсем точно, или даже неправильно, отражались в местной краеведческой и научной литературе. Такие названия малых народностей, как орочи, удайцы и другие, стали известны лишь недавно. Им и сейчас дается зачастую название «орочи», что является совершенно неверным.

Арсеньев, столкнувшись с людьми тайги, зверовые фанзы которых он встретил в глухих распадах отрогов Сихотэ-Алиня, нашел много своеобразного и необычного.

Язык, обычаи, поверья и религиозные верования, семейный и хозяйственный уклады и взгляды их на природу, отношение ко всем пришельцам, в том числе к русским, которые долгое время были единственными правителями и неограниченными хозяевами Дальнего Востока, привлекли внимание Арсеньева и побудили его приступить к изучению их.

Начав свои первые выходы в тайгу, Арсеньев вскоре ясно увидел подлинное лицо этих обитателей Приморья и отделил пришлых и чуждых людей от коренных обитателей—аборигенов Уссурийской тайги. Так у него сложилось совершенно ясное представление о китайцах, корейцах и японцах, хищнически эксплуатировавших богатства тайги (пушнину, корень жень-шеня, рыбу и т. п.), и орочей, удайцев и близких к ним народностей, скромных жителей девственной природы, социально-политический уровень которых был еще невысок и участь которых должна была быть значительно изменена и улучшена. Следует тут же сразу оговорить, что Арсеньев, начав работать в дореволюционную эпоху, не мог по-настоящему различить политические и социальные сдвиги среди указанных народностей. Он и сам порой смотрел на них чисто статически, созерцательно, упрощая их быт, экономику, культуру, хотя и сочувственно относился к их нуждам, лишениям и даже помогал им. Эти отдельные неправильные взгляды Арсеньева нельзя упускать из виду, и они, вероятно, найдут необходимое освещение в работах специалистов. Мы остановимся лишь на его этнографических наблюдениях и описаниях.

Арсеньеву приходилось много встречаться с китайцами, корейцами и японцами, что жили в разных местах Приморья и занимались хозяйственной, торговой и прочей деятельностью. Первым из них Арсеньев посвятил один из своих интересных трудов—«Китайцы в Уссурийском крае»¹, не потерявший и до настоящего времени интереса и значения. Орочи, удайцы и отчасти нанайцы с долины р. Амура Арсеньевым изучались сравнительно подробно и детально. Им он посвятил ряд небольших работ², но в частности об удайцах готовил к печати большой труд—«Страна Удахе»—опыт этнографического исследования, который, к сожалению, так и остался не законченным и не опубликованным³.

На основе своих тщательных наблюдений за бытом и хозяйством народностей края и сличения этих данных с другими источниками, Арсеньев установил, например, что китайцы пришли в Приморье только за 30 лет до прихода сюда русских, т. е. в 1820—1830 годах.

¹ Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914.

² Лесные люди удайцы. Владивосток, 1926; совместно с Титовым. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск—Владивосток, 1928.

³ Разыскать рукопись «Страна Удахе», к сожалению, не удалось; видимо, ее придется считать утраченной (Н. К.).

Широко распространенному тогда мнению об извечной ненаселенности окраины Восточной Азии Арсеньев противопоставил свою точку зрения, что после богатой политической и хозяйственной деятельности иноплеменных государств, Приморье (а может быть и все Приамурье) долгое время оставалось незанятым, почти забытым. Только несколько позднее оно явилось ареной деятельности предприимчивых китайцев, ставших порабощателями и угнетателями истинных аборигенов—тазов, орочей, удэгейцев, нанайцев и других малых туземных народностей. Подкрепляя эти выводы историко-этнографическими описаниями и наблюдениями, Арсеньев утверждает, что Приморье принадлежало ранее разобщенным, лишенным государственной власти древним маньчжурским племенам, а не Китаю, как об этом заявляли ранее и пытались позднее заявлять многие другие исследователи.

Описание быта и круга занятий китайцев,—летом—земледельцев-огородников, а зимой—неудержимых охотников-зверовщиков или просто любителей легкой наживы и разбоя (хунхуз),—последовательно разворачивается Арсеньевым в цитированных двух его трудах¹. Эти работы Арсеньева бесспорно представляют огромную ценность тем, что они оригинальны и содержат малоизвестные материалы.

Особенно ценным у Арсеньева является описание организаций китайцев в Приморье. Они сами следили за правильностью эксплуатации урочищ, ственных ими (без ведома и согласования с русскими властями), и были сами контролерами за соблюдением своих таежных законов. Подвергаясь большой опасности, в 1906 году в долине р. Санхобе, Арсеньеву удалось достать два свертка «китайских законов тайги»². Они вместе с другими законами, полученными Пальчевским³ и мировым судьей из Имана⁴, по переводе их и обработке специалистами-востоковедами стали достоянием широкой общественнойности. Сами по себе они сообщили науке много нового, оригинального и пролили свет на существующее административное положение в Приморье. Переводы китайских законов, многочисленных надписей на кумирнях, тропах и фанзах раскрыли истинное лицо китайцев-соболевщиков, жень-шеньщиков и других, беззастенчиво проникавших в Приморье и расхищавших его несметные богатства. Важно подчеркнуть, что опубликованные китайские законы в сравнении между собой оказались совершенно различными для каждой долины, реки или района. Это утверждало Арсеньева во мнении, что китайцы считали Приморье своим краем, который они разделили на урочища и устанавливали там свою власть и свои законы. Свидетельством того Арсеньев приводит любопытный случайно обнаруженный им документ о продаже речки одним промышленником другому⁵. Или, наконец, письменный документ о самом Арсеньеве, о котором китайцы одной долины спешно сообщали другим, чем он занимается и кто он такой⁶.

Вот этот документ:

«Г-и Ми-вень! Имею честь представить на Ваше усмотрение нижеследующее: в этом месяце 3 числа со стороны моря вдруг пришли и н о с т р а и ц ы (Ян-Чжень) пять человек и остановились в доме Ли-тан-куя.

¹ Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901—1911 гг. Хабаровск, 1912 (текст и приложение); Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914.

² Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914, стр. 165—188.

³ Газета «Приамурские ведомости», Хабаровск, 1905, № 26.

⁴ Известия Восточного института. Владивосток, 1908—09, т. XXIX, вып. III.

⁵ Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914, стр. 401.

⁶ Там же, стр. 162 и 163.

Узнавши это, я немедленно поспешил к ним и расспросил иностранцев, какое дело они имеют в нашем месте. Иностранцы рассказали, что во втором месяце они вышли из своего государства чертить карту и других дел не имеют. Я сказал им, чтобы на следующий день они приходили бы ко мне жить. 4-го числа иностранцы пришли ко мне и прожили два дня. Разговаривая с иностранцами о делах, я действительно убедился, что пришли они в нашу землю чертить карту и только. Затем инородцы, услышав это известие, что пришли иностранцы, встревожились. Я их также успокоил. 5-го числа иностранцы опять отправились в Хэй-шуй-гоу. Прочитавши письмо, передайте его прочесть г. Би-у-нянь (1906 года) 10 месяца 5 числа.

Или еще следующий документ:

«Настоящая записка дана от Де-Тай-я, чтобы провожали трех русских государственных чиновников на собачьих санях до Хэ-Ба-гоу через Туап-Шань-цзы со станка на станок, не обращая внимания на снег и ветер. Конечным пунктом будет Сигоу». (Разрядка В. К. Арсеньева.)

Документы говорят сами. Они еще раз показывают нам истинное лицо китайцев, которые русских считали за «иностранцев», пришедших в «нашу землю» из «своего государства».

Описания отдельных обычаев и взглядов китайцев на природу, способы ведения хозяйства, на людей (туземцев и русских), несущих массу восточных традиций, изобилуют в трудах Арсеньева. Все это описано Арсеньевым с большой точностью и подробностью и потребовали у него огромного труда, находчивости и смелости. Достаточно сказать, что для того чтобы наблюдать и собрать все это, запомнить, записать украдкой от китайцев, подозрительно относившихся к Арсеньеву, было далеко нелегким, порой совсем небезопасным делом. И справедливость требует отметить, что Арсеньев с честью справился с этим.

Им запечатлены факты, едва ли возможные наблюдению в наше время: находка корня жень-шеня, ритуал моления перед ним, методы и приемы выкопки и сохранения корня, выслеживание дикого пятнистого оленя, срезка, варка и применение пантов для лечения, выслеживание повелителя тайги—уссурийского тигра, промысел на соболя, скрытное разведение лис в тайге опийного мака, устройство опикурлен, холодный и жестокий китайский суд над провинившимися, наказание виновных, закапывание живыми в землю, азартные игры и многое другое.

О корейцах Арсеньев говорит несколько меньше, чем о китайцах. Он указывает, что корейцы начали переходить границу Приморья в 1860 году. Вскоре после аннексии Кореи волна переселения корейцев значительно усилилась, хотя у администрации Приамурского края составилось ясное представление о необходимости ввести некоторое ограничение бессистемной эмиграции. Однако это не получило положительного разрешения, и корейцы в массе начали уходить в горы, мало-помалу ассимилируясь среди остального населения.

Арсеньев на основании многочисленных своих наблюдений над корейцами приходит к выводу о необходимости строгой дифференциации их и ограничения их свободного вселения, если не полного запрета въезда в Приморье. Наряду с этим он отмечает положительные черты корейцев, как колонизаторов, могущих заниматься сельским хозяйством и промыслами.

Особенно это важно подчеркнуть в отношении той части корейского населения, а вместе с ними китайцев и японцев, которые были настроены враждебно к русским людям и русским государственным правилам, и своими делами отражали настроение наиболее агрессивных элементов. Все это важно учесть и в наше время, когда такие агрессивные элементы

специально посылались из-за границы в нашу страну и пытались вести у нас антисоветскую пропаганду и деятельность.

С фактами большой убедительности Арсеньев говорит о японцах, нахождение которых в пределах русских владений он считает мало целесообразным и даже вредным. В доказательство он приводит факты подкупа корейцев, местных туземных народностей и русских староверов, что так ярко выразилось в русско-японскую войну 1904—1905 годов.

Изучению малых народностей края орочей, удэхейцев—истинных обитателей тайги Приморья—Арсеньев посвятил большую часть времени своих экспедиций. Он вслед за этнографом Лопатиным дал границы их обитания в Приморье, указав, что колыбелью орочей является р. Хади (б. Императорская, ныне Советская), откуда они разошлись в разные стороны, но больше к югу. Удэхейцы являлись основными жителями Приморья; спускаясь до Владивостока, они захватывали восточные и западные склоны хребта Сихотэ-Алиня. Он изучил их язык, произвел многочисленные записи слов, изучил фонетику, записал сказания, предания и легенды, изучил и описал семейный уклад, религиозные отправления, жизненные и хозяйственные устои стойбищ и т. п.¹

Среди орочей и удэхейцев Арсеньев встретил много отличных рабочих и проводников по тайге Приморья. У них же Арсеньев нашел к себе самое лучшее отношение.

Хорошее знание местности и умение плавать на лодках по быстрым горным рекам Приморья было свойственно этим проводникам. Можно утверждать, что успехам своих экспедиций Арсеньев во многом обязан именно орочам и удэхейцам. Арсеньев записал немало сказок, преданий и легенд орочей и удэхейцев, которые частично использовал в некоторых из опубликованных им работах. Однако значительная часть этого народного эпоса, весьма оригинального, ждет еще обработки и опубликования. Они, как показывает предварительный разбор архива Арсеньева, представляют огромный научный интерес и значение.

Не успев опубликовать задуманный им большой труд «Страна Удэхе», Арсеньев напечатал небольшую книжку—«Лесные люди удэхейцы» (1926), где читатель находят сравнительно подробное описание этой народности.

Известный ученый этнограф Л. Я. Штернберг в свое время дал лестную оценку этнографическим исследованиям Арсеньева, сказав: «Наиболее обстоятельно обследовал это племя (орочи—удэхе) известный путешественник по Амурскому краю и исследователь В. Арсеньев, работающий над своим трудом около 25 лет, труд этот скоро будет опубликован («Страна Удэхе». — Н. К.). Много интересного об этом племени он сообщает в своих известных и переведенных на европейские языки описаниях путешествий по Уссурийскому краю»².

Следует остановиться еще на одной (совместно с Е. И. Титовым) работе Арсеньева «Быт и характер народностей Дальневосточного края» (1928), в которой авторы попытались на основании своих данных и литературных источников дать небольшую сводку о всех встречающихся на Дальнем Востоке народностях. Из-за ограниченного размера работы им пришлось опустить ряд этнографических данных (о верованиях, о социальном строе, языке). Авторы отбросили социально-экономическую и политическую

¹ Арсеньев собрал много слов удэхейского языка и готовил словарь, оставшийся, к сожалению, не вполне законченным. Словарь содержал три отдела: 1) обиходный, 2) технический и 3) шаманский—язык поэзии, сказок и заклинаний.

² Штернберг Л. Я. Этнография. Сборник «Тихий океан». Русские научные исследования. Изд. Академии наук СССР, Л., 1926, 159 стр.

обстановку развития народностей Дальнего Востока в прошлом и особенно в наше время, когда произошли коренные изменения к лучшему в результате проведения ленинско-сталинской национальной политики. Описания и характеристики народов и их занятий, как и в предыдущих работах Арсеньева, имеют статический характер, дано внешнее описание без какого-либо анализа, а политические утверждения временами неправильны.

Тем не менее специалисты-этнографы, а также будущие исследователи малых народностей края в опубликованных и неопубликованных работах Арсеньева найдут много ценных фактических данных, которые едва ли скоро удастся кому-нибудь собрать так полно, как это сделал Арсеньев.

Все это потому, что живые свидетели старины глубокой—народного эпоса и творчества—уже почти исчезли или настолько ассимилировались, что в некоторых случаях утратили свою самобытность. Наконец, под влиянием мощной ленинско-сталинской национальной политики и советской культуры они жадно впитали и продолжают впитывать все новое, положительное и прогрессивное. И молодежь малых народностей твердо пошла по этому правильному пути.

В заключение хотелось бы отметить, что Арсеньев во время своих путешествий собрал значительное число этнографических и антропологических экспонатов (12 скелетов, 26 черепов, 3 естественных мумифицированных трупа и др.). Первые были переданы им в Академию наук (Институт этнографии), в Музей изящных искусств в Москве и в Музей художеств в Ленинграде. Материалы антропологических исследований были переданы в Антропологическое общество при Ленинградском государственном университете. Много экспонатов хранится в музеях Хабаровска и Владивостока.

Этнографические материалы Арсеньева этим не ограничиваются. Известно, что в 1916 году по приглашению Общества русских ориенталистов в Харбине Арсеньев сделал ряд научных докладов о своих исследованиях Приморья, в частности, на темы: «Наши американоиды», «Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу» и «Этнологические проблемы на востоке Сибири».

Как мы уже отметили, не все материалы удалось Арсеньеву обнародовать в печати. Частью они вошли в ряд его статей в виде отдельных высказываний, частью сохранились в записях Общества русских ориенталистов, излагающих краткое содержание сделанных Арсеньевым сообщений.

Арсеньев весьма критически подходил к анализу современного расселения малых народностей Приморья (орочей, удэгейцев, гилияков, нанайцев, гольдов, тазов и др.). Он стремился показать типичные особенности этих народностей, подчеркивая, что за отсутствием у них, как правило, своей письменности специалист может и должен обращаться только к этнографическим данным. В названных записях научных сообщений¹, которые, вероятно, были проверены самим Арсеньевым, можно найти немало количество оригинальных наблюдений и выводов. Так, например, карта распространения народностей, приложенная к статье Арсеньева «Этнологические проблемы на востоке Сибири», является одной из первых попыток изучения этнографического состава народностей Приморья. Далее, Арсеньев приводит характерные черты строения лица, быта и хозяйственного уклада, сообщая при этом ряд подробностей, которые в наше время едва ли возможны к учету и фиксации. Материалы по религиозным воззрениям, шаманству и пр., несмотря на их некоторое сходство с такими

¹ См. журнал «Вестник Азии», кн. II—III. Харбин, 1916, стр. 50—76, 331—335, 35—339.

у других народностей, носят и свой местный приморский колорит и оттенок, особенно когда это относится к религиозным верованиям удайцев и орочей.

Этнографические материалы Арсеньева в основном остались неразработанными. Поэтому те немногие выдержки, что мы привели, еще не дают

В. К. Арсеньев (справа) и В. И. Двиганцев при окончании экспедиции 1927 г. вблизи г. Хабаровска.

возможности полностью оттенить роль Арсеньева в изучении этнографии Приморья, которой он глубоко интересовался и много занимался.

Археология и история

Еще в начале своих исследований Арсеньев встретился с одним из деятельных членов Общества изучения Амурского края Ф. Ф. Буссе, с которым занимался учетом древнейших памятников старины в ряде мест Приморья (окрестности г. Ворошилова-Уссурийского, Хабаровска, рек Даубихе, Улахе, Амура и др.). Он организовал сам и вместе с другими производил археологические раскопки древних городищ, валов, укреплений, собрал немалое число экспонатов, часть которых находится в краевых музеях Хабаровска и Владивостока.

На Первом съезде по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении, который состоялся в 1922 году в Никольске-

Уссурийском (ныне Ворошилов-Уссурийский), Арсеньев выступил с докладом¹ об археологии и археогеографии² Уссурийского края. Все древние памятники Приморья (Уссурийского края) Арсеньев делил на четыре группы: 1) эпоха первобытного человека; 2) царство Бохай с VIII по XII века; 3) Цзиньская (Золотая) империя до конца XIV столетия и 4) период запустения до XIX века.

Исходя из того, что точной документации о древних памятниках старины крайне мало и они подчас отрывочны, Арсеньев предполагал приступить к планомерным археологическим разведкам и раскопкам, для чего разделил все Приморье на восемь районов: 1) низовья рек Уссури, Хора и Бикина, 2) Иманский район, 3) Ханкайский район, 4) бассейн верхнего течения Уссури (реки Даубихе и Улахе), 5) Хасанский и Барабашский районы, 6) районы Южноуссурийский (реки Майхе, Цимухе, Сучан и Судзухе), 7) Пхусунский район и 8) Ольгинский район. Самим Арсеньевым с 1910 по 1912 годы детально был обследован Ольгинский район.

Ф. Ф. Буссе и Кропоткин изучили и описали 96 памятников, городища укреплений. Арсеньев описал, заснял на карту, а частично и сфотографировал 228 памятников, причем по его убеждению, что все это не составляет и «десятой доли всех древностей, находящихся на территории Уссурийского края». Позднее Арсеньев несколько раз возвращался к древним памятникам старины Приморья. Он продолжал собирать материалы и даже готовил к печати работу «Классификация памятников старины в Уссурийском крае», но осуществить это ему не удалось. К сожалению, эти оригинальные материалы Арсеньева в архиве Приморского филиала Географического общества Союза ССР отсутствуют.

Памятники старины в Приморье, если не сказать на всем Дальнем Востоке, к нашему великому стыду, не пользуются должным вниманием, а отдельные попытки к их охране не получают поддержки. Например ряд древних исторических памятников в Ворошилове-Уссурийском (черепаша, камешные кладки, валы укрепления, ядра, колодцы и многое другое) безжалостно уничтожаются и утрачиваются окончательно для науки и общества. Такое же положение отмечено и для районов Сучана, бассейна р. Лефу, где бесследно исчезают старинные бохайские дороги, валы, укрепления и даже целые городища.

Посещая разные места края, Арсеньев всегда интересовался древними поселениями. В частности, например, на берегу Култучного озера при раскопках он обнаружил большое количество орудий и предметов древних жителей Камчатки³.

Из автобиографических материалов Арсеньева можно установить, что археологические находки в количестве 1033 предметов из разных мест (повидимому, главным образом из пределов Хабаровского края) находятся в Хабаровском краевом музее. В архиве Арсеньева, хранящемся в Приморском филиале Географического общества Союза ССР, удалось найти раскопку, сделанную им совместно с Н. П. Чиковым, С. И. Павловым, Н. В. Решным в 1921 году по археологическим раскопкам на полуострове Песчаном, что в Амурском заливе, напротив Владивостока. В рукописи сообщается, что местными жителями были обнаружены на полуострове Песчаном ряд предметов из камня: стрелки, топорики, клинки и долотца.

¹ Известия Южноуссурийского отделения Приамурского географического общества, № 4, 1922, стр. 55—56.

² Термин самого Арсеньева.

³ Материалы о раскопках в районе оз. Култучного на Камчатке нам в архиве Арсеньева найти не удалось, возможно, они сохранились в Камчатском краеведческом музее.

В силу непринятия должных мер эти находки стали растаскиваться случайными лицами. Небольшие сборы каменных орудий были переданы известному путешественнику П. К. Козлову, но они не получили должной научной обработки и тем более публикации.

В. К. Арсеньев в кругу своих сотрудников по экспедиции 1927 года (Советская Гавань—Хабаровск). Сидят: Бутумтар и В. К. Арсеньев; стоят (слева направо): Колпацкая, Александр Намула, Федор Муллин, Н. Е. Касанов, Ирофония Хутура.

Описывая подробно полуостров Песчаный, авторы рукописи характеризуют найденные ими древние селитьбы и приводят протокол осмотра раскопок, выполненных 14—19 октября 1921 года. Всего было обнаружено 82 различных предмета, которые хранятся в краеведческом музее имени В. К. Арсеньева во Владивостоке. В той же рукописи даны некоторые выводы и обобщения, которые мы здесь опускаем.

Известный интерес представляет также составленная незадолго до смерти рукопись Арсеньева «Археология как наука и роль ее в изучении памятников старины Дальневосточного края». После небольшого введения о целях и задачах археологии как науки, В. К. Арсеньев перечисляет археологические работы отдельных краеведов (Забелин, Клеменц), много сделавших для изучения сибирских памятников. Интересным является сообщение кратких данных о местонахождении различных археологических памятников на Дальнем Востоке (долина р. Амура и отдельные ее притоки: Бира, Тунгуска, Урми, Олгон, окрестности Хабаровска, поселение Секачи-Алин, Сахалин, низовья Амура, р. Амгунь, р. Горин и др., Охотское побережье, полуостров Камчатка и др.). Судя по характеру изложения—это была одна из лекций Арсеньева.

Помимо археологии Арсеньев интересовался также древней историей края.

Написанной истории Дальнего Востока пока нет,—это дело будущих историков и ученых. Арсеньев же, работая в экспедициях и встречаясь с разными людьми, не мог не интересоваться прошлым Приморья. Сведения об этом весьма скудны, разбросаны в многочисленных источниках, да и не всегда подкреплены документами, подтверждающими их правильность. Арсеньев, лично ознакомившись с различными документами и работами в этой области, сделал попытку, правда, компрессионного характера, объединить все в виде главы к описаниям своих путешествий.

В ряде работ¹ он довольно подробно останавливается на древнейшей истории Дальнего Востока, стремясь по отдельным фрагментам ее подойти к объяснению распространения здесь разобщенных малых народностей (орочей, удэгейцев, нанайцев и др.).

Арсеньев, на основании изучения быта и культа современных малых народностей края и древнейших памятников старины, пришел к категорическому утверждению, что Дальний Восток был не диким, пустынным, незаселенным краем, а, напротив, краем со многими сильными древними государствами (Сяшень, Илоу, Кидань, Бохай и др.). Последние вели здесь энергичную торговлю и войны (междоусобные). Впоследствии по различным причинам государства эти распались, народы их исчезли и пр. Как долго это продолжалось—точных данных пока нет. Дальний Восток был некоторое время «пустым краем», пока сюда не проникли русские землепроходцы и не объявили здесь государственную власть России; вслед за ними пошли уже и другие народы и племена, и Дальний Восток пробудился и стал вновь развиваться. Все это позволило Арсеньеву установить то важное положение, что Приамурский край (включая и Приморье) с давних времен принадлежал русским, России, а не каким-либо другим народам и государствам, как это иногда пытались доказывать еще в недавние дни корейско-японские и прочие агрессивные элементы.

Флора и растительность

Не будучи специалистом-ботаником, Арсеньев в то же время довольно тонко разбирался в географическом распространении отдельных растений и важнейших для Приморья типов лесов. Он собирал коллекции растений, которые передавал затем для обработки специалистам, и, наконец, содействовал ботаникам принимать участие в его экспедициях.

¹ Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1901—1911 г. Хабаровск, 1912; Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914; Материалы по древнейшей истории Уссурийского края. Зап. Приамурск. общ. востоковедения, 1912, вып. 1, стр. 45—67.

Получая с ботаников акад. В. Л. Комарова, И. В. Палибина, Н. А. Десулави и других определения собранных им растений, Арсеньев умело использовал эти данные в своих работах, давая сравнительно точную характеристику флоры и растительности Приморья.

До выхода в свет крупнейшей работы акад. В. Л. Комарова «Флора Маньчжурии» (1901—1907 гг.), охватывающей флору Приморья, Арсеньев, работая на побережье Японского моря и в горных областях Сихотэ-Алиня, наблюдал северные и южные границы ряда древесных и кустарниковых пород, распространение главнейших типов лесов и пр. Эти границы до работ Арсеньева были неизвестны.

По его данным амурский виноград (*Vitis amurensis* Rupr.) простиается к югу «от устья Тудура через Хунгари к нижнему течению Анюя, через течение Хора, Бикина и Имана, верхнее течение Фудзина и после водораздела взбирается по побережью моря, пересекает р. Самарги, доходит до р. Хуту и затем возвращается к мысу Белкина, где и выклинивается»¹.

Примерно то же указывается и для дуба монгольского, граница которого, по Арсеньеву, совпадает с идеальной границей разделения двух флор—маньчжурской и охотской (о чем скажем ниже). Северный предел распространения ореха маньчжурского (*Juglans manshurica* Max.) Арсеньевым, как и дуба монгольского (*Quercus mongolica* Fisch.), проводится через р. Амагу².

Также он говорит о лиственнице даурской (*Larix dahurica* Turcz.), первые группы которой на берегу моря встречаются около р. Найна и дальше уже становятся вполне обычными. Вообще район р. Амагу Арсеньев считает интересной биогеографической границей ряда древесных и кустарниковых растений, а также и отдельных видов животных и обращает на это внимание специалистов³.

Арсеньев был настолько внимательным наблюдателем, что побережье Японского моря в дендрологическом отношении разделил на две части: южную—с маньчжурской флорой до мыса Олимпиады и северную—с охотской флорой до Николаевска⁴.

В разных местах работ Арсеньева можно найти сведения о распространении главнейших типов лесов—хвойных—с участием кедра корейского (*Pinus koraiensis* S. et Z.) и с аянской елью и белококорой-пихтой; дубняков—с леспедецей и орешником и многих других. Он уделял также внимание распространению в долине р. Амура луговой растительности и обширных площадей болот. Несколько необычно, но у Арсеньева можно найти сведения о лесных пожарах и даже карточку распространения их в Приморье, на сегодня, естественно, сильно уже устаревшую.

Нужно остановиться на вопросе установления Арсеньевым в Приморье, в восточной его части, на побережье границ маньчжурской и охотской флористических областей, или, как он их называл, «флор». Так, Арсеньев пишет: «Если мы проведем кривую линию от устья р. Тудура через низовья Хунгари, среднее течение Анюя, перережем р. Самарги пополам и остановимся у мыса Олимпиады, то эта линия будет идеальной границей двух флор (флористических областей.—Н. К.). К северу и востоку от нее будут охотская флора, а к югу и к западу—маньчжурская». И далее

¹ Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1901—1911 гг. Хабаровск, 1912, стр. 109.

² Дерсу Узала. Владивосток, 1923, стр. 118.

³ Там же, стр. 117—119.

⁴ Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901—1911 гг. Хабаровск, 1912, стр. 110.

он продолжает: «Не будь водораздела в виде хребта Сихотэ-Алиня, эта граница была бы именно такою, какою показана она выше. Но так как Сихотэ-Алинь со всеми своими вершинами и седловинами в среднем имеет высоту до 1200 м и занимает такое положение, что прикрывает бассейн р. Усури от влияния моря, то эта граница двух флор будет для каждого вида растений всякий раз своя, особенная, в зависимости от того, насколько приспособилось то или другое растение к температуре и влаге по ту и другую сторону водораздела»¹.

Мы намеренно остановились подробно на этом вопросе, чтобы показать, что Арсеньев один из первых в печати довольно верно провел на побережье Японского моря и центральной части горной области Сихотэ-Алиня границы двух флористических областей.

Если принять во внимание, что он не был ни ботаником, ни лесоводом, то станет совершенно ясным, что эта ботанико-географическая граница, именно в этой части Приморья, была несомненно важной и интересной в научно-практическом отношении. Добавим, что значительно позднее ряд специалистов (Крылов, Скворцов, Буш и др.) проводили эту границу разделения двух флористических областей не меридионально, а строго широтно, что является неверным.

Из отдельных коллекций растений, собранных Арсеньевым, нам известна небольшая коллекция, относящаяся к 1908—1909 годам, когда он работал в северной части Приморья. Эта коллекция была определена ботаником И. В. Палибиным и содержит 69 видов. Список снабжен данными о месте и времени сбора растений. Список опубликован не был, но данные его были использованы Арсеньевым в его работах. Самая коллекция растений, видимо, поступила в гербарий Ботанического института Академии наук СССР в Ленинграде. По одному из писем И. В. Палибина к Арсеньеву можно судить, что ботанические сборы последнего по высшим растениям обработаны были им лично, мхи — проф. Бротерусом, а водоросли — проф. Окамура, причем имелось в виду подготовить их к изданию на немецком языке отдельной работой. Тогда это не состоялось, и уже в советское время И. В. Палибин в Трудах Ботанического института Академии наук СССР (серия II, Споровые растения, вып. 3, стр. 589—596) опубликовал со своим предисловием статью В. Ф. Бротеруса, К. Окамура и А. Цальбрукнера под заглавием «Материалы для флоры растений Дальнего Востока». В этой статье приводится 17 видов водорослей, лишайников — 34 вида и лишайных мхов — 18 видов.

Арсеньев нередко включал в состав своих экспедиций специалистов-ботаников: Н. А. Пальчевский и Н. А. Десулави работали с Арсеньевым в 1906—1907 годах на побережье Японского моря до р. Иодзыхе и в 1908 году на западных отрогах хребта Сихотэ-Алинь, в бассейне р. Анюя; В. М. Савич в 1927 году почти там же, в бассейнах рек Анюя, Мухеня, Пихцы, Непту и долины р. Амура; автор настоящих строк участвовал в экспедиции Арсеньева 1927 года на восточные склоны хребта Сихотэ-Алиня, в бассейне рек Хади и Коши, впадающих в Татарский пролив.

Фауна и охотоведение

Будучи натуралистом и неплохим охотником, Арсеньев своими наблюдениями способствовал изучению фауны Приморья и, особенно, охотоведению. Бродя по тайге с ружьем, Арсеньев вместе с сопровождавшими

¹ Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901—1911. Хабаровск, 1912, стр. 108.

его специалистами произвел интересные наблюдения над биологией и экологией зверей, птиц, рыб и отчасти насекомых.

Наблюдавшийся им совместно с проводником Дерсу Узала грандиозный перелет птиц на озере Ханка в непогоду описан художественно и полезно в книге «По Уссурийскому краю». Другие наблюдения вошли как в эту книгу, так и в другие сочинения.

Проходя по многим местам Приморья и пересекая различные природные станции, Арсеньев указывает ряд зоогеографических границ, важных в научном и практическом отношении. Так, несколько севернее бухты Терней, возле р. Кудехе он проводит северную границу горала (*Nemorrodus caudatus*)—чрезвычайно редкого животного Приморья, исчезающего быстро на наших глазах.

Арсеньев указывает область распространения редких в крае красных волков (*Canis alpinus*), которая охватывает долину р. Уссури, южное Приморье и район побережья от залива Ольги на север до мыса Плитвяк, и тут же добавляет, «что северная граница их обитания совпадает с границей распространения диких коз и пятнистых оленей. Чаще всего животное это (красный волк.—*Н. К.*) встречается в Посыетском (Хасанском.—*Н. К.*), Барабашском и Суйфунском районах»¹.

Крупное животное Приморья—лось, по наблюдениям Арсеньева, имеет своей южной границей на побережье Японского моря р. Амагу. Белогрудый медведь с юга по побережью доходит до р. Кулумба². Пятнистый олень, по Арсеньеву, считается животным южной части Приморья и северной границей в бассейне р. Уссури имеет р. Иман, а на побережье—р. Амагу (мыс Арка)³.

Несколько неточные сведения он приводит и для росомахи, указывая, что она распространена почти по всему Приморью и спускается на юг примерно до 44° с. ш. Ее нет только в лесах Посыетского, Барабашского и Суйфунского районов⁴.

О тигре уссурийском Арсеньев указывает, что чаще всего он встречается в хребте Да-дянь-шань (водораздел, отделяющий верховья рек Лефу, Даубихэ и Улахэ от бассейнов рек Майхэ, Цимухэ, Сучана и Судзухе), в истоках Фудзина и Ното, по нижнему течению Имана, Бикина и Хора, по рекам Мухеню, Пихце и Аиюю. Одиночные тигры встречаются и за Сихотэ-Алинем, около Советской Гавани, на р. Хуту, в верховьях р. Коши. Но это наблюдается весьма редко.

Барс имеет северной границей озеро Ханка, хребет Да-дянь-шань и залив Ольги. Рысь распространена к северу от р. Имана.

Кабан, напротив, обитает на юге Приморья и доходит на севере до мыса Олимпиады.

Медведи чаще всего встречаются к северу от Советской Гавани⁵.

Арсеньев приводит любопытные данные о распространении северного оленя, проводя область его обитания строго с южной границей массового распространения оленьих пастбищ из «белого мха» (лишайник—*Cladonia*). По маршруту Арсеньева в горную область Ян-де-Янге в 1917 году, южная граница северного оленя идет примерно так: верховья р. Урми, южная оконечность хребта Быгин-Быгинен, р. Олгон, верховья рек Амгуни и Го-

¹ Дерсу Узала. Владивосток, 1923, стр. 73.

² Там же, стр. 119.

³ Там же, стр. 109.

⁴ Там же, стр. 174.

⁵ Военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1904—1911 гг. Хабаровск, 1912, стр. 118—119.

рина¹. В другом месте² он добавляет, что южная граница оленеводства и в Приморье не спускается ниже 48° с. ш. Такие же наблюдения Арсеньева относятся к птицам. Северная граница обыкновенной белокобой сороки проведена им через р. Такему, к северу от которой она быстро сокращается³.

Глухарь, например, в долине р. Амагу имеет южную границу своего распространения, а зеленый дятел—там же северную⁴. Характерная птица глухих мест хвойной тайги—черный рябчик, дикуша (*Canace falsipennis*) отмечена Арсеньевым преимущественно по горным лесам Сихотэ-Алиня, где они встречаются и имеют южной границей р. Арму (правый приток р. Имана)⁵.

Число примеров можно было бы увеличить, но и сказанного достаточно, чтобы показать научное и практическое значение наблюдений Арсеньева.

Связывая области распространения отдельных видов промысловых зверей и птиц с условиями их стаций, Арсеньев хорошо подметил зависимость животного мира от растительного, и в одном месте образно говорит: «Где кедр, там и белка, там и кедровка, где белка, там и соболь, где кабарга—там и росомаха, где кедр и дуб—там кабан и изюбрь, а где кабан—там и тигр»⁶.

Интересно указать, что Арсеньев заметил еще одно важное обстоятельство. Нельзя думать, что в Приморье с уходом в горы от Уссури или от моря к хребту Сихотэ-Алиня становится много зверя или птицы. «Тайга,—пишет он⁷,—в истоках Имана, Бикина, Хора, Анюя, Копи, Тумнина и т. д. представляет из себя в полном смысле слова лесную пустыню. Невольно бросается в глаза совершенное отсутствие зверовых следов. Только изредка кое-где встречаются одинокие «дикушки» (черные рябчики.—Н. К.). Ниже по течению рек, по мере приближения к лесам маньчжурской флоры, тайга как бы опять понемногу оживает: чаще начинают попадаться птицы, потом белка, кабарга и, наконец, более крупные животные. Там, где маньчжурская флора (р. Уссури, низовья Бикина, Имана, Хора, Анюя и побережье моря к югу от р. Самарги—Веглянка), занятия охотой еще возможны, но там, где охотская флора (Хунгари, Тумнин, хребет Сихотэ-Алинь и все побережье моря к северу от мыса Золотого), на охоту рассчитывать нельзя».

Эти границы, несмотря на их неточность, дают все же общую картину распределения богатой фауны Приморья. Неплохая коллекция птиц, собранная Арсеньевым во время путешествия в 1908—10 годах в северную часть Приморья, позволила известному орнитологу проф. С. А. Бутурлину опубликовать небольшую статью⁸, где им был дан список в 64 вида птиц, с описанием некоторых новых форм и разновидностей (приморская кукушка—*Perisoreus infaustus maritimus* subsp. nov.). Кроме этого по сборам Арсеньева с р. Самарги Бутурлин в 1913 году описал новую расу уссурпийской большеклювой вороны (*Corvus macrorhynchus mandshuri-*

¹ В делях Приморья. М., 1934, стр. 119.

² Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1901—1911 гг. Хабаровск, 1912, стр. 126.

³ Дерсу Узала. Владивосток, 1923, стр. 75.

⁴ Там же, стр. 119.

⁵ Там же, стр. 196.

⁶ Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1901—1911 гг. Хабаровск, 1912, стр. 117.

⁷ Там же, стр. 127.

⁸ Б у т у р л и н С. А. Птицы Приморской области (сборы 1906—1910 гг. В. К. Арсеньева). Орнитологический вестник, № 2, 1915, стр. 89—114 с резюме на английском языке.

cus subsp. nov.)¹. По другим сборам Арсеньева, в частности по коллекции млекопитающих, проф. С. И. Огнев описал новый вид уссурийской летяги (*Pteromys volans arsenjevi* Ognev)², добытый 16. IX. 1909 года в потоках р. Кулumba.

Сборы рыб, которые Арсеньев передал для научной обработки акад. Л. С. Бергу, вошли в монографию последнего «Рыбы бассейна р. Амура», а коллекция насекомых, составившая 17 370 номеров, была передана в Зоологический музей Академии наук энтомологу Г. Б. Маховскому. Дальнейшую судьбу этой коллекции установить не удалось.

Наблюдая за охотничьими промыслами китайцев, корейцев, орочей и удэхейцев, Арсеньев хорошо познакомился с условиями добычи соболя, кабарги, оленей (северного и пятнистого), белки, моржа, дельфина и других зверей и птиц. В ряде работ он дал подробные описания охотничьего снаряжения и снастей и внутреннего устройства зверовых фанз промышленников, что имеет сейчас большой этнографический интерес³.

Арсеньев, бродя в горах Сихотэ-Алиня, еще застал специальные лозчие ямы—«лудевы»—для ловли оленей, козуль, он видел в лесах массу петель-самоловов и самострелов, настроженных на зверя, но представляющих известные опасности и для путников недостаточно внимательных в тайге. Он приводит массу цифровых данных, показывающих размеры охотничьих промыслов, и вместе с этим раскрывает хищнический подход к эксплуатации животных богатств. Так, например, в одной фанзе Сехобейской лудевы Арсеньевым было обнаружено 40 пудов оленьих жил, для заготовки которых, по его подсчету, нужно было убить около 1600 оленей⁴.

Уже позднее, когда Арсеньев имел возможность посетить северные районы Дальнего Востока (Охотское побережье, Камчатку, Командорские острова), он занимался изучением условий морского зверобойного промысла и опубликовал несколько статей, описывающих промыслы на тихоокеанского моржа, дельфина, морского котика и др.⁵

Другим вопросам охотоведения и рыболовства Арсеньев уделял также внимание, хотя и значительно меньше.

Заканчивая этот раздел, надо признать, что Арсеньев и в этой области изучения фауны и ее практического приложения—охотоведения—сообщил массу оригинальных сведений, а данная им общая характеристика животного мира Уссурийской тайги не потеряла своего значения и в наши дни. Дальнейшее изучение фауны и ее отдельных объектов на Дальнем Востоке пошло по пути специальных углубленных исследований, что, как известно, дало и дает массу ценных теоретических и практических выводов. Однако краеведческое популярное освещение фауны Приморья, нужное для широких масс населения, вслед за Пржевальским оставлено нам только Арсеньевым.

¹ Бутурлин С. А. Уссурийская большешкловая ворона. Орнитологический вестник, 1913, № 1.

² Огнев С. И. Звери СССР и прилегающих стран. Т. IV. Грызуны. Изд. Академии наук СССР. М., 1940, стр. 323—325.

³ Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1901—1911 гг. Хабаровск, 1912, стр. 186—191; Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914, стр. 91—149.

⁴ Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914, стр. 112.

⁵ Соболев, охота за соболями, опасность соболевания. «В делях Приморья». М., 1934, стр. 38—77; Соболев и способы охоты на него. Владивосток, 1922; Туземные способы соболевания в Уссурийском крае и скупка мехов. Владивосток, 1922; Командорские острова в 1923 г. Владивосток, 1923; Дельфиний промысел. Хабаровск, 1925; Дорогой хищник. Владивосток, 1925; За соболями. Владивосток, 1925; Тихоокеанский морж. Хабаровск—Владивосток, 1927.

Экономика и народное хозяйство

Совершенно естественно, что Арсеньев стал одним из лучших знатоков природных ресурсов Дальнего Востока и смог быть полезным консультантом ряда краевых и центральных организаций.

В 1924 году, по вызову тов. Л. Б. Красина, Арсеньев участвовал в разрешении вопросов, связанных с планомерным освоением производительных сил Охотско-Камчатского края, в частности при организации Акционерного Камчатского общества (АКО). Несколько позднее он консультировал ряд правительственных организаций по вопросам упорядочения зверобойной морской промышленности. Затем стал производителем работ Дальневосточного Переселенческого управления, где организовал и проводил экспедиции по выявлению и уточнению колонизационного фонда, условий сельскохозяйственной и промышленной колонизации и, наконец, руководил изысканиями районов возможного железнодорожного строительства.

Среди опубликованных материалов Арсеньева имеются такие работы, как, например, «Пути от г. Хабаровска на Советскую Гавань» (1925), «Гижигинский промысловый район» (1925), «Дельфиний промысел» (1925), «Командорские острова в 1923 году» (1923), «Северное побережье в колонизационном отношении» (1926), «Колонизационные перспективы Дальнего Востока» (1927), в которых мы находим значительное число экономических и экономико-географических данных и выводов по тому или иному вопросу, что и было в свое время учтено руководящими организациями. Оценка этих работ должна производиться особо, так как они все носили каждый раз специфику того «заказа», который поручался Арсеньеву, и, разумеется, практическая и, тем более, научная их ценность была различной. Для нас важно подчеркнуть, что Арсеньев не был чисто кабинетным работником, а краеведом-исследователем и практиком. Он всегда стремился к этому и оказывал помощь всем, чем мог. Достаточно напомнить, например, что он консультировал киносъемки ряда картин. Фильмы «Лесные люди», «В делях Уссурийского края», «Тумгу», созданные под его руководством, помимо общегеографической ценности имеют огромное краеведческое и воспитательное значение для всех и особенно для советской молодежи.

Этим, пожалуй, можно ограничить изложение известных нам материалов о деятельности Арсеньева по Дальнему Востоку и об его трудах, имеющих научное значение. Прежде чем перейти к общей оценке всех работ Арсеньева, необходимо отметить следующее: Арсеньев как военный специалист и любитель-краевед начал свои работы накануне 1900-х годов, когда в обществе и литературе, особенно научной, о Дальнем Востоке были исключительно скудные и не всегда проверенные данные. Несмотря на то, что воссоединение Приамурского края с Россией тогда уже имело сорокалетнюю давность, царское правительство не проявляло какой-либо заботы к нуждам местного и колонизируемого населения, ни тем более к разумной эксплуатации природных богатств и не принимало мер против «желтой экспансии», которая неудержимо стремилась в богатое Приморье. В крае не чувствовалось твердой государственной власти, она носила скорее номинальный характер, все было подчинено отдельным влиятельным лицам и организациям, главным образом коммерческим, которые через свои предприятия выкачивали легко идущие к ним богатства недр: пушнину, рыбы, жень-шеня и других природных даров Приморья. В крае одновременно сильное влияние имели и одиночные властители тайги — богатые купцы «цай дуны» и их наемники хунхузы, которые сами управляли,

жаловали, любили и наказывали провинившихся, издавая жестокие, «китайские законы»; они же хищнически без ведома официальной русской государственной власти в открытую торговали богатствами Дальнего Востока.

Общественная деятельность была еще слабой, а небольшие объединения интеллигенции, вроде «Общества изучения Амурского края» и другие организации, только-только начинали свою работу.

Исследователи края—Пржевальский, Маак, Максимович, Будищев, Комаров—были крайне немногочисленны. Все они приезжали издалека, и все свои богатые сборы и наблюдения увозили в далекий Петербург. Между тем на месте, где укреплялась русская государственная власть, настоятельно требовались свои люди, которые могли бы самостоятельно изучать, разведать и поставить богатства края на службу родине.

Следует еще добавить, что связь Дальнего Востока с центром была в то время исключительно трудной.

Вот общий фон тех экономических и политических условий, когда молодой Арсеньев попал на Дальний Восток, куда его с детских лет манила полная неизвестность Приморья, природные богатства и просто-напросто захватывающие рассказы очевидцев.

Один только перечень экспедиций и отдельных обследований, совершенных Арсеньевым за 30 лет его деятельности, говорит сам за себя.

Начиная свою деятельность, Арсеньев не имел каких-либо образцов работы, если не считать знаменитого Пржевальского, совершившего тогда свое первое путешествие в Уссурийский край (1868—1869 гг.). Заимствование Арсеньевым опыта исследований, которые были изложены Пржевальским, Мааком, Будищевым, Максимовичем, Комаровым и другими в их специальных и общих сочинениях, принесло немалую пользу только что начинающему молодому, вдумчивому и волевому путешественнику. Не говоря уже о технике проведения самих экспедиций, где была масса нового, отличного своею специфичностью как для летних, так и для зимних условий, Арсеньев усвоил и развил в себе наблюдательность и исключительную настойчивость в сборе географических, этнографических, флористических, фаунистических, охотоведческих, экономико-географических, топографических и прочих материалов.

Кому не известны условия, при которых Арсеньев встретил одного из лучших проводников—жителя Приморской тайги гольда-нанайца Дерсу Узала, раскрывавшего ему шаг за шагом все тайники природы, отводившего его от опасных троп, спасшего его на озере Ханка в снежную пургу или на угрюмых берегах р. Такемы, когда ему грозила неминуемая смерть.

Нельзя забыть, при каких условиях в 1906 году Арсеньев достал на р. Салхобе два свертка «китайских законов» тайги, раскрывающих всю суть китайской организации и системы хищнической эксплуатации природных богатств Приморья, притеснения и порабощения малых народностей и т. п. Или при каких условиях, в зимнюю стужу, отогревая у костра оочевенные руки, либо в непогоду, вдали от каких-либо селений, стойбищ, Арсеньев изо дня в день вел систематические полуинструментальные съемки пройденного пути. Как он определял географические координаты кругом Пистора при одновременном бережном хранении редкого и незаменимого в тайге хронометра и т. п. Или когда Арсеньев с ружьем и записной книжкой выслеживал и наблюдал за жизнью птиц, зверей и прочих обитателей тайги, или когда он, сидя усталым под вечер у костра, наедине с кем-нибудь из его проводников-орочей, удэхейцев, записывал слово в слово сказания, предания и мысли о силах природы, невидимых

духах, о мировоззрении этих немногих лесных жителей. Малейшая неосторожность или неактичность или просто-напросто нетерпеливость с его стороны могли сорвать эту трудную работу и тем самым скрыть или неверно передать науке собираемые сведения.

В подтверждение этого заметим, что, по данным Арсеньева¹, туземные народности (орочи, удахейцы и др.) при систематической и особенно ежедневной работе, да еще проводимой в одни и те же часы, начинают скоро уставать, мучиться, могут ее бросить, наотрез отказаться. Совсем не то, когда они имеют работу разнообразную, часто сменяемую одна другой; тогда они работают быстро, безустали и подолгу. Арсеньев усвоил это золотое правило и писал²: «При составлении ороцкого словаря я всегда имел в виду характер народа и, если они не убегали от меня, то только потому, что занятия свои с ними я вел между делом во время пути, на охоте, рыбной ловле, при починке лодки и т. д.»

Учитывая важность познания края, его природы, жизни местных народностей, экономики, хозяйства и промышленности, образного изображения богатств Приморья, что влекло, привлекает и будет привлекать сюда многие и многие кадры специалистов-исследователей и любителей, мы должны признать, что Арсеньевым в этом отношении было сделано немало. Он начал свою работу одиночкой, в трудных и опасных условиях, но он был настойчивым и верил в свое дело, отдавая изучению Приморья силы, знания, преданность и любовь.

Можно смело сказать, что познанием горной области Сихотэ-Алиня, его строения, протяженности, перевалов, растительного и животного мира и т. п. мы обязаны исключительно Арсеньеву, который посвятил свои лучшие годы этим исследованиям.

Литературно-художественные произведения

До сих пор мы говорили преимущественно о вкладе Арсеньева в науку, используя основные его произведения, и почти не касались такого вопроса, как значение их в художественной литературе.

Горький показал нам писателя Арсеньева, дав ему в своем письме блестящий отзыв. До этого Арсеньев считался только исследователем-краеведом, хорошо излагающим свои научные материалы, в доступных и популярных произведениях, как, например, «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала» и др.

В самом деле, кому может притти мысль, считаем ли мы И. М. Пржевальского, В. И. Роборовского, Г. Н. Потанина, П. К. Ковлова, да и многих других, оставивших нам незабываемые описания своих путешествий, писателями? Конечно, нет, мы считаем их учеными, исследователями, географами, путешественниками и пр.

Арсеньев, начав писать свои работы, считал себя путешественником и относил себя именно к этой категории людей. Мало того, он в своих книгах даже писал: «Настоящий труд, предлагаемый мною читателям, есть популярный обзор путешествия, предпринятого мною в горную область Сихотэ-Алиня в 1906 году³. Он заключает в себе географические описания пройденных маршрутов и путевой дневник» (разрядка наша.— Н. К.).

¹ Вымирание инородцев Амурского края. Хабаровск, 1914, стр. 348.

² Там же, стр. 348.

³ Предисловие к книге «По Уссурийскому краю. Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь». Владивосток, 1921, стр. 4.

Поэтому, когда Арсеньев в длинные зимние вечера писал свои книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», он излагал их в духе краеведческом, географическом, давая описание уссурийской (приморской) природы, местных жителей, а на их фоне и своего проводника Дерсу Узала, как пример последних, какими он представлял их себе всюду. Некоторые отступления от строгости научного стиля, оживление текста речевыми эпитетами, меткими фразами, подкупавшими не только самого Арсеньева, но и всех, кто имел возможность соприкоснуться с лесными обитателями и использовать их в качестве проводников, были совершенно естественными. Известно, что друзья и знакомые Арсеньева, слушая отдельные места рукописи, настойчиво рекомендовали скорее опубликовать ее. Эти добрые советы друзей были ценны еще и потому, что Дальний Восток начинал новую жизнь, особенно после Великой Октябрьской социалистической революции, когда многое вокруг начинало быстро изменяться, заново строиться, шло искание новых форм, а свежей литературы о Дальнем Востоке, научной или популярной, не было.

Отсюда станет ясным, что когда Арсеньев выпустил одну за другой свои книги, в 1921 и 1923 годах, они быстро разошлись, и новому населению, пришедшему вместе с советизацией края (край начал советизироваться с конца 1922 года), они были мало известны. Об этих книгах в обществе говорили, как помнит автор этих строк, все еще мало. Они не обращали на себя внимания.

Арсеньев, желая дать советскому читателю доступную, популярную книгу о Приморье, сократил многие научные факты, латинские названия растений и животных, перевод китайских и маньчжурских названий и пр., объединил обе книги в одну и выпустил в 1925 году книгу «В дебрях Уссурийского края». Книга пользовалась большим спросом и быстро разошлась, так как читать о Дальнем Востоке было решительно нечего, а потребность в такой книге была очень большой. Было тогда в обществе утверждение, что Дальний Восток узнаем мы по Арсеньеву, но Дальний Восток теперь стал иным, новым, измененным и быстро развивающимся краем.

Писатель М. Пришвин, прочитав «В дебрях Уссурийского края», обратился с теплым письмом к Арсеньеву, а затем послал экземпляр ее в Сорренто А. М. Горькому. Пришвин в письме к Арсеньеву писал:

«... Пользуюсь случаем выразить Вам мое удивление и восхищение Вашим трудом. Имейте в виду, что в свое время, когда книга только вышла, я послал ее Горькому с просьбой, если она ему понравится, помочь ее распространению. Горький что-то сделал, а у меня хранится его восторженное письмо о книге...» (Письмо от 27 января 1928 г.).

Книга «В дебрях Уссурийского края» привлекла внимание А. М. Горького, а через его письмо Арсеньеву получила известность широко за пределами края, в центре и даже за границей, где это произведение со всеми полными научными материалами было переведено на немецкий язык.

Последнее стало особенно ясным в наше время, так как немецкая агентура знакоилась не столько с интересной книгой Арсеньева, сколько с выделенным для них участком богатого Приморья. Как только письмо А. М. Горького было опубликовано в печати, сначала в газете «Красное знамя», а затем в повторном издании «В дебрях Уссурийского края», Арсеньев стал признанным писателем. Он стал еще больше работать над собой в этом отношении и получал массу писем от писателей, ученых, исследователей, краеведов и т. п. Из отдельных писем к Арсеньеву можно установить, что с Дальним Востоком по его произведениям познакомились, например, такие крупные писатели, как М. М. Пришвин, А. А. Фадеев

(хотя он сам является дальневосточником), местные поэты и писатели (А. Гай, П. Комаров, Нагишкин и др.).

В чем же заключается сила и значение литературно-художественных произведений Арсеньева? А. М. Горький в своем письме отмечал, что Арсеньеву удалось объединить в одном лице наблюдательного следопыта-путешественника Брема и прекрасного писателя приключений Фенимора Купера. Наряду с большим количеством отдельных фактов и наблюдений, какие Арсеньев буквально шаг за шагом заносил в свой путевой дневник и который он впоследствии перенес в обработанном виде в свою книгу, весь текст снабжен самыми лучшими образцами описаний гор, лесов, рек, растений, животных, местных жителей, населяющих тайгу, и в красочной, но лаконичной форме, мысли и фразы проводника Дерсу Узала, неподдельного обитателя приморской тайги, живущего только тем, что он сам найдет в этой тайге, где есть все, но это нужно уметь найти, взять, использовать и притом каждый день.

Наряду со строгим, правдиво-научным описанием природы Арсеньев обладал талантом подать материал в прекрасной художественной форме. Сошлемся на отдельные примеры.

Описание пурги на озере Ханка с торопливым перелетом птиц и весьма затруднительным положением Арсеньева и Дерсу в течение ночи среди открытой местности без жилища («По Уссурийскому краю», 1921, стр. 35); анимизм Дерсу и его «разговор» с тигром, уход из лагеря в новое место (там же, стр. 161); наводнение на р. Белымбее и описание подъема воды и ее разрушительной силы (Дерсу Узала, 1923, стр. 43); речь Дерсу после неудачного выстрела по кабарге и промаха по дереву и завещание его передать Арсеньеву дикие плантации жель-шения (там же, стр. 169); нападение тигра на лагерь, исчезновение собаки и беспokoйство Дерсу (там же, стр. 208) и, наконец, пребывание Дерсу в Хабаровске на квартире Арсеньева, тягость от городской жизни, незаметный уход из города и смерть Дерсу (там же, стр. 228).

Эти, взятые на выдержку отдельные рассказы из книги В. К. Арсеньева, как и многие другие, являются одними из лучших образцов художественного изложения. Отдельные факты, вполне отвечающие действительности, поданы на таком высоком литературно-художественном фоне, что достойны включения в любую хрестоматию для юношества, где нужно не только рассказать о природе Дальнего Востока, но и привить любовь к ней, ее богатствам и людям, населяющим этот край.

Сам Арсеньев, записывая в дневник все, что он видел и наблюдал за день, никогда не думало том, что он пишет, вернее — напишет, художественное произведение. Он был правдивым натуралистом, вверявшим свои думы и переживания через рабочий дневник постороннему, чужому читателю.

Сам Арсеньев говорил своим знакомым, что когда он писал свои книги, то испытывал много затруднений в изложении фактов, когда для художественной цельности нужно было с одного года перенести событие на другой, или когда со среды, скажем, перенести на четверг и т. п. В черновых записях и рукописях, хранящихся ныне в архиве, можно видеть, что Арсеньев много правил и отделявал свою рукопись, зачеркивая целые фразы, вставляя другие и заменяя неудачные обороты и одни слова новыми. Не будет преувеличением утверждать, что только со времени получения Арсеньевым письма от А. М. Горького он начал заниматься более углубленно литературной отделкой своих книг «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Преждевременная смерть рано прекратила его страстную жизнь.

Из многочисленных дневников Арсеньева видно, что ему можно было почерпнуть много материалов для создания новых художественных произведений. Известно, что, записывая сказания и легенды, которые слышал от удайцев, орочей, тазов, Арсеньев собрал исключительно ценный этнографический фольклорный материал, полный чарующей поэзии, драматизма и пр. Важно, чтобы этот ценнейший материал был обработан и как можно скорее опубликован, пока на севере Приморья среди оставшихся удайских и ороцких стойбищ еще можно проверить, дополнить и собрать новые сведения и данные.

Влияние книг Арсеньева сказалось не только на том, что краем начали интересоваться. Многие обращались письменно к Арсеньеву и просили «взять в одну из экспедиций хоть кем-нибудь», соглашаясь нести любые обязанности и даже за свой счет.

Об этом свидетельствуют многочисленные письма, которые Арсеньев получал от неизвестных ему людей.

Влияние книг В. К. Арсеньева сказалось на произведениях некоторых писателей, которые под впечатлением его книг вносили много изменений в свои сочинения.

Пришвин приехал на Дальний Восток через год после смерти Арсеньева, и в одном месте он писал: «Мое путешествие в Южно-Уссурийский край началось с книги В. К. Арсеньева и особенно когда при счастливой случайности сам автор этой известной и многими любимой книги встретился со мной лично и увлекательно рассказал о своем замечательном герое Дерсу Узала, как о живом человеке».

Пришвин признается и в том, что на него произвело огромное впечатление то обстоятельство, что Арсеньев написал книгу без всякой претензии на литературно-художественное значение.

«Военный топограф и этнограф, охотник, много лет работал в тайге и постоянно одновременно вел четыре дневника—общий и три специальных. Работа над этими дневниками, само собой, происходила в конце трудового дня, после какого-нибудь перехода, на отдыхе, часто возле костра. И случалось, все стрелки уже спят вокруг костра вповалку, и спутник экспедиции—Дерсу Узала—тоже где-нибудь прикурнул, а начальник их, Арсеньев, записывает при свете костра; да и так случалось не раз, что половина фразы напишется, а другая прикладывается спустя несколько минут невольного сна. Но даже и под таким давлением сила поэзии не замерла, и друзья, перечитав дневники, рекомендовали Арсеньеву написать книгу...» (Из книги М. М. Пришвина «Золотой Рог».)

В произведениях Пришвина герои его в рассказах—Лувен и другие—являются представителями и продолжателями «Дерсу Узала». Это показывает, как глубоко был очарован Пришвин героем Арсеньева Дерсу Узала, продолжая его «род» в своих рассказах.

Писатель А. А. Фадеев, родом сам с Дальнего Востока, в своем известном романе «Последний из удайцев», канву и некоторые моменты фабулы взял из научных работ Арсеньева об удайцах.

Список писателей, на которых в той или иной степени повлиял своими произведениями Арсеньев, можно было бы увеличить, но и этого достаточно, чтобы показать, что и произведения, и сама личность В. К. Арсеньева привлекала, привлекает и будет привлекать еще многих и многих людей различной специальности и квалификации, которым дорог Дальний Восток и экзотика которого послужит темой еще многих рассказов и книг о нем.

В заключение нам хотелось бы остановиться еще на одной стороне литературного таланта Арсеньева. Речь идет о раскрытии и показе обра-

В. К. Арсеньев и Дерсу Узала за работой по съемке местности.

«следопыта Уссурийской тайги» в лице гольда Дерсу Узала. В самом деле, что представлял собой Дерсу Узала? Он был одним из последних одиноких представителей верхне-уссурийских гольдов, ко времени работ Арсеньева либо вымерших, либо ассимилированных другими народами.

По описанию Арсеньева в лице Дерсу Узала мы видим аборигена приморской тайги, сроднившегося с ней, живущего ее богатствами и целиком зависящего от нее. Это действительно лесной обитатель, для которого тайга все—и жилище, и источник питания на каждый день. Без нее Дерсу Узала был беспомощным и совершенно неприспособленным человеком. Вспомните, хотя бы на миг, те немногие дни, когда он, скрепя свое старческое сердце, дал согласие Арсеньеву до весны прожить в Хабаровске, но эти дни показались ему тяжелыми, невыносимыми, и он, устав от городской жизни, тихо, не сказав даже Арсеньеву, ушел в тайгу, на синеватый вдали хребет Хехцир.

В лице Дерсу Узала, добывавшего средства к жизни из самой природы, мы видели обычного, но опытного охотника-зверолова, умевшего по прижатой траве, характеру следа, оброненной шерстинке, трескотне ворон и сорок, по крику зверей и птиц, досконально до мельчайших подробностей прочесть все страницы жизни тайги и сделать для себя необходимые выводы, которые даже самому Арсеньеву, не новичку в тайге, были неясными. Сколько раз Дерсу Узала, качая головой, говорил Арсеньеву: «...Как тебе—столько года в сопках ходи, понимай нету!».

Таких людей, как Дерсу Узала, было и есть много в лесах Приморья, да и не только здесь, но всюду в таежной полосе Сибири и Европейской части Союза. Многим работникам науки, полевым исследователям, они встречались не один раз—либо в качестве проводников, или рабочих, или поставщиков мяса, зверей, птиц и рыбы. Но кому приходила мысль запечатлеть, описать и оживить действительный образ этих следопытов тайги? Кто видел, что эти обычные люди—особенные люди? Ответ может быть дан один: все это считалось обыденным явлением.

Арсеньев силой своего писательского таланта показал образ таежного следопыта и на примере Дерсу Узала раскрыл психику, быт и обычаи этих «обычных» людей.

Образ Дерсу Узала стал для многих дорогим, обаятельным и все симпатии читателя были и долго будут на его стороне. И в этом огромная заслуга Арсеньева как мастера художественного слова.

Арсеньев был истинным художником слова, показав нам картины природы Дальнего Востока в их полной красоте, привлекающей и молодежь и людей более пожилых к новым местам.

Изобразительная художественная сила таланта Арсеньева несомненна, а личность его стала еще более многогранной, яркой и талантливой.

Глава 4.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. К. АРСЕНЬЕВА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

Прибыв на Дальний Восток молодым человеком, В. К. Арсеньев вначале ничем не отличался от окружающих его сослуживцев. Но его вдумчивость и широкая наблюдательность скоро обратили на него внимание начальства, где В. К. начал службу.

После отдельных экскурсий, выполненных Арсеньевым самостоятельно на свои личные скромные средства, его назначили начальником военно-охотничьих команд. Это было первой оценкой деятельности Арсеньева, хотя добытые им сведения не были тогда еще значительными.

Начальству Приамурского военного округа через Н. А. Пальчевского стали известны интересные зарисовки и наблюдения Арсеньева над древнейшими памятниками старины, и он был вознагражден возмещением всех понесенных им расходов за годы странствований. Время, проведенное Арсеньевым в личных экскурсиях, было зачтено в служебную командировку, с оплатой полагающихся командировочных (5 руб. за сутки).

Это второе поощрение имело большое положительное значение для дальнейшей деятельности Арсеньева, так как укрепило его в мысли продолжать свои наблюдения и исследования и готовиться к осуществлению заветной мечты—исследованию горной области Сихотэ-Алиня.

Первой печатной работой Арсеньева явился «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1901—1911 гг.», изданный в 1912 г. на правах секретного издания. Естественно, что в силу этих условий отклик на нее в печати появиться не мог, хотя для своего времени, да и теперь, она была исключительно ценной в научном и практическом отношении.

Только с выходом в 1914 году второй крупной работы Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае», дошедшей до центральных научных учреждений, он получил лестную рецензию ученого секретаря Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии В. В. Богданова, опубликованную им в московской газете «Русское слово».

Далее до нас дошли сведения отрывочного характера о признании деятельности Арсеньева, особенно в коллекционировании животных, растений и предметов археологии и этнографии. Подтверждение этому мы находим в письмах Российской Академии наук, Общества антропологии и этнографии и многих других научных организаций и отдельных лиц.

Ряд научных обществ отметил заслуги Арсеньева избранием его в состав действительных и даже почетных и пожизненных членов. Так,

например, отметили заслуги В. К. Арсеньева Русское географическое общество в 1909 году, Общество русских ориенталистов в 1916 году, Общество изучения Маньчжурского края, Владивостокский отдел Русского географического общества в 1927 году и т. п.

Когда Арсеньев был директором Хабаровского музея, его посетил известный ученый полярник Фритиоф Нансен.

Вот что писал Ф. Нансен в своей книге «В страну будущего» (1915 год).

«... История и этнография страны, быт представлены наглядно, словом, здесь было чему поучиться, под руководством знающего чичероне, каким явился знаток этих краев и бывалый путешественник, капитан Арсеньев...» (стр. 338).

«... Посетил я и городской музей, где капитан Арсеньев указал мне много интересных предметов, рисующих быт различных здешних туземцев, которых капитан основательно изучил во время своих поездок...» (стр. 339).

«... видел я и сани различных фасонов—и собачьи, и оленьи, и орочонские, и гольдские, и камчадалские и пр. К большому своему изумлению, я нашел, что в некоторых деталях многие из саней, употребляемых в самых восточных областях (но не в западных), имели значительное сходство с санями-лыжами, придуманными мною для гренландской экспедиции 1888 года и принятыми затем для всех полярных экспедиций...» (стр. 340).

После того как дальневосточное издательство «Книжное дело» издало книгу Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» (1926), она попала к А. М. Горькому. С этих пор, можно сказать с легкой руки А. М. Горького, Арсеньева «открыли» как замечательного писателя художественных краеведческих произведений.

В известном письме А. М. Горького В. К. Арсеньеву читаем:

«... Книгу Вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенimore Купера,—это, поверьте, неплохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более художественен.

Искренне поздравляю Вас... Подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну...» (24 января 1928 года).

Это письмо было напечатано во втором издании «В дебрях Уссурийского края» и явилось лучшей оценкой произведения Арсеньева. Книга Арсеньева быстро разошлась, ее начали требовать и читать решительно всюду. Появились предложения различных издательств переиздать ее и в полном виде, и в сокращенном—для детей старшего возраста.

Президент Академии художественных наук П. С. Коган, встретившись с А. М. Горьким в Сорренто, задал ему вопрос—какая книга из современной русской литературы произвела на него большее впечатление. Алексей Максимович ему ответил: «Книга Арсеньева «В дебрях Уссурийского края». Это какой-то русский Фенимор Купер».

Известный историк искусств и писатель П. П. Гнедич в письме к В. К. Арсеньеву, писал:

«... Мое впечатление от тех книг, что Вы прислали, то же, что оставляет на Вас ваши путешествия—освежающее. Они далеки от пошлости и той повседневной суеты, которой мы окружены, несчастные. Ваша любовь к пустыне светится в каждой странице, брызжет из описания каж-

дой случайности пути. Вы не сердитесь и не негодуете даже тогда, когда природа с Вами жестока».

Положительно были встречены книги Арсеньева и лучшими представителями науки.

Академик В. Л. Комаров, желая установить связь с Арсеньевым, писал: «... Я много слышал о Ваших смелых и тяжелых странствованиях по краю, который и мне дорог, и очень рад завести знакомство...».

«... присланные Вами книги просмотрел с большим интересом. Все это для меня совершенно ново, так как в черте китайских поселений Сихотэ-Алиня я не бывал».

«... Ваш труд «По Уссурийскому краю», вероятно, очень богат фактами, нигде еще не опубликованными, так как, сколько я знаю, Вы лучший знаток края в настоящее время». (Письмо 12.VIII. 1915.)

В другом письме 25.III 1923 он писал:

«... Не знаю как и благодарить Вас за Ваши интересные книги о путешествиях 1906—1907 годов. Картины тайги, бурные потоки, выюки и над всем этим симпатичный вдумчивый облик Дерсу, одним словом, и наука, и эстетика, и этика, все есть на этих прекрасных страницах, которыми я прямо зачитался». И далее, по поводу возможности помощи в организации новых экспедиций В. Л. Комаров продолжал: «... Конечно, самая лучшая рекомендация—это Ваши книги, являющиеся чрезвычайно важным источником для всестороннего суждения о наиболее глухих местах Уссурийского края. Для местной власти вы не человек, а клад, ибо все знаете и можете помочь в разъяснении наиболее запутанных вопросов».

Для меня лично Ваши обе книги¹ имеют еще тот специальный интерес, что в них упоминаются многие границы деревьев и дается хорошая картина гольцов. К сожалению, я не мог использовать Ваши данные для соответствующих обобщений в моих трудах об уссурийской растительности, так как последний из них уже заканчивается печатанием. Лишь некоторые отрывочные данные можно было ввести при корректуре. За что я, разумеется, чрезвычайно как Вам благодарен.

Надеюсь, что судьба пошлет Вам доброе здоровье еще на долгие годы и позволит еще неоднократно вести работы в тайге и поделиться своими знаниями в новых и новых книгах со всеми жаждущими знаниями».

Вслед за этим на страницах «Известий Русского географического общества»² на книги Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» появилась рецензия В. Л. Комарова следующего содержания:

«Великолепные картины природы и местной жизни, масса очень точных сведений о мало или даже вовсе не посещавшихся до сих пор ущельях и хребтах, примыкающих к побережью между заливом Пластунном и мысом Гиляк. Главным героем путешествий Арсеньева является его проводник гольд—Дерсу из рода Узала, анимистическое проникновенное мировоззрение которого раскрыто автором с поражающей ясностью».

«... Обе книги чрезвычайно богаты, интересны научным материалом. Этнограф здесь найдет важные данные о вымирающем племени удэгейцев, биологи—о местных животных, о распределении лесов, о растительности гольцов, географ—о перевалах через Сихотэ-Алинь и пр.»

«Прекрасны также описания циклонических бурь. Предполагается перевод этих книг на иностранные языки».

В 1925 году в Германии вышли прекрасно иллюстрированные два тома книг Арсеньева: «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала»

¹ «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала».

² Т. 56, вып. 2, 1924, стр. 480.

предисловие к которым было написано Фритиофом Хансеном. Там им было сказано:

«... Уже прошло много времени с тех пор, как я встретил в Хабаровске на Амуре выдающегося исследователя Восточной Сибири В. К. Арсеньева. Он рассказал мне о своих высокоинтересных путешествиях через девственную тайгу Уссурийского края, об ее малоизвестном туземном населении, а также о животном и растительном мире этой страны.

Получилось много в высшей степени интересных сообщений о неоткрытых еще местностях...

Исследователь открывает мир, о котором мы до сих пор имели очень мало сведений.

Вследствие умелого описания В. К. Арсеньева получается живое представление как о природных условиях, так и об обитателях этой отдаленной лесной страны... Достоин удивления, что мы, жители Старого Света, обыкновенно больше знаем о жизни туземцев Северной Америки, чем о туземцах Сибири и особенно Восточной Сибири, хотя последние на самом деле имеют для нас гораздо больший интерес.

Я надеюсь, что интересный и ценный труд В. К. Арсеньева найдет многих читателей».

Вместе с другими отзывами все это как нельзя лучше свидетельствовало о большой ценности работ В. К. Арсеньева и тем самым не мало способствовало распространению книг, вызывая необходимость в переизданиях, переводах, частых запросах о новых трудах Арсеньева.

Так, можно сказать, Арсеньев был показан широкой советской общественности и у себя на Дальнем Востоке. Он стал признанным исследователем и писателем, непререкаемым участником многих собраний, заседаний, литературных чток и встреч.

Но не только этим определяется оценка трудов Арсеньева. Академия наук СССР, Общество археологии и этнографии и другие глубоко ценили и всячески поддерживали научно-исследовательскую деятельность его. Интерес к работам Арсеньева, как мы уже знаем, возникал и за пределами нашей страны. Общество русских ориенталистов в Харбине еще в 1916 году избрало его своим почетным членом, а Общество изучения Маньчжурского края в Харбине—пожизненным членом.

За крупные научные заслуги в изучении Дальнего Востока Арсеньев был избран почетным членом Приморского лесного общества во Владивостоке, Приморской губернской архивной комиссии во Владивостоке, Владивостокского отдела Государственного географического общества во Владивостоке, Дальневосточного краевого отдела Русского географического общества в Хабаровске и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском государственном университете.

Кроме этого следующие научные общества, признавая огромные научные заслуги Арсеньева, избрали его своим действительным членом: Государственное Русское географическое общество в Ленинграде, Антропологическое общество при Ленинградском государственном университете, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете, Русский орнитологический комитет при Обществе акклиматизации животных и растений в Москве, Российская академия истории материальной культуры, Дальневосточный краевой научно-исследовательский институт при Дальневосточном государственном университете, Дальневосточная секция Тихоокеанского комитета Академии наук СССР и Вашингтонское национальное географическое общество.

Следует отметить, что Арсеньев по силе своего характера не любил числиться только «почетным членом» тех или иных организаций; этого он никогда не терпел. Наоборот, как бы он ни был занят и где бы он ни находился, он всегда чувствовал себя ответственным перед каким-нибудь обществом, и стремился выполнить поручение, собрать коллекцию, материалы, сделать доклады и сообщения, поддерживать научную и организационную переписку и пр. Словом, Арсеньев требовал для себя всегда

В. К. Арсеньев

работы и без нее никогда не сидел. Это была не знающая покоя, энергичная натура исследователя-географа, краеведа и общественника.

За достигнутые научные результаты Арсеньев был неоднократно награжден орденами, медалями и премиями.

Так, за проведение экспедиции 1906—1907 годов по изучению южной части Приморья он был награжден орденом св. Владимира 4-й степени. За представленные интересные и новые материалы по изучению центральной и северной части Сихотэ-Алиня Главный комитет выставки При-

амурского края присудил Арсеньеву большую золотую медаль Музей изящных искусств за работы в области этнографии—высшую награду—большую серебряную медаль, Русское географическое общество—за географические исследования—малую серебряную медаль.

За работы по изучению природы и населения Приморья Арсеньев получил первую премию имени Веникова.

Главный выставочный комитет Первой Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве в 1923 году за руководство собранием коллекций по быту народностей Дальнего Востока наградила Арсеньева дипломом первой степени.

Мы позволили себе привести эти факты, с несомненностью свидетельствующие, что научные и литературно-публицистические заслуги Арсеньева значительны и общепризнаны.

В заключение отметим, что далеко не все работы Арсеньева имеют одинаковую ценность и значение, но накопленный им фактический материал не потерял своего значения и в наши дни. Таков, например, «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края», изданный с грифом служебного пользования. Он долго не был известен широким научным кругам. Но когда, спустя много лет о нем узнали, его начали широко использовать для справок. Вслед за Н. М. Пржевальским, составившим одно из первых военно-географических описаний Уссурийского края, работа Арсеньева должна быть рассматривается как ценный географический и статистический труд.

Работа Арсеньева охватывала большую территорию, почти все Приморье, от г. Владивостока до г. Николаевска на Амуре, она сообщала итоги почти 10-летних исследований глухих мест Приморья и, наконец, в ней впервые подробно описана и дана характеристика горной области Сихотэ-Алиня, до того времени неизвестной.

Многие факты и наблюдения (по зоогеографии, ботанической географии и другим вопросам), если бы они были известны специалистам своевременно, несомненно вошли бы в обзорные работы и сводки наших крупных ученых, и в значительной степени ускорили бы познание географии края, которая должна была пройти первоначальный период накопления фактов и наблюдений, сравнений и обобщений.

Не будет ошибкой сказать, что горную область Сихотэ-Алиня детально изучил и описал, если не сказать более точно—открыл для всех нас,—В. К. Арсеньев.

В ряде работ Арсеньева можно найти спорные не совсем точные или даже неверные объяснения и выводы, которые со временем будут, конечно, критически проанализированы.

Касается это преимущественно этнографического и экономического разделов работ; работы Арсеньева по этим разделам не всегда стоят на принципиальной высоте.

Самый сбор материалов Арсеньев проводил всегда тщательно, временами с пунктуальной педантичностью (например записи сказаний легенд, обычаев и обрядов религиозного отправления, описание предметов домашнего обихода, одежды, способов и средств охоты и т. п.), особенно в то время, когда малые народности не были еще полностью вовлечены в сферу окружающей хозяйственной деятельности и имели свой самобытный характер. Но надо сказать, что не везде и не всегда Арсеньеву удавалось правильно разработать материал и дать ему надлежащее объяснение.

К народностям—аборигенам края—удэгейцам, орочам и другим Арсеньев относился с чувством уважения, выражая искреннее желание

видеть их в лучших условиях развития и процветания. В работе «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» он писал: «Остается пожелать, чтобы и в будущем эти мероприятия были доведены до конца, чтобы китайцы, корейцы и японцы на русской земле были поставлены в те рамки, в которых им надлежит быть, а дикари-инородцы приняли бы облик культурного человека» (стр. 324).

Некоторым другим народностям, населяющим Дальний Восток (украинцы, белоруссы и др.), Арсеньев приписывал черты характера вне связи с социально-общественной и экономической средой их развития в прошлом и настоящем. Отсюда в его работах «Китайцы в Уссурийском крае», «Быт народностей Дальнего Востока», «Население как производительный фактор» и других можно встретить иногда неверные утверждения.

Одинаково это относится и к разработке экономических вопросов. Работы в этом направлении выполнялись Арсеньевым в порядке отдельных «заказов» различных ведомств и, разумеется, не могли отвечать строго выдержанному хозяйственному плану развития производительных сил того или иного района в целом.

Экономические работы Арсеньева содержат краткие и общие географические описания и в настоящее время уже не имеют большого значения. Поэтому для построения из них каких-либо социально-экономических выводов и обобщений требуется предварительный критический анализ.

В целом же работы Арсеньева заслуживают самого внимательного изучения и использования, поскольку научная их ценность значительно превышает отмеченные недостатки.

Будучи офицером царской армии, Арсеньев, как представитель своего века, конечно, не был и не мог быть свободен от взглядов и установок класса, к которому он принадлежал по рождению и служебной деятельности. Он пытался уйти от прямой политики в исследовательскую работу, что ему в дореволюционные годы и удавалось.

В Великой Октябрьской социалистической революции Арсеньев активного участия не принимал, хотя уже в первый период советской власти охотно взял на себя обязанности первого комиссара по туземным делам.

Период белогвардейщины (1919—1922 годы) Арсеньев почти целиком провел в тайге (горная область Ян-де-Янге в 1917 году, полуостров Камчатка в 1918 году, Гижигинский район в 1922 году). Лекциями по краеведению, которые он читал в различных аудиториях рабочих клубов (Дом культуры на «Первой речке» под Владивостоком, Народный университет в Хабаровске и др.), он стремился быть полезным деятелем.

В период японской интервенции в Приморье Арсеньев работал в производственных промышленных организациях, испытывая иногда материальные затруднения. В момент предательского нападения японцев 4—5 апреля 1920 года на русскую землю и партизанские отряды он помогал партизанам Приморья, указывая им, где можно было скрываться, тревожить и уничтожать японские войска.

С освобождением Приморья от японских интервентов (в конце 1922 года) и началом строительства на Дальнем Востоке советской власти, Арсеньев перешел на работу в советские учреждения и с этого времени активно участвует в работе местных научно-исследовательских, педагогических и общественных организаций. В последующем эта его деятельность непрерывно разрасталась. Арсеньев был и остался подлинным русским человеком, отдавая все силы и знания изучению Приморья, горячим, искренним патриотом которого он был все годы своей жизни.

Научные организации, ведомства и общества должны собрать все литературное опубликованное и неопубликованное наследие Арсеньева, критически его разработать, отобрать все нужное и полезное для социалистического строительства, опубликовать поскорее оставшиеся материалы и рукописи. Этого требует мощная социалистическая стройка советского Дальнего Востока, и это будет лучшим памятником натуралисту и исследователю—Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву.

3

Перед нами прошла жизнь и деятельность В. К. Арсеньева, как ее можно представить себе по тем материалам, что сохранились в архиве Приморского филиала Географического общества Союза ССР, и по воспоминаниям очевидцев, живших и работавших совместно с ним на Дальнем Востоке.

Мы далеки, конечно, от исчерпывающей разработки этих материалов, и можем лишь считать, что предлагаемая читателю книга является одним из первых опытов биографии и описания научной деятельности В. К. Арсеньева, который, надеемся, повлечет за собой еще не одну попытку заняться этой бесспорно яркой личностью.

Влечение молодого Арсеньева к далеким неизведанным окраинам России, где еще не ступала нога человека, стремление посвятить себя изучению этого загадочного края (Приморья) должно быть отнесено к подвижничеству, честному служению науке и обществу, в основе которого лежали романтические искания, свойственные лучшей части русской молодежи того времени.

Арсеньев получил неплохое военное образование, и перед молодым офицером открывалась блестящая карьера в столичном городе. Но, как мы видели, молодой Арсеньев оставляет шумный Петербург и уходит от ожидавшей его военной карьеры. Он смело подвергает себя как бы ссылке в далекую Восточную Сибирь, в Уссурийский край, полный трудностей, опасностей, лишений, но требующий твердых и волевых людей. Таковы моральные устои молодого Арсеньева, прибывшего во Владивосток в 1899 году.

В. К. Арсеньев, как мы видели, был географом, краеведом, топографом, этнографом, археологом и историком, ботаником и охотоведом, экономистом и, наконец, писателем-художником. Таков профиль исследователя с широким кругозором, с охватом почти всего, что можно было найти, наблюдать, описать и пропагандировать в печати и устным словом. Мы не ошибемся, если припишем эти черты влиянию плеяды наших лучших русских исследователей: Н. М. Прижевальского, В. В. Роборовского, П. К. Козлова, М. В. Певцова, Г. Н. Потанина, Р. К. Маака, К. И. Максимовича, В. Л. Комарова и других, деятельность которых составляет честь и славу русской географической науки. Их имена звали, зовут и будут звать молодежь, любящую свою великую родину—Страну Советов, к новым и новым завоеваниям и достижениям. В. К. Арсеньев без всякого сомнения должен быть отнесен именно к этой славной плеяде замечательных русских путешественников-натуралистов середины и конца XIX века и начала XX века.

В мыслях, высказанных Арсеньевым в трудах, статьях и литературно-художественных произведениях, мы видим руку большого мастера. Перед нами возникает образ путешественника-натуралиста, впитавшего в себя опыт своих великих предшественников и пронесшего на своем 30-летнем пути непрерывной экспедиционной и творческой работы любовь к далекой окраине, влечение к изучению и культурному подъему малых народно-

стей края и глубокий патриотизм к нашему Дальнему Востоку и славной Родине.

Но, как мы видим по ряду его произведений, он стремился к превращению Дальнего Востока в богатую природными ресурсами и высоко-развитую культурную окраину. Увидеть это удалось ему только после Великой Октябрьской Социалистической революции, пробудившей спящие силы природы, сознание малых народностей и поднявших их на небывало высокую ступень развития, по пути ленинско-сталинской национальной политики.

Арсеньев в советские годы отдал социалистическому строительству Дальнего Востока все свои силы, знания, опыт, любовь и преданность к этому краю, к которому он стремился, с которым он сжился и в котором он покончил все расчеты с жизнью, на трудовом посту, в родной тайге Приморья.

Сейчас эта утрата чувствуется весьма ощутительно. Нет настойчивого исследователя, нет проникновенного описателя природы и быта малых народностей и огромных перспектив нового строящегося советского Дальнего Востока. Нет прекрасного популяризатора советского Приморья, куда он звал все новых и новых предприимчивых советских людей делом и словом исследователя, писателя и певца природы.

Писатели и поэты Дальнего Востока, чья его память, посвятили ему свои скромные мысли.

Вот некоторые из них.

Георгий Корешов

СЛЕДОПЫТ

(памяти В. К. Арсеньева)

Он дорог не начинал с вокзала,
Не баюкало его в пути купе.
Шел он со своим Дерсу Узала
По лесной извилистой тропе,
Где лианы, будто удавы,
Оплелись вокруг кедров вековых,
Где густые поднимались травы
Выше человеческой головы,
Топором прокладывал дорогу
К тайникам таежным следопыт,
И легенд и славных былей много
До сих пор тайга о нем хранит.
У истоков быстрой речки Датта
Мне сказал знакомый старожил,
Как он сам с Арсеньевым когда-то
По тропе звериной проходил.
Молодой, в медвежьем полушубке,
Русский капитан в разгар зимы
На деревьях оставлял зарубки,
Чтоб о нем не забывали мы.
Как, сквозь чащи дикие шагая,

Он мечтал о том, чтоб жизнь другая
В стойбища туземные пришла.
Он об этом говорил открыто—
Дебрей усурпийских старожил,
Потому что спутник следопыга
Старый гольд с Арсеньевым дружил...
Долгой ночью, под лесною сенью,
У охотничьего жаркого костра,
Слушал гольда капитан Арсеньев,
Не вздремнув ни разу до утра.
В сердце сладкий трепет вызывало,
Все, что видел следопыт вокруг,
Но не мог понять Дерсу Узала,
Чем взволнован его русский друг.
И признаться—спутником гордится
Умудренный опытом старик,
Только недоверчиво косится
Дерсу на арсеньевский дневник.
Смотрит гольд, свои нахмутив брови,
Как, шаманя, ходит карандаш...
... Может, в этот миг рождалась повесть,
Где Дерсу был главный персонаж.

В этих несколько наивных по форме, но подкупающих своей искренностью стихах Г. М. Корешову¹, безвременно погибшему в боях за Великую Родину, удалось рассказать об Арсеньеве и его друге Дерсу Узала и кратко подметить цель и смысл всей жизни и деятельности путешественника и натуралиста Арсеньева.

В другом месте тот же Г. М. Корешов в своем стихотворении «Дорога в тайге» проникновенно записал:

«... Мне показалось, что вчера
Еще здесь люди проходили,
И, сторонясь их топора,
Покорно дебри отступили.
Но спутник мой—суровый таз,
С плеч сбросив старую берданку,
Сказал, что люди сотни раз
Пройти пытались к океану.
... Но и они в часы тревоги
Уже не видели конца
Таежной сказочной дороги,
И возвращались с полпути.

¹ Георгий Корешов. Сборник «Океанский ветер». Примивдат, Владивосток, 1946, стр. 42—44, 44, 46—47.

... И лишь один сумел дойти,
Один сумел достигнуть моря.
Здесь, на краю родной земли,
Стоял он радостный, усталый.
Прибоя кубок поднесли
Ему базальтовые скалы.

... Нам посчастливилось двоим
Пройти Арсеньевской дорогой,
И там, где он в крутой мороз,
Зарывшись в снег, дыханьем грелся,
Промчнется скоро паровоз».

И как бы в воздаяние заслуг Арсеньева перед обществом и всеми нами, которые приехали сюда на Дальний Восток, полюбили его и остались здесь. Корешов не без основания кончал:

«... Ты первый пассажир дороги,
Взгляни в окно и не забудь,
Что эти горные отроги
И вспять бегущий бурелом—
Остатки девственного леса—
Арсеньев одолел пешком,
Чтоб ты проехал здесь экспрессом!»

Сколько правдивых и глубоких мыслей западает всякому, кто прочтет эти стихи Корешова и, вспомнив условия труда Арсеньева, самоотверженно изучавшего Приморье, согласится со справедливой оценкой.

Другой поэт—Иван Степанов¹—на эту же тему написал:

«... Шуми, тайга, своей густою сенью!
Шуми, шуми приветно и тепло!
С тех пор, как здесь прошел Арсеньев,
Не мало рельс синеющих легло».

Г. Халилецкий попытался также оттенить роль Арсеньева и посвятить последнему свое стихотворение «След Арсеньева»².

«... Давно потрескалась кора,
Темна, суха, мертва...
Рыдает в чаще до утра
Бездомная сова.
Но чуть кусты позолотит
Рассветное тепло,
На небе росчерк прочертит
Совиное крыло».

¹ Иван Степанов. Сборник стихов. «Шуми, тайга!» Примладат. Владивосток, 1946, стр. 6, стихотворение «Шуми, тайга!»

² Г. Халилецкий. Сборник «Стихи». Примладат, Владивосток, 1946, стр. 7.

И вспыхнет черная кора
Вся в крапинках огней,
И резче след от топора
Означится на ней...
Здесь шел Арсеньев. Здесь нога
Росы стяхнула пыль,
Здесь доверительно тайга
Свою шептала быль.

И говорливый казанок
Коптился на весу...
Вот тут плясал огонь у ног,
Вот тут сидел Дерсу.
Оставив где-то край земли,
Родные очаги,
Сыны Арсеньева ушли
На дальний зов тайги.

Был след в легенде сохранен,
Завещан в песне был,
И лишь тому доступен он,
Кто край наш полюбил,
Кто спать привычен на снегу,
Томиться на жаре,
Кто по-арсеньевски в тайгу
Уходит на заре».

Скорбь утраты Арсеньева всколыхнула не только научные круги, она проникла и в гущу народа. И тот же Корешов, в виде некролога, сказал

«Его я только дважды видел близко,
Запомнив навсегда суровые черты.
И десять лет спустя к подножью обелиска
Принес не знавшие садовника цветы.
Они росли на скалах Да-дянь-Шаня,
И только в тех местах я их срывал,
Где следопыт, как говорят преданья,
Когда-то становился на привал.
А в удагейском стойбище далеком
Седой старик мне дал большой букет:

— Снеси ему.

В садах Владивостока
У вас цветов таких, наверно, нет...
И вот цветы лианою тугою
Я к обелиску крепко привязал,
Пусть хоть на миг запахнет здесь тайгою,
Где сделал он последний свой привал».

(Корешов Г. М. «У могилы В. К. Арсеньева»)

Мы знаем, что Арсеньев, добиваясь выполнения задания, не раз встречался со смертью, но судьба как бы берегла его. Он не раз писал и говорил, что нужно и нужно работать много, скоро и хорошо. Эти слова он сдержал, он буквально горел на работе, забывая про отдых, он показал образцы беззаветного служения Родине, Дальнему Востоку, оставаясь горячим патриотом до самых последних дней своей жизни. Арсеньева нет среди нас, но он остается жить для нас в своих трудах и сочинениях.

Нельзя не привести его же, полные глубокого смысла, слова:

«... Могила Дерсу, тающий снег и порхающая бабочка, которая с закатом солнца должна будет погибнуть, шумящий ручей и величавый лес,—все это говорило о том, что абсолютной смерти нет, а есть только смерть относительная и что закон смерти на земле есть в то же время и закон жизни»¹.

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК РАБОТ В. К. АРСЕНЬЕВА

1. Наблюдения над лососевыми Зауссурийского края. Ежегодник Зоологического музея Академии наук, том XIII, 1908. Мелкие известия, стр. LX—LXIII.

Заметка напечатана на основании присланного автором письма редактору «Ежегодника». Сообщаются наблюдения 1907 года за ходом лососевых и отдельными биологическими моментами их в районе северного побережья Татарского пролива, между 45—46,5° с. ш. (р. Амагу и др.).

К заметке отдельно даны примечания Л. С. Берга.

2. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1901—1911 гг. Изд. Штаба Приамурского военного округа. Хабаровск, 1912, 324 стр.

В работе помещены материалы и выводы, полученные Арсеньевым за годы его исследований в Приморье, по разделам: общий обзор, побережье, реки, пути сообщения, геология, леса, фауна, климат, русское население, китайцы, олень, «всеобщее постановление» (таежные законы), корейцы, инородческое население (орочи, гольды и пр.), вооруженное население, японцы на русском побережье, колонизация.

Благодаря компактному размещению материалов и сведений о Приморье, работа не потеряла значения и в наши дни. Пользоваться ею должно вместе со следующей книгой, с которой она является общим трудом.

2-а. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1901—1911 гг. Приложение. Изд. Штаба Приамурского военного округа. Хабаровск, 1912, стр. I—VI.

Работа состоит из карт маршрутных съемок и нескольких специальных карт. Так, помещены:

Схема маршрутов Арсеньева за 1900—1903, 1906, 1907 и 1908—1909 годы; район работ каждого года показан отдельной краской, а все маршруты красной линией.

Карта района работ 1906 года в масштабе 10 верст в 1 дюйме с показанием ситуации по ходу съемки и всех перевалов через Сихота-Алинь с высотами в метрах. На этой карте даны все географические названия: фанзы, кумирни, лудевы для ловли зверей; зимние пути туземцев, параллельные горные хребты складчатого образования в Приморье; перевалы через хребет Сихота-Алинь (22 перевала); распределение лесов Приморья с показанием границы маньчжурской и охотской флоры; места выгоревших лесов в Приморье; болота в Приморье; места японских рыбалок в 1908—1909 годах на побережье Японского моря в районе от устья р. Самарги до мыса Лессепс-Дата около Советской Гавани; места, занятые русскими переселенцами; места, где живут китайцы; места, где живут корейцы; районы обитания гиляков (нивхов), тунгусов, орочей, удэгейцев, кекарей (удэгейцы, говорящие по-китайски и по-орочски), уссурийских гольдов, амурских гольдов (нанайцев), ольчей, орочей, знающих одиночные китайские слова, тазов, тазов ассимилированных китайцами и смешанного русского населения; пути, по которым возможны военные операции со стороны моря; места, пригодные для заселения с 1900 по 1910 годы; места, пригодные для занятия пчеловодством; места, благоприятные и возможные для занятия скотоводством; границы памятников, оставленных древнейшими маньчжурскими поселенцами (бqxайцами); границы китайских поселений до прихода русских в Приморье и границы русских поселений.

Схема трех вычерченных маршрутов Арсеньева в 1906, 1907 и 1908 годах.

Маршруты Арсеньева в 1906 году на 4 листах от ст. Иман-Кулумбе—Сихота-Алинь по р. Санхохе, в масштабе 3 версты в 1 дюйме.

Маршруты Арсеньева в 1908—1909 годах по рекам Самарга, Хор и Мухель на 4 листах, в масштабе 3 версты в 1 дюйме.

Маршруты Арсеньева в 1906 г. по побережью Японского моря от залива Ольги до залива Пластун по р. Лифудзин, Тютихе, Дунюу на 4 листах, в масштабе 3 версты в 1 дюйме.

Маршруты Арсеньева по рекам Бикин, Мыхэ-Улянгоу, Кусун и Такама в 1907 году на 8 листах, в масштабе 3 версты в 1 дюйме.

Все остальные карты составлены в масштабе 100 верст в 1 дюйме.

3. Материалы по древнейшей истории Уссурийского края. Записки Приамурского общества востоковедения. Хабаровск, 1913, вып. 1, стр. 15—66, с 1 картой.

В предисловии автор говорит о желании установить, кто были первыми обитателями Уссурийского края до прихода русских. Рассказывает об одной китайской легенде о царе Куань-Юне, которая проливает свет на далекое прошлое края, приводит обстоятельства встречи со стариками китайцами, что ему в разное время рассказывали об этой легенде. Попытки найти литературные сведения об этой легенде Арсеньеву не удалось.

В главе I автор говорит о наличии в Южном Приморье (реки Сучан, Даубиха, Ното и др.) старинных укреплений, которые в настоящее время утратили свой внешний вид и исчезают. Арсеньев приводит примеры древних валов, отводов рек, плотин, старинных дорог и др. Затем он дает литературные справки по известным старым работам и устанавливает, что у китайцев еще и тогда не было ясных и исчерпывающих сведений о прошлом Уссурийского края.

В главе II приводится легенда о царе Куань-Юне. Изложение ведется с подробностями, какие удалось запомнить или записать Арсеньеву. Разбирая легенду, автор находит в ней подтверждение многих фактов далекого прошлого, устанавливает ссылки на древние укрепления, дороги, реки, хребты и пр. Отдельные факты согласует с современными географическими названиями и показаниями старожилов.

В главе III рассказывается о другом варианте легенды, записанном и изданном в «Приамурских ведомостях» в 1895 году. Затем Арсеньев приводит сказания орочей («о медведе»), каковые, по его мнению, слутаны и соединены с первым вариантом легенды и поэтому сильно затрудняют изучение основных фактов.

4. Вымирание и породцев Амурского края. Труды I-го съезда врачей Приамурского края 23—28 августа 1913 г. в г. Хабаровске. Материалы по изучению Приамурского края, вып. XX. Хабаровск, 1914, стр. 337—353.

Даются характеристика быта и занятий малых народностей Приморья, причины их вымирания, предложения об улучшении положения. Основной причиной вымирания малых народностей Арсеньев считает экономическое порабощение их китайцами и русскими промышленниками.

5. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический. Записки Приамурского отдела русского географического общества, т. X, вып. I. Хабаровск, 1914, 203 стр., резюме на французском языке (3 стр.), с 6 вкладными картами и фотографиями.

Работа основана на материалах, собранных в 1906—1912 годах при исследовании горной области Сихотэ-Алиня.

В очерке даны главы: физико-географическая, историческая, о транскрипции географических названий. Затем приводится всесторонняя характеристика китайского населения: китайцы-земледельцы, эксплуатация ими малых народностей, китайцы как охотники-звероловы, их промыслы, искатели жень-шеня, ханшин, опиум и врачевание, азартные игры, хунхуаи, китайские законы, китайские организации в городах. Отдельной главой даются выводы автора.

Очерк мало известен и, несмотря на то, что опубликован в 1914 году, он и до сих пор не потерял полностью своего значения. Книга эта представляет крупный вклад в науку. Арсеньев с большой тщательностью собирал для нее все сведения, а некоторые материалы, например свертки китайских законов, даже с риском для жизни.

5-а. Китайцы в Уссурийском крае, 1900—1908 гг. Изд. типографии М. М. Стасюлевича. Петроград, 1915, стр. 1—39.

Доклад В. К. Арсеньева, читанный им 25 февраля 1911 г. в заседании Отделения этнографии Русского географического общества. Материал в основном соответствует содержанию предыдущей работы (см. № 5), но изложен более кратко. Добавлены новые данные по переводу свертки «китайских законов», полученного от Иманского мирового судьи. Перевод был сделан П. И. Петелиным и впервые опубликован в Известиях Восточного института, т. XXI, Владивосток.

Надо отметить, что указание об издании этой работы в Известиях Русского географического общества, т. 48, вып. 6, 1912, стр. 395—443, не соответствует действительности. Такого выпуска Русского географического общества в свет не

выпускало, а поэтому указанная статья, как и следующая (№ 5-6) должны считаться самостоятельными изданиями.

5-б. Сведения об экспедициях штабе-капитана В. К. Арсеньева (Там же, стр. 3^а—49).

Сообщаются краткие сведения об экспедициях, их маршрутах и условиях работы. Приводятся важные подробности, неизвестные по другим работам автора. В целом статья является кратким изложением аналогичной статьи, помещенной нами в списке под анонимом (см. № на стр. 91).

С обнаружением в Ленинграде указанной статьи, также не имеющей подписи автора, окончательно устанавливается, что им был сам В. К. Арсеньев, доставивший ее для печати по просьбе редакции Известий Русского географического общества.

Следует отметить, что сам В. К. Арсеньев никогда не упоминал этой, так же как и предыдущей своей работы ни в одном из списков своих работ, ни в автобиографических материалах и т. п.

6. Этнологические проблемы на востоке Сибири. Вестник Азии, № 38—39, книга II—III. Харбин, 1916, стр. 50—76, с вкладной картой расселения народов в Приморье.

В Центральной Азии существовало и существует много народов, при расселении которых на восток двинулась часть монголо-маньчжурских народов, которые и обосновались на р. Уссури и нижнем Амуре, а тунгусы в Амурском крае. Арсеньев указывает, что у некоторых народов, проникших на восток, появились изменения в языке и что для установления происхождения народов нужно принимать во внимание не только язык, но и этнографические признаки, так как последние более стойки и консервативны. Далее Арсеньев приводит примеры одноименных названий народов и местных географических пунктов и объясняет расселение отдельных народов на востоке Азии применительно к Приамурскому краю. Уточняя разницу между орочами и удехейцами, относимых автором к двум разным народностям, он приводит сравнительную таблицу признаков орочей и удехейцев по разным признакам языка, быта и хозяйственного обихода и в заключение задает вопрос, который оставляет неразрешенным: кто же такие удехейцы? По языку—они тунгусы, по этнографии—американоиды.

7. Амба. Ли-Цун-Бин. (Рассказы из путешествий по Уссурийскому краю. Изд. Южно-Уссурийского отделения Русского географического общества. Никольск-Уссурийский, 1920, 17 стр.

Небольшой рассказ, вошедший позднее в книгу Арсеньева «Дерсу Узала».

8. По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь. Владивосток, 1921, стр. V + 280 + VIII (оглавление) + XIII (указатели).

Первое научно-популярное описание путешествия Арсеньева в горную область Сихотэ-Алинь в 1906 году. Описание путешествия разбито Арсеньевым на 40 отдельных глав, получивших свои собственные названия. Помимо литературно-художественного значения книга имеет большую краеведческую ценность. Арсеньев приводит научные названия приморских животных и растений, описания хребтов, горных пород, рек и т. п. Все китайские, ороческие и прочие названия, с помощью специалиста-ориенталиста П. В. Шкуркина, переведены на русский язык. Написана книга исключительно увлательно.

8-а. То же. Предисловие В. Волинского и П. Шкуркина. Изд. «Молодая гвардия». М., 1933, 266 стр. с заставками и концовками.

8-б. То же. 2-е изд. Предисловие В. Волинского. Вступительная статья Т. Самсонова «В. К. Арсеньев—путешественник, натуралист, этнограф, художник». М., 1934, 405 стр., илл.

8-в. То же. 3-е изд., исправл. и с послесловием редакции. М., 1936, 379 стр., илл.

9. Соболь и способы охоты на него в Уссурийском крае. Русское Приморье. Владивосток, 1922, № 2 (11.VII.1922), стр. 2—7; № 3 (22.VII.1922), стр. 1—7; № 4 (29.VII.1922), стр. 1—6; № 5 (5.VIII.1922).

Даются краткие сведения о биологии соболя, географическом его распространении и способах добычи его местными охотниками. Так, приводятся 21 название соболя у народностей Дальнего Востока, размеры и окраска шкурки, условия обитания и пища соболя. Указывается, кто охотится за соболем и сколько его добывается в год. Описаны способы добычи соболя и применяемые для этого орудия (сетка, дуги, ловушки и пр.). Приемы добычи соболя охотниками различных народностей (китай-

пами, корейцами и др.), статистика числа охотников и количества добываемых ими соболей. Указаны также районы и границы соболинного промысла, распределение верховых фав, влияние на них китайских организаций и пр. Статья опубликована параллельно на русском и английском языках.

10. Тревога по козе (из воспоминаний о путешествиях по Уссурийскому краю). Журнал «Юность» (ежемесячный иллюстрированный журнал). Владивосток, № 1, декабрь 1922, стр. 5—9, с 3 илл.

Популярный очерк для юношества.

11. Обследование Уссурийского края в археологическом и археогеографическом отношении. Первый съезд по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении (в г. Никольске-Уссурийском 18—22 апреля 1922). Известия Южно-Уссурийского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Никольск-Уссурийский, 4, апрель 1922, стр. 55—56.

Тезисы доклада, сделанного автором на съезде, и предложения по нему. Древность Уссурийского края, по Арсеньеву, принадлежит различным эпохам и делится им на четыре группы: 1) Эпоха первобытного человека, 2) Царство Бохай с VIII по XII век, 3) Цзиньская (Золотая) империя до конца XIV столетия и 4) Период запустения—до XIX века. Период с XIV по XIX столетия в историческом отношении остается наиболее неясным и не освещенным в литературе, поэтому Арсеньев считает, что единственным путем к установлению истории этого периода должны явиться планомерные археологические разведки и раскопки и тщательное изучение памятников старины.

Для проведения таких исследований по встречаемости памятников старины Арсеньев предлагает разбить Уссурийский край на следующие восемь районов: 1) низовья рек Усури, Хора и Бикина, 2) Иманский район, 3) Ханкайский район, 4) бассейн верхнего течения Усури (реки Даубиха и Улахэ), 5) Посыетский (ныне Хасанский) район и Барабашский район, 6) район Южноуссурийский (реки Майхе, Цимухе, Сучан и Судзухе), 7) Пхусунский район и 8) Ольгинский район.

В Ольгинском районе, обследованном Арсеньевым в период 1910—1912 годов, описано, заснято топографически и сфотографировано 228 памятников старины. По мнению Арсеньева, его описания 228 памятников старины, вместе с 96 описаниями памятников, городищ и укреплений, произведенных Ф. Ф. Буссе и Кропоткиным до него, не составляют и десятой части всех древностей, находящихся на территории Приморья. Во вторую очередь необходимо произвести обследование памятников старины в северной Корее, прилегающей к Приморью, в восточной части Маньчжурии, в Амурской области и Амгунском районе.

12. Туземные способы соболевания в Уссурийском крае и скупка мехов. Владивосток, 1922. Промысловый очерк.

13. Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г. Изд. товарищества «Свободная Россия». Владивосток, 1923, 255 стр. с портретом и факсимиле автора, вкладной картой маршрутов путешествия в 1906 и 1907 годов в масштабе 40 верст в 1 дюйм, фотографиями и штриховыми рисунками. Стр. 235, 236—246 алфавитные указатели + IV (оглавление).

Продолжение путешествия в горную область Сихотэ-Алиня, совершенного в 1907 г. Работа в целом имеет большое научно-популярное и литературно-художественное значение.

Книга заканчивается описанием смерти Дерсу Узала, образ которого с чувством глубокого благоговения запечатлел и описал Арсеньев в этой книге.

14. [Arseniew, W. K.] In der Wildnis Ostsiбириens. Forschungsreisen in Ussurigebiet. Übersetzt von Franz Daniel. Geleitwort von Fritiof Nansen. Berlin, 1924, Band I, S. 444, mit 65 Abbildungen, zwei Gebirgsprofilen und einer vier farbigen Karten; Berlin, 1925, Band II, mit 90 Abbildungen, zwei Gebirgsprofilen und einer vierfarbigen Karten.

Перевод на немецкий язык книг Арсеньева «По Уссурийскому краю» (1921) и «Дерсу Узала» (1923), обильно снабженных фотографиями, опубликованными впервые. Изданы книги хорошо.

15. В кратере вулкана. (Восхождение на Авачинский вулкан летом 1923 года.) Изд. «Книжное дело». Владивосток, 1925, 31 стр. с 6 фотографиями.

Краткое описание Авачинского вулкана и совершенного автором подъема в 1923 году на этот вулкан. Дано описание спуска в кратер вулкана и характеристика фумаролл, струй газов и т. п. В конце книжки даны практические советы по восхождению на вулкан, названные автором «Опыт экскурсанта».

16. Дельфиний промысел. Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1925, 3—4, стр. 106—114.

Краткая характеристика белухи (*Delphinapterus leucas*), ее внешний вид и повадки. Районы массовой ее встречаемости и обитания. Способы охоты на нее (погоны за ними на лодках и загон их в мелкие места и стрельба из ружей). Использование мяса и шкуры белухи. Размеры промысла белухи в морях Дальнего Востока и типы промыслов на них. Стоимость продукции белух.

17. Гижигинский промысловый район. Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1925, 5 (стр. 17—37 с 2 вкл. таблицами, фото) и 6 (стр. 17—34 с 2 вкл. таблицами и фото).

В статье излагается материал, собранный автором в 1922 году. В главе «Природа и население» (№ 5) описываются границы и территория района, климат, гидрография и орография, лагуны, побережье моря и рыбные запасы и очень кратко сведения о растительности и населении.

В № 6 дана глава о хозяйстве, где излагаются сведения по рыболовству (о количестве вылавливаемой рыбы, орудиях лова), содержании собак, охоте на зверей, о морском зверобойном промысле с указанием видов животных и их лежбищ, оленеводстве, а также о состоянии и развитии в Гижигинском районе торговли.

18. Дорогой хитчик. Охота на соболя в Уссурийском крае. Изд. «Книжное дело». Владивосток, 1925, 32 стр. с 8 рис.

Описание соболя, его вида, окраски и условий обитания и его охоты за птицами и мелкими животными. Охота на соболя. Снаряжение охотников в лес. Приемы ловли соболя: выслеживание по снегу, лучковый способ, способ ловли петлями, китайский способ—ловля «плашками», норейский способ—ловля «мостом» и ловля соболя с помощью собаки.

Небольшой раздел работы посвящен опасностям заболевания (замерзание в тайге, несчастные случаи с лучками, нападение тигра и т. п.).

19. За соболями. Скупщики пушнины на Дальнем Востоке. Изд. «Книжное дело». Владивосток, 1925, 31 стр. с 3 фото и 2 рис. в тексте.

Подробно описывается снятие шкурки соболя и ее хранение. Указываются приемы и поверья китайцев, орочей и удэхейцев при снятии шкурок соболя и использовании мяса и пр. Разбивка шкурок по сортам. Роль шкурки соболя в экономике и быту местного охотничьего населения. Скупка шкурок у зверовщиков. История заболевания в Уссурийском крае китайцами и местными жителями тайги. Роль хунзузов в охоте за промышленниками. Техника скупки соболиных шкурок китайцами. В заключение приводятся факты суровых расправ хунзузов с соболевщиками.

20. Задачи исследовательских работ на Дальнем Востоке. Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1925, 2, стр. 74—78.

При исследованиях Дальнего Востока одни, помимо описаний, составляли съемки пройденных маршрутов, другие подробные описания, которые опубликовали в печати, третьи ограничивались представлением ведомственных отчетов и четвертые вовсе не составляли отчетов о своих работах. В связи с этим автор кратко указывает, что в крае имеются районы (северные части Дальнего Востока, центральная часть Сихотэ-Алиния, западная и северная части Амурской области и др.), о которых, несмотря на их близость к освоенным районам, достаточных сведений не имеется. Приводятся списки научно-исследовательских учреждений края, которым автор предлагает ряд вопросов для научной работы.

21. Искатели жень-шеня в Уссурийском крае. Изд. «Книжное дело». Владивосток, 1925, 22 стр. с 3 рис.

Описание корня жень-шеня (панцуй), его внешних признаков, размеров и условий произрастания.

Пути и условия культуры жень-шеня, а также способы приема как лекарства. Легенды о происхождении жень-шеня. Описание жень-шеньчиков: их одежда, орудия поиска, ритуал моления при находке корня, техника выкапывания, хранения и т. п. Арсеньев приводит характеристику жень-шеневых плантаций и китайцев, занимавшихся его разведением и промыслом.

22. Пути от Хабаровска на Советскую Гавань. Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1925, 11, стр. 17—40 с 3 табл. и 1 схем. картой проектом путей.

В связи с разработкой различных вариантов строительства новой железнодорожной магистрали из Хабаровска на Советскую Гавань, Арсеньев считает наиболее удобным путь по долинам рек Анюя, Кони и Хади, дает подробно характеристику районов следующих мест: хребта Хехцир, реки Унихи и Чирки, озера Петропавловского, р. Ситы, озера Синда, рек Немпту, Мухени, Садомабирани, Озерной, Пихцы, Анюя,

Дыями, Коли, истоков р. Хади, Советской Гавани. Кроме этого в качестве варианта приводится описание для рек Гобилли, Буту и истоков Хуту. Даются положительные и отрицательные стороны каждого варианта строительства железной дороги, причем автор высказывается преимущественно за первый вариант, а именно: Хабаровск—обход овер Петропанловского, Синдинского и Миновьев р. Пихцы—обход протоков и поемных лесов Анюя—перевал через Сихотэ-Алинь с р. Дыями на р. Иггу—спуск по р. Коли—путь по нижнему течению р. Хади с выходом на Советскую Гавань.

23. **Лесные люди удайцев.** Изд. «Книжное дело». Владивосток, 1926, 47 стр., с 7 фото и 2 рис. в тексте.

Автор готовил по этому вопросу большую работу—«Страна удахе», но опубликовать ее не успел. Настоящий очерк дает краткое и популярное изложение большой работы. Описываются достаточно подробно: внешний вид и быт удайцев, общественный строй и мировоззрение. Все главы брошюры содержат много этнографических материалов, собранных автором за годы работы в Приморье. Несмотря на краткость изложения, работа представляет удачный опыт этнографического описания народности «удахе», сведения о которой в научной литературе были неполны, сбивчивы и запутаны.

24. **Работа отделов Р. (усского) географического общества на Дальнем Востоке.** Известия Государственного Русского географического общества. М.—Л., 1926, т. VIII, вып. 1, стр. 176—178.

Информационное сообщение о краеведческом совещании, которое состоялось 22—24 мая 1925 года в Хабаровске. Даны краткие обзоры докладов Харчевникова (Забайкальского отдела), Федорова (Южноуссурийского отделения), Савича (Научно-исследовательский институт), Арсеньева (Хабаровского отдела) и др.

25. **Районирование Дальнего Востока для преимущественного изучения тем или иным отделом РГО.** Известия Государственного Русского географического общества. М.—Л., 1926, т. VIII, вып. 1, стр. 178—182.

Доклад Арсеньева, сделанный им на краеведческом совещании в Хабаровске 22—24.V.1925 года, где он попытался определить задачи и сферу деятельности каждой в отдельности организации отдела Русского географического общества. Было высказано пожелание об открытии новых отделов Общества, об учете сил краеведов, об экспедиционной деятельности и изданиях.

26. [Arseniew W. K.] **Russen und Chinesen in Ostibirien.** Übersetzt von Franz Daniel. Berlin, 1926, S. 229, mit 103 Abbild. und einer Karte.

Этот труд является почти дословным переводом книги автора «Китайцы в Уссурийском крае». Книга издана хорошо и иллюстрирована многими фотографиями автора, изданными впервые.

27. **Естественно-исторические факторы колонизации Дальнего Востока.** Первая конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока, тезисы докладов. Изд. Далькрайплана. Хабаровск, 1926, стр. 10—11.

Доклад Арсеньева на пленарном заседании конференции об условиях и состоянии колонизации на Дальнем Востоке. Он находит, что существующий земледельческий фонд исчерпан полностью и может быть увеличен лишь при условии проведения широких мелиоративных мероприятий государственным аппаратом. Считает, что на Дальнем Востоке возможны четыре колонизационных базы: побережье от Посыета до залива Де-Кастри, бассейн левых притоков р. Амура и правых притоков р. Усури, северная—выше границ земледелия края и смешанная промышленно-земледельческая колонизация. Считает также, что промышленная колонизация—единственная форма колонизации для большей части Дальнего Востока.

28. **Население Дальнего Востока как производительный фактор.** Там же, стр. 61. Тезисы доклада, опубликованного впоследствии им отдельно и совместно с Е. И. Титовым (см. № 29 и 35).

29. (Совместно с Титовым Е. И.) **Население, как производительный фактор.** Сборник «Экономика Дальнего Востока» под ред. Колосовского, Лагутина и Целищева. Изд. «Плановое хозяйство» Госплана. М., 1926, стр. 50—77, с 6 фото в тексте.

Работа, близкая по содержанию к статье № 33, включает в себя материал по этнографическим группам Дальнего Востока. Авторы установили 4 группы: европейцы (великороссы, украинцы, белорусы и молдаване), культурные народы Восточной Азии (китайцы, корейцы и японцы), аборигены (турко-татары, тунгусо-маньчжур, палеазиаты) и метисы (забайкальские камчадалы, местные жители Гижигинского уезда и бассейна Анадыря). Кроме этого дополнительно выделены еще 10 прочих народностей,

подробных описаний которых не дается. Вторая часть статьи посвящена характеристике европейцев, третья—культурным народам Восточной Азии, четвертая—аборигенам, пятая—метисам. В каждой части сравнительно кратко описываются народности, огневые авторы к этим группам по типическим национальным чертам, бытовому укладу и численности по Дальнему Востоку. Авторы, разрешая этнологическую проблему, будущее на Дальнем Востоке видят в великороссах, китайцах, якутах и чукчах. Все остальные народности, по их мнению, будут и должны быть ассимилированы. Социально-экономические условия и факторы не разобраны, а отсюда и вся работа требует более внимательного обсуждения и критики

30. Северное побережье в колониационном отношении. Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1926, 3, стр. 134—147, с 1 табл. фотографий.

На основании материалов, собранных автором в 1908—1912 годах и производителем работ Переселенческого управления ДВК Верхонским в 1924 году, Арсеньев дал характеристику северного побережья, на участке от мыса Гилляк до залива Де-Кастри, и климата с массой данных прикладного характера. Описываются также леса, фауна района, ватем пути сообщения и состояние освоения побережья с указанием мест для колонизации. В заключение подчеркивается необходимость более разумного отношения к богатствам природы и к сохранению их от лесных пожаров.

31. В дебрях Уссурийского края. С рис. С. И. Яковлева. Обложка Г. Я. Комарова. Предисловие Фригиофа Нансена. Портрет Арсеньева. С картами, рисунками и приложениями туземных названий и списка рисунков. Изд. «Книжное дело». Владивосток, 1926, 464 стр.

31-а. То же. Изд. 2-е. Изд. «Книжное дело». Хабаровск—Владивосток, 1929, стр. 456, илл., карты, 1 вкл. лист, портрет. Предисловие Фригиофа Нансена. Письмо А. М. Пешкова к В. К. Арсеньеву и письмо рабочих Селемджинской экспедиции ДВ РПУ.

Под таким названием книга вышла при жизни автора и составлена им из его книг «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». При составлении этой книги Арсеньев значительно сократил обе указанные, опустив детали, латинские названия животных и растений, транскрибированные китайские и прочие названия и т. п. Книга эта, несмотря на сокращение, не потеряла своего значения. В дальнейшем уже после смерти Арсеньева ни одно из издательств не выпускало в свет работ автора под таким названием.

31-б. У петрах Уссурийского края. Скарочаны пер. в русскую мову. М. Гарюкаго. Бел. Дзярж. вид-ва, Менск, 1929, 194 стр.

Перевод книги В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» на белорусский язык.

32. Колониационные перспективы Дальнего Востока. Производительные силы Дальнего Востока, т. V, Человек. Хабаровск, 1927, стр. 31—44, с 4 фотографиями в тексте и картой Дальнего Востока, показывающей типы колонизации.

Роль и значение южных частей Дальнего Востока для колонизации. Высказывается мысль, что до колонизации Дальнего Востока пришлым населением, желательнее устроить население малых народностей края—истинных аборигенов Приморья. Приводится материал по условиям колонизации в их положительном и отрицательном значении. Арсеньев рисует картину заселения Приморья его со времен Бохая и подчеркивает отрицательную роль частых здесь наводнений. Русские в 1857 году встали еще сильное продвижение китайцев в южном Приморье, которое длилось до 1905 года, когда сюда начали идти русские переселенцы. То же сказано и о колонизации корейцев, которые ушли к северу гораздо дальше до р. Тумнина. Устанавливается, что район от залива Ольги до р. Самарги является земледельческим, дальше к северу—промышленным. Автор считает, что центральная часть Сихотэ-Алиния была, есть и будет лесной пустыней, где не будет большой колонизации. Амурская область относится к району благоприятному для колонизации. Камчатка имеет перспективу небольшую. Автор выдвигает ряд положений о возможностях земледельческой, промышленной и смешанной колонизации. Высказывается он также и об усилении скотоводства, включая оленеводство. Статья носит во многих местах спорный и дискуссионный характер.

33. Население Дальнего Востока как производительный фактор. Производительные силы Дальнего Востока, т. V, Человек. Хабаровск, 1927, стр. 3—15, с 6 фото в тексте.

Сокращенное изложение работы, опубликованной в Москве в 1926 году (см. № 29). Указывается, что на Дальнем Востоке живут 42 этнические единицы, из которых

22 туземных, 11 европейских, 3 восточно-азиатских и 6 метисов, которые образуют 4 основные группы: европейцы, культурные народы Восточной Азии, аборигены страны и метисы.

Дается краткая характеристика каждой группы и народностей, входящих сюда. Приводятся условия их жизни и отличие характера и степени борьбы за освоение земель Дальнего Востока. Даются цифровые показатели численности отдельных народностей. Арсеньев считает, что наиболее жизнеспособными являются великороссы, китайцы, якуты и чукчи. Все же остальные народности, по его мнению, играют второстепенную роль.

Работа имеет ряд безусловно неверных утверждений и интересна лишь как дискуссионный материал.

34. Тихоокеанский морж. Изд. «Книжное дело». Хабаровск—Владивосток, 1927, 40 стр. с 4 фото и 1 картой Чукотского полуострова с указанием лежбищ моржей.

Подробное описание тихоокеанского моржа *Frischechus rosmarus* T. Obesus, его пищи, условий размножения, нравов и поведенческих особенностей. Описываются промысловые суда, орудия промысла и охота за моржами, а также враги моржа. Использование моржа: разделка зверя на кожу, жир, мясо, кости, кишки, мочевой пузырь и клыки.

Значение моржей для туземного населения и промысла на них и борьбы с американским хищничеством.

35. (Совместно с Титовым Е. И.) Быт и характер народностей Дальневосточного края. Изд. «Книжное дело». Хабаровск—Владивосток, 1928, 83 стр. с 49 фото и рис.

В небольшой брошюре авторы сообщают о народностях, населяющих Дальний Восток, и, в частности, о путях и формах хозяйственного освоения занятых территорий в связи с привычками и традициями своей первоначальной родины. Сведения о верованиях, социальном строе, языке и пр. опущены. Всего упоминается о 23 крупных народностях: о русских, культурных народах Восточной Азии, аборигенах и метисах. Многие факты и выводы даны без каких-либо анализов, и поэтому кажутся необоснованными, а в некоторых случаях спорными и даже неверными. Анализ социально-экономических причин отсутствует. Пользование книгой возможно лишь при строгом критическом анализе материала.

36. Предисловие к книге С. И. Яковлева «Братья Худяковы». Изд. «Книжное дело». Хабаровск—Владивосток, 1928, 10 стр.

37. Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири. Записки Владивостокского отдела Государственного Русского географического общества (Общество изучения Амурского края), т. III (XX), вып. II. Владивосток, 1929, стр. 273—296.

На основании известных данных о ледниковой эпохе Евразии приводятся факты, свидетельствующие о наличии этой эпохи на Дальнем Востоке (Кольма, бухта Чаун, Чукотский полуостров и др.). В разделе статьи «Ископаемые животные» приводятся места находок остатков мамонта, носорогов и других животных на Камчатке (между Щалиной и Мащурой), на о. Медном, на побережье Ледовитого океана, около Чаунской губы. В разделе «Остатки субтропической флоры и фауны на Дальнем Востоке» автор вначале высказывает соображения о нахождении здесь ледников или ледниковых образований. По мнению автора, основанному на том, что в долине рек Усури и Амура не зарегистрировано ледниковых следов, ледников не было совершенно, хотя к северу от низовья Амура они и отмечены. Флору и растительность, а также фауну Амурского края, Маньчжурии и Японии автор относит к реликтовым образованиям, подвергавшимся большому изменению. Арсеньев называет ряд реликтовых представителей—маньчжурскую аралию, чертово дерево, белый орех, кишмиши, жень-шень, уссурийского тигра, красного волка и многих редких представителей населяющих и др. Раздел «Каменный век Сибири» трактует о границе остатков различных палеонтологических групп населения, которая идет от нижнего течения р. Колымы до Гижигинской губы в заливе Шелохова, что отделяет Азию от Америки. Очеловеченный медведь приводится автором как остаток древних религиозных представлений. Наконец, в разделе о первобытном населении указывается на народности палеазиатского происхождения.

38. Сквозь тайгу. Путевой дневник экспедиции по маршруту от Советской Гавани к городу Хабаровску. Библиотека экспедиций и путешествий. Изд. «Молодая гвардия». М.—Л., 1930, 195 стр., с 25 фото и 2 картами. 2-е издание.

Отдельный раздел книги составляет вышедший после смерти автора очерк «В дебрях Приморья» (см. № 41).

Дано популярное описание последней экспедиции автора через Сихота-Алинь, совершенной в 1927 г. Изложение материала следует строго путевому дневнику.

38-а. То же. Библиотека советской экспедиции. Изд. японской и петской литературы «Молодая гвардия». М., 1931, 94 стр., портрет Арсеньева. (Для детей старшего возраста.)

Издание несколько сокращено против предыдущего, более популярно и содержит ряд фотографий.

39. Дерсу Узала. В обработке и под редакцией И. Халтурина. С предисловием А. М. Горького, портретом Арсеньева и его факсимиле. ОГИЗ «Молодая гвардия». М., 1932, 348 стр., с многими рис. (Для детей старшего возраста.)

Состоит из трех частей, объединяющих воедино две ранее опубликованные книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала».

39-а. То же. Изд. 2-е. М., 1934, 292 стр., илл., 1 карта.

39-б. То же. Изд. 3-е. М., 1936, 284 стр., илл., 1 карта.

39-в. То же. Изд. 2-е. Детгиз. М., 1934, 343 стр., илл.

39-г. То же. Изд. 3-е. Детгиз. Рис и обл. Л. Бруни. М., 1935, 343 стр., илл.

39-д. То же. «Школьная библиотека». М.—Л., 1937, 268 стр., илл.

39-е. То же. Изд. Детской литературы ЦК ВЛКСМ «Моя библиотека» М.—Л., 1936, 393 стр., 2 карты.

39-ж. То же. Изд. 4-е. М., 1935, 269 стр., илл., портрет Арсеньева.

39-з. То же. «Наша Родина». М., 1944, 226 стр., илл. и фотографии Арсеньева и Дерсу Узала.

В последнем издании соединены фактически две книги автора: «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», но многие главы первых двух книг, отличающиеся особой оригинальностью, здесь опущены.

Сокращение сделано самим издательством, и по нашему мнению совершенно неоправданно присваивать этой книге название «Дерсу Узала», так как она не дает полного обзора Дерсу Узала и может внести только путаницу в детские головы. В книге есть небольшое предисловие о В. К. Арсеньеве, составленное И. Халтуриним. Оно дает краткую биографию исследователя и обзор его работ в Приморье. Кроме того, приложено письмо А. М. Горького к Арсеньеву с отзывом об его книге.

40. В делях Приморья. Изд. «Молодая гвардия», 2-е изд. М., 1934, 285 стр. со многими штриховыми рисунками.

Эта книга вышла уже после смерти автора и полностью составлена издательством «Молодая гвардия». В состав ее входят:

I часть—Рассказы: Быгин-Быгинен. В тундре. Фальшивый зверь. Соболь. Охота на соболя. Опасность соболевания и восхождение на Авачинский вулкан. Первые шесть рассказов публикуются впервые. Последний рассказ был напечатан ранее под названием «В кратере вулкана» (см. № 15) в 1925 году и неясно, кто дал новое название этому рассказу—автор или издательство.

II часть—Очерк «Лесные люди» был опубликован автором в 1926 году под названием «Лесные люди удэгейцы».

III часть—«Сквозь тайгу»—этот очерк также был опубликован при жизни автора в 1930 году.

Два первых рассказа первой части относятся к периоду путешествия Арсеньева в 1917 году в горную область Ян-де-Янга. Эти рассказы, видимо, должны были по замыслу автора составить книгу его путешествий в названную горную страну. Остальные четыре рассказа написаны по материалам путешествия в Приморье. Все рассказы имеют краеведческий интерес, написаны в живом и увлекательном стиле.

По ознакомлении с этой книгой невольно возникает вопрос к издательству «Молодая гвардия»—почему в книгу «В делях Приморья» включены разобщенные и не имеющие никакого отношения к Приморью рассказы: «Восхождение на Авачинский вулкан», «Быгин-Быгинен» и «В тундре». Нам думается, что это совершенно не оправданная «вольность» редакции издательства.

40-а. То же. Изд. 3-е, переработ., с послесловием Д. Кутузова. М., 1936, 213 стр., илл.

41. В горах Уссурийского края. Скоротив и переклад П. Довгопiл. Харкiв, Книв Изд. «Молодий більшовик», 1931, 353 стр., илл.
Перевод книги «В дебрях Уссурийского края» на украинский язык.
42. Голодовка на реке Хуту. Неопубликованный отрывок из записок В. К. Арсеньева о путешествии на северную часть Сихотэ-Алиня в 1908 г. Журнал «На рубеже», 2, 1934, Дальгиз, Хабаровск, стр. 104—110.
43. Дерсу Узала. Переклад В. Давиденко.—Дитвидав. Харкiв—Одеса, 1935, стр. 297, с картами и рисунками и предисловием А. М. Горького. Перевод на украинский язык книги Арсеньева «Дерсу Узала».
- 43-а. То же. Вид. 2-е. (Повiст про експедицию в Уссурийский край). Харкiв—Одеса, 1937, 299 стр., илл. «Шкiльна библиотека». Дод: лист А. Пешкова (М. Горького) до В. К. Арсеньева.
- 43-б. Дерсу Узала (Аповeшь). Переклад с русской мовы Р. П. Кутылоускi. Бел. Дзярж. вид-ва, 1933, Менск, 325 [2] стр., з илл. Лiст М. Горького да Арсеньева. Перевод книги В. К. Арсеньева «Дерсу Узала» на белорусский язык.
- 43-в. Дерсу Узала ДВ Бел. Дзярж. вид-во, Менск, 1940, 368 стр. с илл.
44. Stopar Dersu Uzala. Z russk. pveložil Václav Valenta. Alfa I, vačlar Fiala. Praha. Státnina kladatelstvi v Pzaze. 1934. 191 стр., илл., карта.
Перевод на чешский язык книги Арсеньева «Дерсу Узала».
45. [В. К. Арсеньев]. *Нерсу Узала*. Екλοτιко «Κομυниστις». Ροσтов—Нтон. 1935, стр. 347, с иллюстрациями, картой Уссурийского края, портретом Арсеньева, фотографией Дерсу Узала и письмом А. М. Пешкова (Горького).
Перевод книги «Дерсу Узала» на греческий язык.
46. По Уссурийскому краю. З російскоi переклад В. Давиденко. Изд. «Молодий більшовик». Книв, 1936, 293 стр.
С предисловием Фритиофа Нансена и В. Вольнского (1—12 стр.) и очерка Т. Самсонова «В. К. Арсеньев—мандри́вник, натуралист, этнограф, художник» (стр. 13—19).
Книга является переводом одноименной книги Арсеньева на украинский язык.
47. По реке Самарги. Журнал «Наука и жизнь». М., 1936, № 11, стр. 1—23, 5 рис.
Небольшой очерк из путешествия автора в северную часть Сихотэ-Алиня, который впоследствии вошел в книгу «В горах Сихотэ-Алиня».
48. *Taigas mednieks*. Tulkojis Valdis Grezins Riga, Valtera un Rapas, 296 p., ill.
Перевод на латышский язык книги Арсеньева «В дебрях Приморья».
49. Последнее путешествие по Уссурийской тайге. Журнал «На рубеже», 4, 1939, Дальгиз, Хабаровск, стр. 142—152. [Предисловие С. М. Наумова.]
Арсеньев не успел обработать и опубликовать полностью путевые очерки и наблюдения из последнего своего путешествия 1927 года по маршруту Советская Гавань—Хабаровск (если не считать книги «Сквозь тайгу»). Но так как из различных мест своего путешествия, особенно с западных склонов Сихотэ-Алиня, куда он вышел в августе 1927 года, Арсеньев посылал письма в редакции дальневосточных газет, то это дало повод С. Наумову поместить эти письма на страницах журнала «На рубеже» в виде следующих статей:
1) Полярная тундра Уссурийского края (4 августа 1927 года, р. Анюй, верхнее течение, устье р. Тормасунь, стр. 142—143);
2) Шаровая молния (стр. 144—146);
3) Работа стихии (6 августа 1927 года, р. Тормасунь, приток р. Анюй, стр. 146—148);
4) Домик на Анюе (15 августа 1927 года, стр. 148—149);
5) Утесы Мэка (р. Мухень, Нельта, 14 сентября 1927 года, стр. 150—152).
Совершенно неправдоподобно дано С. Наумовым название первого рассказа. Полярной тундры в Приморье нет и Арсеньев такое название своей статье дать не мог. Рассказ «Утесы Мэка» имеет и другое название—«Молчаливые горы».
50. 1) Быгин-Быгинен. 2) Гора Лао-Хутун. Журнал «На рубеже», 1940, кн. 2, март—апрель. Дальгиз, Хабаровск, стр. 103—108.

В примечании С. Наумова говорится, что первый рассказ был опубликован впервые в газете «Тихоокеанская звезда» и относится к путешествию Арсеньева в горную область Ян-де-Янге в 1917 году (северо-восточная часть Амурской области). Второй рассказ записан С. Наумовым со слов Арсеньева, в одну из товарищеских встреч, когда Арсеньев с подъемом рассказывал о своих путешествиях, в частности, о скалах и пещерах горы Лао-Хутун, с которыми связано не малое число суеверий и преданий местных охотников—орочей и удэгейцев. Рассказ записан хорошо, почти с соблюдением стиля самого Арсеньева.

51. В горах Сихотэ-Алиня. Очерк экспедиции Русского географического общества 24.VI 1908—20.I 1910. Изд. «Молодая гвардия». М., 1937, 274 стр., илл.

51-а. То же. Десятидат. М.—Л., 1940, 248 стр., со многими фото, рисунками и конюшками и 1 картой маршрута Арсеньева в 1908—1909 гг.

Эта книга подготовлялась к печати самим автором, но полностью им не была закончена. В ней описывается экспедиция Арсеньева 1908—1909 годов, организованная в северную часть Приморья в честь 50-летия присоединения Приамурского края к России. Экспедиция продолжалась 19 месяцев и имела много трудных переходов и приключений.

Изложение ее построено так же, как и в книгах «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Увала», живо и интересно. Всего в книге 20 отдельных глав-рассказов, многие из них имеют исторический и краеведческий интерес.

В послесловии к книге, написанном К. Г. Абрамовым, показывается, что спустя большой промежуток времени в местах, где Арсеньев прошел в 1908—1910 годах, произошли исключительные перемены: в природе, быте малых народностей (удэгейцев и орочей), хозяйстве и промышленности края. К. Г. Абрамову, также много бродившему по Приморью, удалось образно показать эти сдвиги.

Эта книга Арсеньева читается с особым вниманием и интересом.

52. В тундре. (Из воспоминаний о путешествии по Восточной Сибири). «Новый мир», 1928, № 11, стр. 258—266.

Популярный, художественно и живо написанный очерк о путешествии в начале 1918 года в горную область Ян-де-Янге.

53. Путевые записки. (Научная экспедиция 1909 г. от Советской Гавани до залива де Кастри). В кн.: «Год девятнадцатый», т. 10. Москва, 1936, стр. 319—371.

Заканчивая обзор всего печатного наследия В. К. Арсеньева, необходимо упомянуть, что в библиографии Э. Н. Матвеева «Что читать о Дальневосточной области» (Владивосток, 1925) приводится без всяких библиографических данных статья В. К. Арсеньева «Шаманство удэгейцев», 1918.

Сам Арсеньев ни в одной из своих работ и библиографий о такой статье не упоминает. Вероятно, она помещена случайно, быть может по одной лишь ваявке Арсеньева, который, возможно, предполагал на эту тему что-нибудь написать. Это требует выяснения и проверки.

По отдельным же записям и объявлениям самого Арсеньева им готовились к печати следующие работы:

1. Классификация памятников старины в Уссурийском крае.
2. Памятники старины в Уссурийском крае.
3. Путешествие на Камчатку в 1918 году.
4. Страна Удэхе (Опыт этнографического исследования в Уссурийском крае).
5. Теория и практика путешествий в Приамурском крае.
6. Экспедиция в горную область Ян-де-Янге в 1917 году.

Состояние этих материалов или рукописей автору настоящей работы неизвестно. В архиве Приморского филиала Географического общества СССР они отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА о В. К. АРСЕНЬЕВЕ

Ниже мы приводим некоторые опубликованные работы, связанные с деятельностью Арсеньева.

1. Аристов Ф. Ф. В. К. Арсеньев. В дебрях Уссурийского края (с портретом автора и многими рисунками) «Известия ВЦИК» 30. IX 1926, № 225.

Рецензия на издание «Книжное дело». Владивосток, 1926.

2. Аристов Ф. Ф. Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский). Землеведение. Географический журнал им. Д. М. Анучина под ред. А. А. Борзова, т. XXXII, вып. III—IV М., 1930, стр. 208—243 (с приложением списка работ).

Исключительно важная для биографии Арсеньева работа, составленная Аристовым Ф. Ф. по рукописи Арсеньева «Воспоминания» (которая, видимо, должна ныне считаться утраченной). В обстоятельной статье приведены сведения о родителях, сестрах и братьях Арсеньева, детских и юношеских годах его, а также о дальнейшей деятельности в Уссурийском крае. Библиографический список работ содержит 25 названий и не является исчерпывающим.

3. Бопч-Осмоловский А. В. К. Арсеньев. Сквозь тайгу. Путевой дневник экспедиции по маршруту от Советской Гавани к городу Хабаровску. «Молодая гвардия», М.—Л., 1930, 8°, 199 стр.; «Советская Азия», М., 1930, кн. V—VI, стр. 356 (рецензия).

4. Буланков И. Исследователь Дальнего Востока (с портретом В. К. Арсеньева) Журнал «Охотник и рыбак Сибири», № 10, октябрь, 1930, 9 стр. (некролог).

5. Ванин А. В. К. Арсеньев (1872—1930 гг.). «Сибирские огни», № 8, сентябрь—октябрь 1930, стр. 117—118.

6. Горький А. М. Из неопубликованной переписки. (Вступительная статья редакции). Журнал «Дальний Восток», 3, 1946, стр. 141—144.

7. Державин А. П. Памяти В. К. Арсеньева. Рыбное хозяйство Дальнего Востока, 9. II 1930, Владивосток, стр. 1—2.

8. Каргер И. В. К. Арсеньев. Журнал «Советский Север», 1931, № 1, стр. 135—137.

9. Комаров В. Л. В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю (Дерсу Узала), путешествие в горную область Сихота-Алинь. Владивосток, 1921, стр. 1—280, VI, XVI; В. К. Арсеньев. Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г. Владивосток, 1923, стр. 255, V. Изв. Русского географического общества, т. 61, 1924, вып. 2, стр. 180.

10. Леопов Н. Памяти В. К. Арсеньева. (умер 5. IX. 1930 г. во Владивостоке). «Советский Север», 1931, № 1, стр. 133—134.

11. Мельчин А. Следопыт Дальнего Востока (В. К. Арсеньев). Сборник «Советское Приморье». Лит.-художественный альманах, вып. 2. Владивосток, 1944, стр. 210—217 (210—216—биографические сведения и оценка деятельности, 216—сведения об избрании В. К. Арсеньева членом различных ученых обществ, 217—список работ Арсеньева—23 названия).

12. Половинкин А. А. В. К. Арсеньев (некролог). Советская Азия, кн. V—VI. М., 1930, стр. 327—331, с портретом и списком работ Арсеньева (26 названий и 3 работы с указанием деятельности Арсеньева).

13. Поляновский, Макс. Русский Фенимор Кунер. Журнал «Вокруг Света», 1930, №№ 25—26, стр. 397, с портретом В. К. Арсеньева.

Краткий некролог о В. К. Арсеньеве в связи с сообщением о его смерти. В сообщении отдельных фактов много неточностей.

14. (Аноним). Арсеньев В. К. В дебрях Уссурийского края. Владивосток, 1926, изд. «Книжное дело», стр. 464 (Рецензия). Известия Госуд. русского географического общества, т. VIII, вып. 1. М.—Л., 1926, стр. 188.

15. Редакция (журнала «Землеведение»). В. К. Арсеньев. «Землеведение», т. XXII, вып. III—IV. М., 1930, стр. 207.

16. Сергеев Иван. Дерсу из рода Уаала. «Вокруг света», 1946, № 2, стр. 63. Сообщается о выходе книги Арсеньева «Дерсу Уаала», изд. в 1944 году, и приведены 2 фотографии обложки книги и портрет В. К. Арсеньева с Дерсу Уаала.

17. Шкуркин П. В. Протоколы публичных заседаний Общества русских ориенталистов (6—15 июня 1916 г.). Вестник Азии, кн. II—III, Харбин, 1916, стр. 324—345.

В июне 1916 г. на заседаниях Общества русских ориенталистов В. К. Арсеньев сделал пять докладов. Доклады эти по массе сообщенных в них новых, оригинальных сведений представляют значительный интерес. Преждевременная смерть не позволила автору обработать и опубликовать эти материалы, в связи с чем считаем бесполезным рекомендовать читателям ознакомиться с содержанием их. Надо думать, что П. В. Шкуркин при составлении протоколов пользовался конспектами докладов, которые, видимо, были вивированы самим В. К. Арсеньевым.

Ниже помещаем аннотации указанных докладов, каждую за особым номером.

1. Протокол публичного заседания Общества русских ориенталистов от 6. VI. 1916 г. Сообщение 1-е—«Краткий физико-географический очерк бассейна р. Амура». Там же, стр. 324—331.

Даются сведения о площади Приамурского края и главнейших горных систем: Хингане, Тукурингре, Сихота-Алине и Малом Хингане, причем подчеркивается, что в геологическом прошлом они были значительно выше, нежели теперь. Отдельные хребты и горы (Хехцир) являются остатками размытых хребтов, погребенных в толще послетретичных образований. Татарский пролив В. К. Арсеньев считает областью двукратного опускания морского дна. Подъемы береговой линии моря отмечены для северных районов (Советская Гавань). Озеро Ханга и средняя часть Амура представляют собой огромные впадины, а ряд северных проливов—глубокие провалы. Докладчик отмечает весьма пеструю картину животного и растительного мира: северные формы перемешаны с южными, сохранившимися от послетретичной эпохи. Граница вечной мерзлоты совпадает предположительно с границами ледникового покрова и одновременно с южной границей золотых россыпей.

Климат Приамурья Арсеньев делит на три части: а) Амурскую—континентальную на протяжении всего года, б) бассейн Усури и нижнюю часть Амура—континентальную (полгода) и морскую (полгода) в в) Зауссурийскую с обособленным климатом. В районе Зауссурийского края при движении от моря к Сихота-Алиню на каждые 60 км разница фенологических явлений составляет около 2 недель. Между побережьем Японского моря и районом бассейна р. Усури—разница один месяц.

Приведены данные о протяженности рек, характере их течения и наводнениях. Флору бассейна докладчик подразделяет на три области: маньчжурскую, даурскую и охотскую, причем проводниками первой он считает долины, второй—холмы и нагорья и третьей—высокие горные хребты и водоразделы.

Граница маньчжурской и даурской флоры проходит по Хингану, пересекает Шилку и далее идет по Яблоповому хребту. Граница маньчжурской и охотской проходит по р. Горину, через Амур, Сихота-Алинь и на мыс Олимпиады.

Отмечается большое влияние лесных пожаров, которое заметно сказывается на лесах и численности зверя и птицы, удаляющихся от пожаров вглубь тайги.

Даны северные и южные границы ареалов отдельных животных, наиболее характерных для края, а также типичной ихтиофауны.

Касаясь транспортных путей, В. К. Арсеньев отметил, что в южной части Приморья их довольно много. В большинстве своем они существуют еще с времен Бохайского государства. На севере же дорог очень мало. Единственными повсеместными путями сообщения являются реки.

Даны сжатая характеристика населения и обзор хозяйственной его деятельности.

В конце сообщения Арсеньев проводит мысль, что в будущем Уссурийский край (Приморье) будет играть роль буфера против натиска желтой расы: японцев, корейцев и отчасти китайцев.

2. Протокол публичного заседания Общества русских ориенталистов от 8.VI. 1916. Сообщение 2-е—«Наши американоиды». Там же, стр. 331—335.

Народности Приморья (орочи, удайцы) сохранились в далеких горах Сихотэ-Алиня. Их культура почти не затронута современной цивилизацией. Советская Гавань (ранее местность «Хад») была их колыбелью. В 1860 г. эти народности спустились до крайнего юга Приморья (Посыет), но ватем отошли на север и сильно изменили свой облик и быт и продолжают ассимилироваться с новым приходящим населением. Оказавшиеся удайцы—тавы. Язык у них смешанный—орочско-китайский.

Чистокровные удайцы живут в северной части Приморья и сохранили в своем быту, хозяйственном укладе, языке и верованиях много своего, оригинального. Орочи отличаются себя от удайцев, хотя и живут рядом с ними. Севернее их живут тунгусы, ольчи, а на западе с выходом в бассейн р. Амура—гольды (ныне манайцы).

В жизни орочей и удайцев с незапамятных времен произошло много перемен. Цивилизация в очень сильной степени действует на орочей. Далее Арсеньев отмечает этнографические особенности орочей: внешний облик, одежду, быт, хозяйственный уклад, брак и семейные отношения, психологию. Примерно по этой же схеме он характеризует и удайцев, кратко останавливаясь и на их религиозных верованиях.

3. Протокол публичного заседания Общества русских ориенталистов от 10.VI. 1916 г. Сообщение 3-е—«Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу». Там же, стр. 335—339.

Краткое изложение религиозных представлений и обрядов удайцев. Указывается наличие обычая кровавой мести за всякое насильственное умерщвление кого-либо из удайцев. Иногда кровавая месть заменяется штрафом, устанавливаемым третейским судом, обычно более распространенным у орочей. Религия орочей—анимистическая. Арсеньев перечисляет орочские божества, которые по их представлениям все смертны: бог лесов—Онку, бог моря—Гинихи, злые боги—горный дух Каваму, чорт—Боко, тигр—амба. Самый страшный дух—птица Окзо.

Рассказывает далее о празднике убийства медведя у орочей, съедения головы медведя у удайцев, о приметах и предрассудках, которым строго следуют орочи и удайцы, о шаманах, их посвящении и камланиях. Особо отмечает обычаи и обряды, связанные с погребением умерших и исполнением траура. Указывает на сдвиги в религиозных представлениях и, главным образом, в хозяйственном укладе орочей и удайцев, связанных с приходом гиляков, китайцев и русских.

4. Протокол собрания Общества русских ориенталистов от 13.VI. 1916 г., на котором В. К. Арсеньев был избран почетным членом Общества. Там же, стр. 339.

5. Протокол публичного заседания Общества русских ориенталистов от 10.VI. 1916 г. Сообщение 4-е—«Этнологические проблемы на востоке Сибири». Там же, стр. 50—76, карта на стр. 339.

Это сообщение напечатано полностью в том же номере журнала. Краткое содержание его приведено в настоящем списке работ В. К. Арсеньева (см. № 6 на стр. 82).

6. Протокол публичного заседания Общества русских ориенталистов от 15.VI. 1916 г. Сообщение 5-е «Археогеография. Памятники старины в Уссурийском крае и в Маньчжурии». Там же, стр. 340—345.

Первый, кто обратил внимание на памятники старины Уссурийского края и Маньчжурии, был, по сообщению Арсеньева, архимандрит Палладий. Он из-за преждевременной смерти не успел сообщить результаты своих исследований. Буссе и Кропоткин описали затем 96 памятников старины и опубликовали свои исследования о них. Лично Арсеньев изучил и описал 228 памятников старины, но опубликовать результаты своих наблюдений ему так и не удалось.

На территории нынешнего Приморья, по сообщению Арсеньева, в далеком прошлом обитал ряд племен (сушени, ламолу), которые не были объединены каким-либо государством. Арсеньев упоминает также о племени фу-юй, жившем в III—XI веках по обеим сторонам хребта Чао-бо-Шань. Впоследствии это племя было целиком истреблено соседями. В районе верховьев р. Сунгари жили мохэйские тунгусы, а к востоку от них монголо-маньчжурское племя киданей. В половине VII века возникло культурное государство Бохай, которое имело связь с указанными выше племенами.

В начале X века кидане освободились от корейского влияния и государство Бохай распространилось до Ханки и Сучана.

В XII веке мохэйские тунгусы разгромили Бохайское государство и овладели еще и Китаем. Одновременно с этим другое тунгусское племя Чжурчжэни, на базе этого государства, создало новое царство Цзинь (Золотое), с границами почти до Амура. К эпохе этого государства и относится большинство памятников старины, сохранившихся до наших дней.

История края в период с XIII по XIX век темна. После ряда войн и чумных болезней, уничтоживших почти все население, в нашем крае наступило запустение и тогда северные охотничьи племена спустились к югу и заняли весь Уссурийский край. В дальнейшем междоусобная война шла на территории собственно Маньчжурии, Уссурийский же край оставался в стороне.

История Уссурийского края складывается из 6 периодов:

1. Эпоха первобытного человека (каменный век).
2. Борьба культурных маньчжурских племен с древнейшими обитателями страны до XII века.
3. Царство Бохай с VIII по XII век.
4. Цзиньская (Золотая) империя до 1386 г.
5. Период запустения до XIX столетия.
6. Жизнь свободных китайцев (мань) и первое появление русских.

Бронзовый век отсутствует. Каменные орудия долго держались наряду с железными.

Из остатков в крае находят кучи битых раковин и ямы—остатки жилищ. На горах и их склонах встречаются ямы, обложенные камнями. Известны террасовидные укрепления в котловинах, с ключом внутри их. Помимо каменных орудий находят и глиняные черепки. На горах и в долинах находили целые городища, где за большими укреплениями располагались жилища с большим количеством остатков орудий, рагушек и пр. Там же находили каменные бомбы, которыми стреляли из катапульт, и другие остатки самых разнообразных предметов.

Последние древние обитатели занимались земледелием: на пашнях и сейчас можно найти ступы, котлы, жернова, лемехи плугов и т. п. В крае встречается много остатков древних дорог.

Отдельные государства разрабатывали недра. Так находят остатки серебряных и медных рудников и пр.

В ряде районов (р. Инча Амурской обл., село Витское на Амуре, р. Уссури между р. Хором и Хехцирским хребтом, Макрушинская пещера в Ольгинском районе и др.) находят тесные камни.

Местные северные охотничьи племена не знают или очень мало знают о всех этих древних памятниках, так как пришли сюда значительно позднее, когда выросли мощные леса, скрывшие все это.

Опубликованные П. В. Шкуркиным протоколы заседаний Общества с участием научных докладов В. К. Арсеньева несмотря на их краткость являются исключительно содержательными и представляют большой интерес для ознакомления с воззрениями В. К. Арсеньева на историю и этнографию края.

☆

Для оценки деятельности Арсеньева имеют значение также следующие работы:

1. Сведения об экспедициях капитана Арсеньева В. К. (Путешествие по Уссурийскому краю 1900—1910 годах).

Записки Приамурского отдела Русского географического общества, т. VIII, вып. 2. Хабаровск, 1912, стр. 1—36.

Очерк анонимный, но текст его, несомненно, был составлен самим Арсеньевым. Составлен он по материалам сообщений Арсеньева на заседаниях Географического общества в Хабаровске. Очерк содержит многие неизвестные детали работ экспедиций Арсеньева, которые не вошли в позже изданные работы. Очерк важен для справок.

2. Арсеньев В. К. Сибирская советская энциклопедия; т. I, 1929, стр. 135 (с портретом). Краткая биобиблиографическая заметка.

3. Арсеньев Владимир Клавдиевич. Из сборника «Сто знаменитых географов и путешественников». «Глобус». Географический ежегодник для детей. Изд. Детской литературы ЦК ВЛКСМ. М.—Л., 1938 г., стр. 213.

Краткая справка о жизни и деятельности Арсеньева. Приведены названия трех его основных книг.

4. Фянк В. Путешественник-краевед, писатель. Мои встречи с В. К. Арсеньевым. Журнал «Наша страна», 7, 1941, стр. 29—34 (с примечаниями от редакции).

5. Халтурин И. И. В. К. Арсеньев. Исследователь Дальнего Востока. Журнал «Пионер», 9, 1945, стр. 20—23.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие	5
<i>Глава 1.</i> Биографические сведения	7
<i>Глава 2.</i> Экспедиции и экскурсии В. К. Арсеньева	30
<i>Глава 3.</i> Вклад В. К. Арсеньева в науку и литературу	38
<i>Глава 4.</i> Деятельность В. К. Арсеньева в оценке современников	67
Аннотированный список работ В. К. Арсеньева	80
<i>Приложение.</i> Литература о В. К. Арсеньеве	91

Редактор Г. Н. Эндельман

Л87917.	Подписано к печати 11/II—1948 г.	Формат бумаги 70 × 108 ¹ / ₁₆ .
Печ. л. 6.	Уч.-изд. л. 9,3.	В 1 печ. л. 62000 зн.
	Заказ 322.	
	Тираж 10 000 (5001—10 000) экз. Цена 6 руб.	

Набрано и заматрицировано в 16-й типографии треста „Полиграфнига“
ОГИЗа при Совете Министров СССР.

Отпечатано в типографии: Москва, улица Чехова, дом 6.

НА СКЛАДЕ МОСКОВСКОГО О-ВА ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

- Варсановьева, В. А.*— Алексей Петрович Павлов (2-е изд., исправленное и дополненное). 392 стр. Цена 22 руб.
Личков, Б. Л.— Владимир Иванович Вернадский. 8 л. Цена 6 руб.
Огнев, С. И.— Иван Флорович Огнев. 13 л. Цена 8 руб.
Очерки по истории русской ботаники. 28 л. Цена 26 руб.
Транковский, Д. А.— Академик Сергей Гаврилович Навашин. 36 стр. Цена 4 руб.

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

- Гептнер, В. Г. и Цалкин, В. И.*— Олени СССР. 12 л. Цена 15 руб.
Никольский, Г. В. и др.— Рыбы бассейна Верхней Печоры. 224 стр. Цена 18 руб.
Очерки природы Подмосковья и Московской области. 17 л. Цена 17 руб.
Фауна и экология грызунов.— Том II. Сборник статей. 228 стр. Цена 14 руб.
Формозов, А. Н.— Очерк экологии грызунов-носителей туляремии. 86 стр. Цена 8 руб.

БОТАНИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

- Алехин, В. В.*— Растительность и геоботанические районы Московской и сопредельных областей. 76 стр. Цена 6 руб.
Дылис, Н. В.— Сибирская лиственница. 140 стр. Цена 10 руб.
Кац, Н. Я. и Кац, С. В.— Атлас и определитель плодов и семян в торфах и илах. 92 стр. 46 табл. рис. Цена 12 руб.
Павлов, Н. В.— Растительные ресурсы Южного Казахстана. 204 стр. и 32 фото. Цена 14 руб.

ГЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

- Богданов, А. А.*— Тектоника Ишимбаевского Приуралья. 148 стр. Цена 10 руб.
Богданов, А. А., Обручев, Д. В. и др.— Очерки по геологии девонских отложений южной окраины Донецкого бассейна. 60 стр. Цена 4 руб.
Даньшин, Б. М.— Геологическое строение и полезные ископаемые Москвы и ее окрестностей. 308 стр. Цена 20 руб.
Географический сборник „Землеведение“, т. I. I— Статьи; II— Заметки и обзоры; III— Юбилей, годовщины, некрологи; IV— Рецензии; V— Географическая хроника; VI— Новости географической литературы. 312 стр. 5 вкл. Цена 25 руб.
Географический сборник „Землеведение“, т. II. Статьи, хроника, рецензии. 50 л. Цена 35 руб.
Очерки гидрогеологии и инженерной геологии Москвы и ее окрестностей. 164 стр. рис., вклейки. Цена 10 руб.
Очерки по региональной гидрогеологии СССР. 96 стр. Цена 8 руб.
Павлов, А. П., акад.— Геологический очерк окрестностей г. Москвы. 5-е изд., 88 стр. Цена 6 руб.
Пейве, А. В.— Тектоника Североуральской бокситоносной полосы. 218 стр. Цена 14 руб.
Сборник „Материалы по литологии“. 88 стр. Цена 10 руб.
Страхов, Н. М.— Очерки геологии кунгура Ишимбаевского нефтеносного района. 144 стр. Цена 10 руб.
Чернов, А. А.— Геологические исследования Северного Тимана. 96 стр. Цена 8 руб.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: Москва 9, Меховая 9)

Московскому обществу испытателей природы.

ЗАКАЗЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ ТАКЖЕ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ.

БОТАНИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

- Герасимова-Навашина, Е. Н.*— Наблюдения над развитием, строением и поведением спермиев у *Speris*. 3 л. Цена 3 руб.
Гроссгейм, А. А.— Растительный покров Кавказа. 20 л. Цена 18 руб.
Овчинников, П. Н.— Горные степи Средней Азии и их происхождение. 25 л. Цена 23 руб.
Попов, М. Г.— Очерки растительности и флоры Карпат. 25 л. Цена 23 руб.
Тахтаджян, А. Л.— Морфологическая эволюция покрытосеменных. 25 л. Цена 20 руб.
Тихомиров, Б. А.— Кедровый стланик, его биология и использование. 15 л. Цена 14 руб.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ „СРЕДИ ПРИРОДЫ“

- Алпатов, В. В.*— Медоносная пчела. 5 л. Цена 4 руб.
Бобринский, Н. А.— Животный мир и природа СССР. 20 л. Цена 15 руб.
Бутурлин, С. А.— Что и как наблюдать в жизни птиц. 8 л. Цена 5 руб.
Гладков, Н. А.— Кто и как летает в животном мире. Полеты в природе. 7 л. Цена 4 руб.
Говорухин, В. С.— Флора лугов и пастбищ Крайнего Севера СССР. Определитель. 25 л. Цена 15 руб.
Голенкин, М. И.— Растительный мир как производительная сила природы. 3 л. Цена 8 руб.
Гроссгейм, А. А.— В горах Талыша. Рассказ об одной экспедиции. 8 л. Цена 5 руб.
Кац, Н. Я.— Борьба за существование в мире растений. 8 л. Цена 6 руб.
Огнев, С. И.— Жизнь леса. 8 л. Цена 6 руб.
Огнев, С. И.— Фотография живой природы. 10 л. Цена 7 руб.
Ралль, Ю. М.— В мире песков. 10 л. Цена 7 руб.
Формозов, А. Н.— Звери в природе. 12 л. Цена 8 руб.
Формозов, А. Н.— Шесть дней в лесах. 6 л. Цена 4 руб.
Холодный, Н. Г.— Среди природы и в лаборатории. 15—17 л. Цена 12 руб.

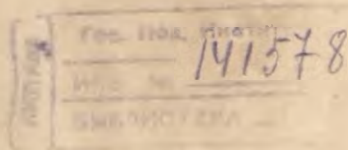
СПРАВОЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

- Дейнега, В. А.*— Указатель изданий Московского общества испытателей природы и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 25 л. Цена 25 руб.
Календарь русской природы. Книга 1-я. 25 л. Цена 20 руб.
Календарь русской природы. Книга 2-я. 25 л. Цена 25 руб.

ЗАЯВКИ И ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Москва 9, Моховая 9,

Московскому о-ву испытателей природы.

Цена 6 руб.

Новая цена

3 р. 60 к.